SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Княжна Варвара Ильинична Туркестанова (26 декабря 1775 — 20 мая 1819) — представительница знатного грузинского рода, фрейлина императрицы Марии Федоровны, фаворитка императора Александра I.

В 1808 году Варвара Ильинична была пожалована во фрейлины императрицы Марии Фёдоровны и сразу стала украшением императорского двора. Красавицей она не была, но привлекала к себе особым обаянием, приветливым обхождением, добрым характером. Умом и разносторонней образованностью она выделялась среди придворных.

Скоро при дворе стали замечать особый интерес императора Александра I к фрейлине Туркестановой, как впрочем, и её интерес к нему. Сначала их отношения были дружескими, но в 1813 году, после отъезда на некоторое время за границу фаворитки М. А. Нарышкиной, император все чаще стал обращать свой взор на Варвару Ильиничну. В свете даже поговаривали о новой фаворитке императора.

В 1818 году помимо императора у 42-летней княжны Туркестановой развивался новый роман — с 24-летним князем Владимиром Сергеевичем Голицыным (1794–1861), сыном Варвары Энгельгардт. Веселый и остроумный Голицын пользовался в свете большим успехом, в особенности у женщин. Варвара Ильинична влюбилась в него, но что чувствовал к ней сам Голицын, неизвестно. Одни говорили, что будто бы он заключил пари, что соблазнит Туркестанову; другие, что Голицын хотел даже жениться на ней, но, застав у нее однажды ночью Александра I, отказался от мысли о браке.

Варвара Ильинична оказалась в трудном положении, как ни скрывала она свои оба увлечения, слухов вокруг неё было много. К её нравственным страданиям добавились физические недомогания, она была беременна. В таком состоянии, которое Туркестанова вынуждена была скрывать от окружающих, ей предстояло сопровождать Марию Фёдоровну в её длительной поездке по Европе. А. Я. Булгаков писал П. А. Вяземскому в августе 1818 года: «А едут с императрицей Марией Фёдоровной: Александр Львович Нарышкин для шуток, Альбедиль — для денег, Туркестанова — для ума, графиня Самойлова — для рожицы…» Дневник этого путешествия и предлагается вниманию читателей.

В Петербург княжна Туркестанова вернулась в конце 1818 года. В апреле 1819 года она родила дочь Марию. После этого,

доведённая до отчаяния, она приняла яд, который подействовал не сразу. Промучавшись несколько недель, княжна Туркестанова умерла 20 мая 1819 года. Официально при дворе было сказано, что фрейлина Туркестанова умерла от холеры. Похоронили её в Александро-Невской лавре.

- Варвара Туркестанова
  - Письма, адресованные графу и графине Литта
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

Варвара Туркестанова
Дневник княгини Варвары Туркестановой, фрейлины Ее Императорского Величества Марии Фёдоровны, за 1818 год

Письма, адресованные графу и графине Литта

Йена, 28 августа 1818 года.

Верная взятому на себя обязательству, господин граф, я пишу вам в первый же день нашего путешествия. Мы покинули Гатчину в половине восьмого утра, хотя были на ногах уже с шести часов. Казалось, багаж в карету будут грузить вечно. Пока люди сновали туда-сюда, мы вели приятную беседу в покоях императрицы. Наконец господин Нарышкин пришел сообщить, что всё готово. И вот мы отправились в путь. Дорога была превосходной, погода — великолепной. Мы прибыли в Кашково до девяти часов. Там нам перво-наперво сообщили, что коляска наших горничных, которых мы взяли накануне у управляющего Форбеллиуса, сломалась еще до того, как тронулась. Собравшаяся вокруг толпа утверждала, что несчастье случилось из-за перегрузки. Все живо обсуждали, что же теперь делать. Пока каждый высказывал свое мнение, я от души ругала двух глупых баб, обладавших талантом так неумело укладывать вещи. Однако сломанные части удалось крепко связать. Васильев отправился в Санкт-Петербург, чтобы заказать новый экипаж, а починенная худо-бедно коляска пустилась в дорогу. В Кашково мы распрощались с великим князем и его супругой. Затем я вместе с госпожой Самойловой села в карету Ее Величества. В Ополье нас ждал завтрак, где подавались мясные блюда. Оттуда мы отправились в Ямбург, где остановились, чтобы осмотреть фабрику по производству выбоек[1], открывшуюся полгода тому назад. Фабрику открыл и заставил слаженно работать некий швейцарец по фамилии Липп. Мы увидели, как ткутся очаровательные ситцы; некоторые из них повторяли узоры тканей Жуйя(?). Почти все работники там были иностранцами — немцами или швейцарцами. Императрица узнала среди них несколько подкидышей, о которых весьма благосклонно отозвался хозяин. На фабрике хотели подарить несколько отрезов императрице, однако она предпочла их купить. Они действительно были весьма милыми. Эти полотна сушатся при помощи паровой машины. Я проявила любопытство и остановилась, чтобы вблизи увидеть, как это всё происходит, но чуть не задохнулась, поскольку температура достигала там 40 градусов.

Мы проехали Нарву, не останавливаясь. Сейчас мы находимся в Йеве, в доме генерала Ингельстрома, у которого 13 детей, один очаровательнее другого. Жена его — урожденная Дуглас и

принадлежит к роду Дугласов, выходцев из Шотландии. Однако по внешнему виду можно сказать, что она скорее немка, чем англичанка. Здесь нас принимал старый Бенкендорф. Он специально приехал, чтобы повидаться с императрицей. Когда ужин закончился, все разъехались по домам. Нам предоставили нору вместо спальни, и поскольку не существовало ни малейшего способа обустроить там постель, я отдала все помещение в распоряжении госпожи Самойловой, а сама прошла в другую комнату, чтобы написать вам письмо, полная решимости провести бессонную ночь. Сломанная коляска наших горничных превратилась в нечто похожее на дилижанс: она необычайно легко катится и прибыла сюда задолго до нашего приезда.

Обер-камергер был весьма активным, весьма заботливым и любезным, как всегда. Императрица проявляет к нему симпатию. Графиня Ливен повторяет: *очаровательно*, а я говорю *in petto*: надо дойти до конца, а потом уже судить. Я забыла вам сказать, что в Ямбурге к нам прибыл нарочный из Варшавы. Великий князь Константин намеревается организовать нам пышный въезд. Мы же наоборот хотели въехать скромно. Вот еще один предмет для обсуждения. Посмотрим, однако, продолжится ли спор завтра…

Дерпт, 29 августа.

Поскольку господин Козадавлев вполне способен завести с вами разговор о коменданте Нарвы, прибывшим встречать нас во главе нескольких военных и отдавшим приказ выстрелить несколько раз из пушек крепости, я собираюсь мысленно препроводить вас в Нарву и рассказать вам о событии, безусловно, вполне заурядном, но которое *Съверная Почта*[2] со свойственным ей высокопарным стилем вполне может преподнести как наиважнейшее. Вы должны знать, что комендант встретил нас за несколько верст до города и что пушки стреляли, пока мы проезжали через город, вот и всё, что было. А если же *Съверная Почта* поведает вам о нашем триумфальном успехе в Дерпте, она скажет чистую правду. Полицмейстер города, адъютант Паулуччи, жандармы, казаки с зажженными факелами в руках, бесчисленная толпа, крики «ура», сопровождавшие нас до самых пригородов, вот, что мы видели, при нашем въезде. Сначала мы хотели сразу же посетить Университет, но поскольку было уже поздно, мы отложили свой визит на следующий день. В тот же вечер мы принимали в узком кругу властей города, профессоров и некоторых других лиц. Избранных мы пригласили остаться на ужин. Моим соседом оказался некий старый Липхардт, с которым я вела беседу о ботанике; он владеет землями в окрестностях города и занимается разведением

растений. Императрица, услышав, что он рассказывает о *Camélia Japonice* и о *Bigonia Discolor*, пришла в восторг от его учености и пригласила посетить Павловск, что он никогда не сделает по здравому размышлению.

Сегодня мы проделали 127 верст, подчас увязая в песках и, следовательно, продвигаясь вперед еле-еле. Эстонию, безусловно, никак нельзя назвать красивым краем; однако при въезде в Литву я заметила несколько приятных местечек. Мне представляется, если я не ошибаюсь, что здесь поля более ухожены, чем в окрестностях Петербурга. По меньшей мере, у них более опрятный вид. Императрица, вынудившая нас пуститься в путешествие для того, чтобы развить наш ум и наши сердца, как я полагаю, заставляет нас каждое утро читать главу из Библии и главу из Нового Завета, что весьма способствует поставленным целям. Однако, если вы спросите мое мнение, я отвечу вам, что моей юной спутнице не по душе читать Старый Завет. Я жду, что в ближайшие дни какая-нибудь интересная глава откроет ей глаза и мы услышим, какие разъяснения она получит. Я очень долго не забуду этих Ингельстромов, у которых мы провели прошлую ночь. Никто не мог бы разместить нас, госпожу Самойлову и меня, хуже, чем они. Вообразите себе, что из-за отсутствия кровати мы расположились на земле, она — на своем манто, а я расстелила шаль. Дурной воздух, наполнявший комнату, заставил нас держать всю ночь окно открытым. Я подхватила ужасный насморк и весь день только и делала, что кашляла, сморкалась и плевалась. Императрица читала свои записи о заседаниях Совета, а Шарлотта, слава Богу, заснула. Будьте покойны, госпожа графиня, мы возвратим ее вам в добром здравии. Она всё переносит великолепно и есть во время путешествия, как маленькая прожора. Прощайте же, я ложусь спать, поскольку очень устала.

Вольмаршов, 30 августа.

День наш начался с того, что в Дерпте мы прослушали мессу. До самой церкви нас сопровождал эскорт из казаков: они ехали в парадных мундирах, а мы следовали за ними немного в стороне. После мессы и благодарственной молитвы *Te Deum* мы отправились в Университет. Нас ожидали всякого рода ученые, выстроившиеся в ряд. Сначала нам показали прекрасный учебный зал, посреди которого возвышалась кафедра, а над ней висел портрет императора в греческом костюме, что делало его совершенно неузнаваемым. Затем нам показали монетный кабинет, где хранятся старинные медальоны, привезенные с острова Эзель. Там же нам показали различные рисунки и

очаровательные гравюры. Портрет маршала князя Барклая, исполненный *Сенфом*, просто великолепен. Я полагала, что его подарят императрице, поскольку она была просто очарована им. Однако художник, то ли из-за застенчивости, то ли потому, по забывчивости, не сделал ничего подобного. Из монетного кабинета нас провели в кабинет естественной истории, где быстро рассказали о трех царствованиях. Затем нам показали физический кабинет, в связи с чем я смогла познакомиться со знаменитым физиком *Паротти*, недавно открывшим способ плавки горного хрусталя. Он проделал опыт в нашем присутствии. Если бы я не была столь глупой, я рассказала бы вам о водороде, но увы! я ничего не поняла из ученых рассуждений господина Паротти и могу вам сказать только то, что вначале довольно крупный кусок хрусталя вскоре превращается практически в пыль. Я также видела профессора *Моргенштерна*, который в 1809 году путешествовал по Италии и о котором в Германии была опубликована восторженная заметка. Господин *Эверс*, занимавшейся историей, в частности историей России, был болен и не мог присоединиться к своим коллегам. Императрица высказала множество комплиментам всем этим господам, которые пришли от ее слов в восторг. Нам не хватило времени, чтобы посетить библиотеку, ведь мы должны были выехать ранним утром. Тем не менее, хотя мы и торопились, но всё же покинули Университет лишь в десять часов. День был просто создан для путешествий. Правда, солнце не светило, но зато не лил дождь и не дул сильный ветер На расстоянии между тремя почтовыми станциями дорога была чудесной. Обедали мы в *Куйкунце*[3] в довольно плохом трактире, а оттуда без остановок доехали до Вольмаршова, который до сих пор принадлежит господину Лёвенштерну, зятю господина Брея. Вся семья находилась в Карлсбадене, а там был только старший сын. Но самое занимательное заключается в том, что я не могу вам сказать, видела ли я его или нет. На ужине присутствовали две или три незнакомых особы, но был ли там господин Лёвенштерн, мне так и осталось неизвестным. Я знаю только лишь, что этот господин пребывает в угнетенном состоянии духа, что он ни с кем не встречается, поэтому вполне возможно, что мы так и не увиделись с ним, будучи в его замке. Но в любом случае мы там разместились весьма удобно. Простуда моя пока еще не прошла; насморк у меня стал меньше, но я по-прежнему сильно кашляю. Рюль велел мне принимать лекарства, а императрица потчевает меня пастилками из розового просвирника. К тому же она внимательно относится ко мне и моей спутнице. Мы болтаем о том и о сём. Что касается графини Ливен, она постоянно говорит

о различных злоупотреблениях правительства и рассказывает бесконечные истории о Литве. А когда я решаюсь спросить у нее: «но, сударыня, откуда вы это знаете?», она отвечает: «О! у меня есть *шпионы*, которые докладывают мне обо всём!» Впрочем, как я отчетливо поняла вчера, эта дама всё время стремится внушить к себе уважение.

Ну вот, на сегодня довольно. Завтра я напишу из Риги, куда мы должны приехать около шести часов. Я забыла вам сообщить, что мы въехали в Варшаву спокойно и без опоздания. Вчера ее Величество написала об этом великому князю. Из Риги я пошлю вам письмо и постараюсь быть точной: позвольте мне это сделать!

Рига, 31 августа.

В сей момент, господин граф, нужно быть хозяином своего слова, как я и поступаю, чтобы писать вам сегодня: я падаю от усталости. Как мы, госпожа Самойлова и я, проделали его, только одному Богу известно. Меня приводит в отчаяние та скорость, с которой мы путешествуем. Я почти не сплю, а Софи не может ничего съесть, чтобы после этого не заболеть. Мы выглядим самыми настоящими неряхами по сравнению с нашей благодетельницей и даже по сравнению со старой графиней. Этих дам по праву можно назвать героинями: они сумеют пройти от одного полюса до другого, и с ними не случится ни малейшего несчастья. А вы так беспокоились о здоровье госпожи Ливен! Право же, вам пришлось бы скорее пропеть *De Profundis*[4] над одной из нас, чем над ней. Что значил наш триумф в Дерпте, после триумфа в Риге! Ничто! Нужно было видеть, как вы въезжали туда! Маркиз Паулуччи у дверцы кареты, генерал Лаптев, комендант Рихтер, адъютанты этих господ, наконец 200 представителей городской буржуазии в мундирах, отделанных галунами, на лошадях, покрытых великолепными чепраками! Нужно было видеть эту процессию! Нужно также было видеть радостное выражение лица некой дамы! Могу вас заверить, что мы помолодели на десять лет. А меня разобрал безудержный смех, когда высунув голову из кареты, я увидела этих буржуа на лошадях и похожих на Готье. Нет, смотреть на это было невозможно. Мы отправились прямо в собор, затем поехали в замок, где уже собрались все дворяне и купцы. Императрица прошла в свою комнату, чтобы привести себя в порядок, а через полчаса она появилась в салоне, где ей сначала представили дам, а затем кавалеров. Госпожа Паулуччи, вся в жемчугах и бриллиантах, настолько плохо себя чувствовала, что едва держалась на ногах. Несчастная женщина страдала нервной болезнью со времени смерти своей сестры Свечиной, милой

особы, которую вы, возможно, помните. Императрица проявляла большое внимание ко всем присутствующим. Вскоре маркиз Паулуччи предложил поехать в театр. Спектакль давали в доме под названием «Мусс». Это был своего рода клуб, напоминавший те, что некогда существовали в Петербурге, то есть собрание дворян и купцов. С одной стороны там был расположен театр, а с другой — зала для проведения балов. Таким образом, выйдя из ложи, мы сразу же попали на бал. Нам показывали оперу-водевиль с очень приятной музыкой. В финале звучали тирольские песни, и в самом деле хорошо исполненные. На балу я чуть не умерла от жары: помещение было маленькое, присутствующих — много. Пришлось танцевать полонез раз двадцать. Императрица заявила, что она нигде не танцует полонез; поэтому по праву старшинства бал открывала я с бойким маркизом, который всё время расспрашивал меня о вас и поручил мне кланяться от его имени госпоже графине. Ужин был великолепным, но слишком длинным и слишком утомительным для меня, поскольку под конец мои глаза перестали различать предметы. Рядом со мной сидел господин Дюамель, которого я тоже в конце концов перестала понимать. Вернулись мы полчаса тому назад, а поскольку я собралась с мыслями, то быстро воспользовалась возможностью поделиться с вами впечатлениями. Кстати, я чуть не забыла рассказать вам о визите, который мы нанесли княгине Барклай, чьи земли расположены в двух верстах от Вольмара. Я нашла ее в весьма подавленном состоянии, но она чрезвычайно обрадовалась, увидев императрицу. Мы узнали, что недавно к ней заезжал император. Я была очень довольна, что ничего не зная о его визите, мы сделали то же самое.

Митава, 1 сентября.

Этим утром, когда Софи и я занимались своим туалетом, к нам в комнату вошла старая худая женщина с листком бумаги в руках. Она спросила, как можно передать прошение императрице. Я ответила, что это обычно происходит в тот момент, когда Ее Величество собирается садиться в карету. Однако подобный способ не подходил даме, ибо она сказала, что опасается полиции. Поскольку она горько плакала и рассказывала мне о своей бедности, я решила взять у нее прошение и спросила, чего же она хочет. Женщина поведала, что она очень бедная, что ее дочь замужем и обременена большой семьей и не в состоянии содержать мать. Наконец она сказала, что просит императрицу помочь ей и в частности оказать милость и вызволить ее из Риги. Я сказала, что вне всякого сомнения вдовий дом мог бы ей стать

пристанищем и что она должна попросить в нем место. «Нет, — возразила дама, — я не хочу попадать во вдовий дом; меня гораздо больше бы устроило, если бы Ее Величество взяла меня к себе в качестве чтицы, одним словом, приблизила бы меня к своей особе». Представляете, как я изумилась! Я вновь внимательно посмотрела на просительницу, а когда заметила, что она совершенно беззубая, едва сумела удержаться от смеха. «Вот, — сказала я про себя, — достойная чтица!» Тем не менее, я взяла ее прошение и сейчас она находится у Вилламова. Эту историю я рассказала императрице, и она ее весьма позабавила.

Мы посетили мессу в церкви, примыкающей к замку. Оттуда направились в сиротский приют, затем во вдовий дом, потом в чудесную протестантскую церковь, где находится очень красивый орган, на котором для нас играли. После чего мы совершили прогулку по пригородам, полностью восстановленным после пожара 1812 года. Все дома там деревянные и построены по новому плану. Маркиз разбил очень милые променады. Он обсадил аллеи каштанами, которые вполне прижились. Возвратившись в замок, императрица узнала, что император посетил обсерваторию, и изъявила желание отправиться туда. Нам пришлось взбираться по 130 ступенькам. Однако сей труд был вознагражден по меньшей мере чудесным видом, открывшимся на Ригу, ее порт, Двину, усеянную кораблями, и просматривавшийся вдали город Динабург. Был устроен торжественный обед, где присутствовали важные особы и десяток дам; некоторые из них были весьма любезными. Моей соседкой оказалась госпожа Будберг, урожденная Кампенхаузен. Беседа с ней доставила мне удовольствие. Она провела восемь лет за границей и обо всём очень интересно рассказывает. Выйдя из-за стола, мы сели в карету, покинули Ригу и в девять часов приехали сюда. Герцог и герцогиня Вюртенбергские специально прибыли в Митаву, чтобы увидеть императрицу. Нас разместили в прекрасном особняке. Дворяне дали за свой счет ужин; и теперь, когда всё закончилось и все разошлись, я вернулась к своим обязательствам. Вот, что произошло сегодня. Император, проезжая эти места, объявил о даровании свободы крестьянам Курляндии. Он принял депутацию, которая засвидетельствовала ему благодарность от имени освобожденных. Он был весьма доволен.

Мезоттен, владения графини Ливен, 2 сентября.

Этим утром в Митаве к нам приехали представиться несколько дам. Нам также нанесла визит семья герцога Вюртенбергского. Мы договорились, что завтра мы поедем к ним

в *Грюнхофф*, замок в окрестностях Митавы, где живет герцог. Граф Медем, предводитель дворянства, просил императрицу посетить капитул этого города, поэтому перед тем, как отправиться в дорогу мы приехали к этим дамам, которые во главе аббатисы ожидали нас у ворот. Они были одеты в черные одежды, перехваченные голубой лентой с белой каймой. Обитель эта основана госпожой Бисмарк, сестрой знаменитой герцогини Курляндской. Впрочем, я совершила бы ошибку, если бы подробно описывала заведение этого капитула, поскольку рассказать вам о нем может ваш племянник, князь Григорий, ведь именно туда поступила его дочь Варинька[5]. Простившись с этими дамами, мы отправились в Мезоттен, и несмотря на то, что герцог Вюртенбергский пугал нас плохими дорогами, мы нашли их весьма хорошими. За три часа мы проделали путь в пять с половиной миль. Графиня оказала нам чудесный прием. Она провела нас через триумфальную арку, во дворе нас ожидал караул, стреляла пушка; словом, встреча была обставлена очень помпезно. Замок очень красивый. Он выстроен в современном стиле, потолки очень высокие, а сами комнаты восхитительно пропорциональны. Обстановка очень скромная, но необычайно чистая. Паркет, красивые зеркала, люстры, лампы, одним словом, ни в чем нет недостатка. Вассалы, впервые увидев свою госпожу, спешили засвидетельствовать ей радость, а она сама, не ожидав найти их столь счастливыми, так разволновалась, что я увидела, как она расплакалась.

Императрица сияла от счастья, что приехала в Мезоттен. А я испытала огромное удовольствие, вновь встретившись с Шопингом, который приехал сюда вместе с графом Иваном Ливеном. Нам устроили великолепный обед, играла музыка, подавали отменные вины всего было вдоволь. После обеда императрица ушла к себе, чтобы написать письма всем своим детям. Я вместе с Шопингом поднялась в свою комнату, где мы и побеседовали от души. Я говорила ему о Петербурге, а он мне — о своей жизни в деревне. Слушая его, я не могла отделаться от небольшого чувства зависти. Он независим, делает всё, что хочет, богат; что еще нужно для счастья? Он настолько наслаждается сладостью своего существования, что поклялся мне, что не испытывает более никаких желаний в данный момент. Вечером, решив доставить удовольствие графине, императрица составила ей партию в дурака[6], а когда совсем стемнело, мы увидели прекрасную иллюминацию. Как вы понимаете *Mutterchen* понесла огромные расходы, поэтому мы ей выразили бесконечную признательность за заботу. Мне бы очень хотелось, чтобы вы увидели, как она сновала туда-сюда, принимая гостей. Мы ведь

так привыкли видеть ее всегда невозмутимой, что такое поведение казалось немного забавным. Все разошлись. Я тоже ложусь спать, ведь завтра надо отправляться в четыре часа. У нас будет очень напряженный день.

Радзивилишки, 3 сентября.

Мы находимся в маленьком городке, который входит в число владений князя Зубова. Императрица об этом не догадывается, поскольку я готова спорить, что если бы она знала, то мы бы здесь ни за что не остановились. Она ни за что не захотела выходить из кареты в *Шавли*, чтобы не ступать на землю человека, о котором она до сих пор хранит горькие воспоминания. За несколько минут до нашего прибытия в Шавли она запретила нам принимать какие-либо подарки, которые могли бы быть преподнесены нам в этом месте. А пока императрица занимает дом, принадлежащий этому самому человеку, и мы дали друг другу слово, что ничего ей не скажем. Генерал Корсаков едет вслед за нами с тех самых пор, как мы въехали в его губернию. Я нахожу, что здесь дороги и лошади гораздо лучше, нежели в Курляндии. Мы выехали из Мезоттена ровно в четыре часа, как и договорились. Мы возвратились в Митаву, чтобы оттуда поехать в Грюнхофф. Это довольно просторный замок и хотя он не поражает великолепием, герцогиня была бы счастлива жить там, а не в Витебске, который наводит на нее ужас. Однако ее драгоценный супруг придерживается иного мнения. Он рассчитывает пробыть здесь месяц, а затем вернуться в свой гарнизон. Увидев образ жизни, который ведет герцог Вюртенбергский, я представила, как же его супруга хочет жить в Петербурге. Невозможно вообразить себе более смешное, чем лестницу дома, вооруженных шпагами слуг, стоящих по бокам, грязного грума-оборванца, обед, который сразу нужно бросить собакам! И вместе с тем своего рода чванство как представителя рода принцев Вюртенбергских. Несомненно, ничто не может быть более экстравагантным или, правильнее сказать, неуместным. Меня воротили при виде отвратительного обеда: не было даже съедобного бульона. Герцогиня отправилась в Ригу, чтобы увидеться с императрицей Елизаветой и еще не вернулась, когда мы приехали. Однако к концу обеда она появилась, рассыпавшись в извинениях. Она уехала, как и мы, в четыре часа. Но ее лошади оказались настолько плохими, что она задержалась в дороге. Из Грюнхоффа мы отправились прямиком в Литву; а имея предоставленных в наше распоряжение хороших лошадей, мы приехали гораздо раньше, чем рассчитывали. Сегодня я читала в карете «Жизнь» господина Бибикова, деда Рибопьера.

Если бы стиль был менее тяжелым, книга читалась бы с бульшим удовольствием. Однако надо признать, что у кузена перо совсем не блестящее. Впрочем, это довольно интересное чтиво. Один Господь ведает, что случилось с нашими горничными. Они до сих пор не приехали, и поэтому постель моя не постелена. Мне придется, не раздеваясь, устроиться на ночь на стульях. Прощайте же, господин граф. Целую вас, госпожа графиня.

Ковно, 4 сентября.

Вот и граница. Завтра мы въезжаем в Польское королевство. Великий князь Константин прислал сюда своего адъютанта господина Кицкого для сопровождения императрицы. Вице-король также прислал своего адъютанта, но я не знаю, как того зовут. Сегодня мы славно путешествовали. Погода стоит прекрасная, и мы проезжаем через много прелестных местечек. При виде каждого дерева, но не березы, императрица издает радостный возглас, а когда мы заметили первые тополя, я испугалась, как бы она не выскочила из кареты. *Mutterchen* пребывает в смятении: у нее украли кусок жареной лосятины, который она везла с собой из Мезоттена и которым рассчитывала угостить нас и себя. Когда наступила время обеда, графиня потребовала принести лосятину. Все побежали искать ее там и сям. Петр говорил, что отдал кусок Павлу, Павел же утверждал, что видел его у Ивана. Называли Бенуа, называли Шмидта, но никто не знал, куда он делся. Короче говоря, лосятина пропала. У Mutterchen резко испортилось настроение, поскольку в карете остаток дня ониисказала, к чему бы придраться и всё время перечила. Вы, конечно, понимаете, кто стал настоящим козлом отпущения. Впрочем, в тот день не произошло ничего интересного. Я закончила мемуары Бибикова и читала газету, которую принесли нам вчера. Мы проехали мимо монастыря бернардинцев. Мне очень бы хотелось его посетить, но не было никакой возможности попросить об этом. Впрочем, когда я сказала о своем желании, императрица обещала, что позволит мне осмотреть один из монастырей при первом же удобном случае.

Сувалки, 5 сентября.

Поистине, нет ничего более ужасного, чем путешествовать под проливным дождем, по размытым дорогам и с визави, в обществе которой нужно следить за собой. Я сегодня испытала настоящую пытку, попытавшись удобно устроить свою визави. Самой же мне пришлось ютиться. Несколько часов, проведенных в неудобной позе, совершенно измучили меня. Уже почти четыре

часа утра, а мы только остановились на ночлег. Польское королевство не производит приятного впечатления. Вряд ли можно себе представить более ужасные дороги, чем те, по которым мы едем. Здесь намеревались построить тракт и даже завезли землю и песок. Однако начавшийся дождь превратил всё это в такую кашу, что колеса кареты увязали до ступиц. Кроме того, поскольку эта местность гористая, возвышенности встречаются на каждом шагу. На одну из гор мы взбирались около часа. Потребовалось запрячь 20 лошадей, чтобы вытащить нас из грязи. На первой почтовой станции Польши мы встретили президента воеводства, по которому едем, и генерального почтмейстера. Эти господа проводили нас досюда. Нас также сопровождают жандармы, но несмотря на всё это мы еле-еле продвигаемся вперед. Императрицу совсем оставило мужество. При каждом неверном движении она пугается, а ночью она до того испугалась, что стала задыхаться, словно в бане. К счастью, наконец мы приехали. Я увидела отъявленного дуэлянта генерала Паза, прибывшего сюда вместе с супругой, чтобы засвидетельствовать почтение императрице. Поскольку я плохо вижу, то не смогла разглядеть лицо его супруги, однако Ее Величество находит, что она прелестна. Она приходится сестрой Малаховскому, с которым вы наверняка встречались в Петербурге. Сегодня утром уезжая из Ковно, когда я оказалась на мосту через Неман, я приказала показать мне место, с которого Бонапарт повел в атаку свои войска. Я непременно хотела запечатлеть его в памяти. Помните, какой ужас мы испытали при этом известии? А в какие размышления можно погрузиться, находясь на знаменитом мосту! Да и как не поразмыслить о реверансах, комплиментах, политесе, которые делают нам господа поляки! *Altri tempi.*[7]

Щукна, 7 сентября.

Сегодня я могу вам сказать, что госпожа Паз красивая, поскольку она приходила ко мне (я представилась ей вчера). Она сказала мне, что в Варшаве мы не увидимся, так как она еще живет в деревне. Я поняла, что просто ее супруг не может появляться при дворе. Вот что я узнала. Генерал, которого я представляла себя необузданным даже внешне, наоборот оказался очень мягким. В течение десяти минут, которые они провели у меня в комнате, мы вели бессвязный разговор. Президент и почтмейстер вчера вели себя просто очаровательно. Эти господа сделали невозможное, вызволяя нас из беды, в которую мы попали, пытаясь взобраться на горы. Несмотря на сильный дождь они вышли из колясок, отдавали распоряжения ямщикам,

раздавали факелы. Наконец, они всё время занимались нами. Я поспешила выразить им признательность императрицы, которая поручила мне это сделать, если я увижу их раньше, чем она. Она также превосходно обращалась с ними. Господин Нарышкин уверяет меня, что эти господа не могут придти в себя от приветливости императрицы. Впрочем, вы можете себе это без труда представить. Вы догадываетесь, как она заботится о пленницах. Мы тоже получили урок. Дождь, к счастью, прекратился, и погода прояснилась. Сегодня мы смогли ехать очень быстро. До того, как мы приехали на последнюю станцию, то есть на Щукну, откуда я вам пишу, нам повстречался казачий разъезд, а затем появился сам великий князь. Он пребывает в чудесном настроении и не перестает благодарить императрицу за то, что она изволила ехать через Варшаву. Он рассказал нам обо всём, что нас там ожидало. Вы будете узнавать об этом изо дня в день, поскольку я собираюсь продолжать вам писать ежедневно. Я с горечью предвижу, что потрачу много средств, любезно предоставленных вами мне, однако утешаю себя тем, что получу векселя под залог столового серебра. Мне очень хочется увидеть в Варшаве генеральшу княгиню Чарторыйскую, фрейлину княгиню Радзивилл, и княгиню Марию Вюртенбергскую. Сейчас они там находятся все трое. Великий князь расхвалил наместника, которому было решено оказать особенный прием. Мы, то есть я и госпожа Самойлова, лично нанесем визит княгине Зайончек и ограничимся тем, что остальным дамам пошлем наши визитные карточки. А пока прощайте. Хотя еще нет десяти часов, я немедленно ложусь спать.

Остроленка, 7 сентября.

Сегодня сохранилась хорошая погода, и мы ехали очень быстро. Мы остановились на ночь, когда еще не было и пяти часов. Императрица вечером будет писать письма, поэтому она отпустила нас, чем я и воспользовалась, чтобы отослать вам 20 страниц моего дневника. Великий князь по-прежнему очень любезен и внимателен. Мне показалось, что он прекрасно ладит с поляками. Все утверждают, что он сумел обуздать свою запальчивость. Он мне доверительно поведал, что его долго еще не увидят в Петербурге, поскольку он не пользуется там расположением. Завтра вечером мы приезжаем в Варшаву. На следующий день у нас состоится большая церемония представления, торжественный обед и, возможно, бал у наместника. Подумать только, едва успев приехать, мне придется заняться своим гардеробом. Как печально думать о том, что тебе не нравится. Прощайте до завтрашнего вечера.

Варшава, 8 сентября.

Вчера вечером, отослав вам свой дневник, я только и думала о том, как бы побыстрее лечь спать, ведь мы договорились выехать сегодня в пять часов. Действительно, часы не успели пробить четыре, как нам сообщили, что императрица уже проснулась. Вскоре всё общество было в сборе. Я садилась в карету одной из последних, немного опасаясь, что заставила ждать, однако пришла в немалое удивление, увидев, что Ее Величество оживленно беседует с президентом Зелинским. Они перебирали всех представителей царства флоры. У президента в парках росла *белая георгина* с пурпурными прожилками. А по тому, как он ее восторженно описывал, сразу можно было понять, что он и любитель, и знаток одновременно. Императрица восторженно слушала его. После *Dalia* наступила очередь *Dattura*. Президент проявлял удручающие познания. Нарышкин стал проявлять нетерпение; Вилламов зевал; малышка Самойлова, которая толком не выспалась, едва держалась на ногах; люди постоянно повторяли *всё готово*[8], но разговор по-прежнему продолжался. Наконец я толкнула локтем *Mutterchen,* и она подала сигнал. Мы распрощались с Зелинским. Императрица пришла в такой восторг от его глубоких познаний в ботанике, что помимо прекрасного кольца, которое она уже подарила ему, предложила стать крестной матерью ребенка, которого его супруга должна была вскоре, по словам президента, родить. Мы обедали в Пултуске, небольшом городке, живописно расположенном а берегу Нарева. Там мы посетили монастырь бенедектинцев и их колледж. При нашем приезде учащиеся окружили карету, крича *Виват* и бросая пригоршни цветов в лицо каждой из нас. Мы остановились в резиденции епископа, где для нас был заказан обед. В полдень мы вновь пустились в путь. Дорога была великолепной. Мы мчались словно ветер. В пять часов мы уже приехали в Заблуню, деревню, которая принадлежала Юзефу Понятовскому и которую недавно унаследовала госпожа *Тышкевич*. Замок очень красив, но парки пришли в полнейшее запустение. В Заблуне императрицу ждал огромный сюрприз: она встретилась там со своим братом Евгением, который специально приехал в Варшаву, чтобы увидеться с ней. Они не виделись 36 лет. Можете сами себе представить, что в ту минуту они испытывали. Этот брат не похож на герцога Александра. Он старше и весьма странно одет. Императрица сочла, что он ей напоминает в точности покойного отца. Полагаю, что мы посетим его, когда будем проезжать Бреслау. По меньшей мере он просил ее остановиться на ночлег

не в Вюртенберге, а отдать предпочтение его дому. Я забыла вам сказать, что перед тем как въехать в Пултуск я приказала показать поле сражения, откуда маршал Каменский внезапно покинул армию и бежал как сумасшедший, никому не сказав ни слова. Многочисленные холмики, до сих пор различимые на некотором расстоянии друг от друга, указывают на места захоронения погибших. Въезд в Варшаву через пригород Прага не представляет собой ничего примечательного. Раньше здесь всё было застроено, а теперь это голая равнина, поскольку Бонапарт приказал сжечь всё в этой стороне. И лишь ближе к Варшаве появляются дома. Великий князь Константин является депутатом от этой общины. Вы въехали в город в разгар дня. До дворца нас сопровождала толпа. Его Величество ехал верхом около кареты без всякой свиты. Внизу лестницы стояли наместник, несколько должностных лиц, княгиня Радзивилл с двумя дежурными фрейлинами — княгиней Гедройц и графиней Радалинской. Мы поднялись. Мы пообщались в узком кругу минут пятнадцать, а затем каждый пошел к себе. Великий князь проводил нас в наши апартаменты. Мои апартаменты просто очаровательны. Это те, которые занимал великий князь Михаил. Меня превосходно устроили и я надеюсь хорошо отдохнуть этой ночью в хорошей постели, наконец-то. У князя Зайончека великолепная выправка, седые волосы, весьма почтенный вид. Он с трудом передвигается на костылях и его всегда поддерживают адъютанты. Среди высокопоставленных особ я с радостью заметила господина Новосильцева.

9 сентября, полночь.

День сегодня выдался довольно утомительным, уверяю вас. В половине двенадцатого состоялась церемония представления для военных; они заполнили собой три зала; затем — для духовенства; потом наступила очередь сената и всех гражданских лиц, а под конец вошли дамы. Знаете ли, госпожа графиня, эти польки, о которых нам рассказывают с таким воодушевлением, эта красота, эти столь элегантные манеры… Да этого почти ничего нет! Из 50 дам, собравшихся сегодня, красивыми были только княгиня Максимильян Яблоновская, госпожа Тулинская и одна из барышень *Грудзинских*, сестра госпожи *Гутаковской*, с которой мы встречались в Петербурге. Что касается их туалетов, то ничего особенного, вернее совсем ничего особенного. Они одеты по прошлогодней моде. И уверяю вас, что о тонком органсине они знают только понаслышке! Я не заметила, что у этих дам красивый цвет лица, как говорят, и не думаю, что смогу привезти вам какой-либо рецепт для его сохранения. По правде,

они гораздо хуже, чем я представляла. Тем не менее, есть только одна дама, обладающая талантом хорошо выглядеть. Это княгиня Зайончек. Поговаривают, что княгине 65 лет, однако ей с трудом можно дать 40. У нее восхитительные манеры, осанка, наряд. Лицо ее, конечно, нельзя назвать привлекательным, но глаза красивые и очень живые черты. Для того, чтобы дать вам более верное представление, скажу, что она напоминает герцогиню Курляндскую, причем всем своим видом. Кроме того, я нашла ее весьма любезной и испытала большое удовольствие от беседы с ней. Она большая поклонница госпожи де Сталь, и хотя это не понравится князю, всё же скажу: она полагает, что фраза «Это цветок, упавший с неба» самым лучшим образом подходит для того, чтобы достойно отзываться о короле Польши. Хочу сказать вам, что об императоре она отзывается с большим воодушевлением. Старую княгиню Чарторыйскую правильно называют *Kiевская вѢдьма*[9]. Нельзя увидеть ничего, более уродливого. Великий князь утверждает, что это покойный Николай Ивановичъ Салтыковъ[10], переодетый в женщину. Я так не думаю, но она такая же желтая и тощая, как и он. Она была одета в серое платье и шляпу такого же цвета. Всё на ней выглядело смешно. Она надела также мантилью, отделанную блондами и черными кружевами, как в спектакле «Сутяги» у графини Пимбиш. Во всем ее наряде было что-то шутовское. Графиня наговорила многое императрице, которая вскоре стала о ней восторженно отзываться. Однако я считаю, что она просто ей льстила. Госпожа Станислав Потоцкая, супруга президента Сената, представляется мне весьма умной дамой. Она смело рубит с плеча и умеет слушать. Она была моей соседкой на обеде. Ничего не стану вам говорить о княгине Радзивилл, которую вы, впрочем, хорошо знаете. Говорят, что она очень изменилась, постарела и утратила жизнерадостность. Это приписывают полнейшему расстройству ее состояния: великолепную *Аркадию* вот-вот должны конфисковать, поскольку княгиня погрязла в долгах и не знает, как с ними расплатиться. Я рассказываю вам об этих четырех дамах, поскольку только они остались на обед. Представляла присутствующих княгиня Радзивилл. После того, как мы вышли из-за стола, общество разбилось на группы, как это происходит в Петербурге. Затем я быстро поднялась к себе, чтобы сменить туалет, поскольку сопровождала императрицу на прогулке.

Великий князь показал нам город, который способен однажды стать очень красивым. Дорога, ведущая в Лазенки, очаровательна. Она пересекает липовую аллею, самую великолепную вещь, которую я когда-либо видела. Огромное удовольствие мне

доставило то, что на улицах царит оживление. Это зрелище поражает, особенно когда приезжаешь из Петербурга, который может показаться иностранцу пустынным. Варшава очень красиво освещена. Великий князь не применул заметить, что нигде нельзя заметить ни караульных, ни офицеров полиции, что здесь никто не знает, что такое *будочникъ*[11] и что несмотря на это всюду наблюдается полнейшее спокойствие. К себе мы вернулись уже в сумерках. Я отправилась вместе с графиней Самойловой наносить визиты четырем дамам, о которых я вам рассказывала выше. Вечер закончился у госпожи Брониц, супруги церемонмейстера. Там собралось довольно большое общество. Мы пили чай, ели мороженое и расстались около 11 часов. Со мной вновь беседовали княгиня Зайончек и вЬдьма[12] Чарторыйская, которая ожидала сегодня дочь из Вюртенберга. Как мне кажется, по ее приезде они собирались просить императрицу принять на русскую или польскую службу молодого *князя Адама*, с которым не знают что делать в Штутгарте и которого Его Высочество Константин вовсе не желает брать к себе. Поблагодарите хорошенько госпожу Ожаровскую за то, что она рекомендовала меня госпоже Гутаковской. Она осыпала меня милостями, к которым я и правда весьма чувствительна.

10 сентября.

Я вернулась с великолепного бала, устроенного в нашу честь князем, наместником в Лавинском. Очаровательная зала, иллюминация в парке и по дороге, приятное общество, прекрасный ужин, хорошая музыка, одним словом всё было чудесно. Но я так устала, так соскучилась, что если бы моя воля, я бы с удовольствием вновь очутилась бы в вашем маленьком салоне, до того мне надоела сутолока. Я уверена, что могла бы получить большее удовольствие от сегодняшнего вечера. Сегодня я приказала пополнить мои туалеты, поскольку увидела несколько очаровательных нарядов. Я также увидела много симпатичных особ. Княгиня Яблоновская отсутствовала, поскольку она в трауре, но госпожа Тулинская и обе Грудзинские держались достойно. Одна из Грудзинских очень хорошо танцует. Чтобы доставить удовольствие императрицы были исполнены французские танцы, что получилось чудесно. Мазурку танцевали также как у нас, то есть Катиша Салтыкова, малышка Лопухина и Софи Трубецкая ни в чем не уступали здешним дамам. Этим вечером я вновь вскрикнула при виде княгини Зайончек: она, действительно, производит неизгладимое впечатление манерой держаться и молодым лицом. Утверждают, что она ежедневно купается в ледяной воде. Она поступает примерно таким же

образом, как и Кочетова, но та отнюдь не преуспевает. Утром мы посетили две красивые церкви — церковь ордена капуцинов и церковь ордена Святого Духа. Затем великий князь повез нас в арсенал, который намного меньше нашего, но поражает порядком и элегантностью. Его колоны напоминают сабельные лезвия, а капители сделаны из искусно расположенного другого оружия. Стены украшены ружьями, а потолок — рисунками. Одним словом, арсенал похож на драгоценного украшение. Он находится под началом некого полковника Ледуховского, молодого безногого человека, которого Его Высочество, как представляется, высоко ценит. Покинув арсенал, мы отправились в военный госпиталь, содержавшийся также в совершенном порядке. Он может вмещать в себя от 800 до 900 больных. Все младшие полковые лагеря выглядят порядочными людьми. Кормят там гораздо лучше, чем в Петербурге. Больные получают горячую похлебку, кусок мяса и еще одно блюдо; кроме того, подается вино, причем весьма хорошее. Госпиталь разделен на две части, в одной находятся русские, а в другой — поляки. Рядом расположены православная и католическая часовни. Этот госпиталь всецело создан усилиями великого князя, который много им занимается. Надо признать, что обычно добро, которое он делает этой стране, весьма ощутимо. Возвращаясь к себе, мы проехали мимо Английского отеля. Это трактир, где останавливался Наполеон после Березины. Именно там он произнес слова, переданные нам Прадтом: *От великого до смешного — один шаг*. Напротив отеля расположен особняк господина Прадта. Мы обедали у Его Высочества. Он занимает красивейший дом. Он провел нас по всем комнатам, которые мы внимательно осмотрели. Мне показалось, что он отдает предпочтение своему кабинету: каждая вещь там содержится в отменном порядке, который я так люблю. На обеде присутствовали лишь свита императрицы и адъютанты Его Высочества.

11 сентября.

Весь день я чувствовала себя совершенно больной: горечь во рту, внутреннее беспокойство, натянутые нервы, одним словом, мне было плохо, и тем не менее мне пришлось ехать на парад, который начался в десять и закончился в два. Всё, что мы слышали о польских войсках, отнюдь не преувеличено: нет ничего более красивого, более элегантного и в то же время более аккуратного. Сорок тысяч человек действуют одновременно с поразительной точностью и исправностью. Никто не бегает, не суетится, не выглядит обеспокоенным. Великий князь и генералы

оставались на своих местах. Никаких криков. Полки сменяли друг друга спокойно и уверенно. Это доказывает, что каждый знал, что ему надлежит делать и что нет никакой необходимости приказывать ему. Все эти люди превосходно одеты и совсем не затянуты, как у нас. Движения их кажутся свободными, да так оно и есть на самом деле. Не существуют ни малейших различий между гвардией и линейными войсками, везде царит совершенство.

Сегодня мы обедали почти в семейном кругу, включая князя и княгиню Зайончек. Вечером мы присутствовали на спектакле, который меня очень утомил. Давали оперу на неизвестную музыку. В ложе было ужасно жарко. Я чувствовала, что у меня закрываются глаза, и отважилась вздремнуть. Для этого я спряталась за креслом княгини Радзивилл. После спектакля, желая сделать приятное барышне Самойловой, я провела вечер у Голицина, сына княгини Борис. Там я встретилась с очаровательной княгиней Яблоновской, которая при свете просто восхитительна: у нее вылитая головка Грёза. Я близко познакомилась со старой княгиней Радзивилл. Она очень добрая и любезная. Ее приглашают на обед почти ежедневно. Я оказалась ее соседкой по столу и таким образом могу вам сказать, что уже в курсе всех ее дел. Она находится в чрезвычайно трудном положении. Несчастная женщина разорена, погрязла в долгах. Кроме того, она на ней лежит ответственность за опеку имущества покойного Доминика. Она боится итогов судебного процесса, который ведет с Чернышёвыми. Она рассказала мне о нем. Вы понимаете, что я ничего не могла поделать. Но я уверена, что императору будет трудно всё это уладить, поскольку он взял на себя обязательства перед обеими сторонами. Одному Богу известно, чем процесс закончится. Доброй ночи, я должна ложиться. Я действительно очень устала.

12 сентября.

Сегодня утром мы ездили в два заведения, которые меня просто умилили. Это два монастыря. Один из них — это монастырь сестер-сиделок, которых называют сестрами *Младенца Иисуса;* второй — монастырь святого Казимира, где воспитываются молодые особы всех сословий. Кроме того, там обучаются сестры, которые затем разъезжаются по всей Польше. Сестры *Младенца Иисуса* — также питомицы этого монастыря. Оба заведения находятся в плачевном состоянии. Но добрые барышни творят чудеса: они ухаживают за почти 60 больными, принимают всех детей, которых к ним приносят, и кроме того дают приют сумасшедшим. Я была растрогана их усердием, милосердием и

особенно их спокойным и безмятежным видом. Ах! Если бы у нас в России существовали заведения подобного рода, клянусь вам, меня бы больше никогда не увидели в салонах Петербурга! Как сладостно служит Богу, посвятив этому свою жизнь! Мать-настоятельница монастыря святого Казимира не говорит по-французски. Но другая монахиня на ломанном французском сумела мне объяснить, что им очень хотелось бы, чтобы императрица взяла их под свое покровительство и чтобы они смогли установить связи с Петербургом. Не захотев вмешиваться во что-либо, я посоветовала ей самой обратиться к Ее Величеству. Был дан большой обед, по меньшей мере на 80 персон: там присутствовали все генералы, находившиеся на параде, и еще несколько особ. Сегодня состоялся бал в городской ратуше. Я получила разрешение не ходить на него и провела вечер одна в полнейшей тишине. Обществом мне служили газеты. В Варшаве мы пользуемся грандиозным *успехом*. Военные, гражданские, дамы, все поют хвалу императрице, которая, впрочем, старается всем понравиться…

13 сентября.

Сегодня наш день начался с того, что мы отправились к монахиням ордена Визитации. Епископ встречал нас у ворот со святой водой и проводил нас к дамам, которые никогда не должны покидать монастырь. Нам показали всё, что имелось, но всюду я обнаруживала ужасную бедность. Одному Богу известно, милосердны ли польские дамы. Однако я склонна думать, что никто ничего не подает этим барышням, которых мы видели вчера и которые, как я вам рассказывала, вершат бесподобные дела. Монахине монастыря Визитации, сами небогатые, дают приют монахиням монастыря святой Бригитты, который недавно закрыт под тем предлогом, что их там было очень мало. Но главное заключается в том, что правительству необходимо здание, чтобы устроить там, как я полагаю, военный госпиталь. Монахине святой Бригитты поразили меня своим головным убором: поверх обычного апостольника они носят венок из белой ткани с пятью крестами из красной ткани, которые должны символизировать пять ран Иисуса Христа. Я приказала показать мне портрет матери Шанталь, основательницы ордена. Он висит напротив портрета святого Франциска Сальского, его покровителя.

Покинув монастырь, мы отправились в *Вилланов*, великолепнейшую деревню, принадлежащую госпоже Станислав Потоцкой, супруге президента Сената. Раньше это красивое владение принадлежало Яну Собескому, который устроил тут

летнюю резиденцию. Новые владельцы сохранили апартаменты короля в первозданном виде, что превратило дом в исторический памятник. Правда, они пристроили галереи и всякого рода кабинеты. Парк здесь неухожен, как и у нас. Однако я никогда в жизни не видела таких высоких и толстых деревьев, аллей, обсаженных пирамидальными тополями; но серебристые тополя здесь встречаются так же часто, как у нас березы. Уже современный владелец, любящий и покровительствующий искусствам, приобрел картины для галереи. Госпожа Потоцкая не успела произнести несколько фраз, как произвела отталкивающее впечатление. Нам подали плотный завтрак, вполне приличный, за исключением ужасного масла. Откушав, мы отправились в соседнюю с Вилланов деревню под названием *Наталин*. Деревня эта принадлежит госпоже Александр Потоцкой, урожденной Тышкевич, невестке госпожи Станислав. Это еще более очаровательное место, настоящая обитель Аспазии. Хозяйка дома, которая, как нам сказали находилась в Вене, приехала в Варшаву в тот самый момент, когда мы посещали ее замок. Надо вам сказать, что ее супруг, который и принимал нас, воспитан точно так же, как и его дражайшая половина. Прежде чем вернуться в город, мы остановились в *Гаренне*, деревне, недавно купленной князем Радзивиллом, супругом фрейлины. Восхитительное расположение, очаровательный вид! Но дом совершенно пришел в упадок и его надо основательно ремонтировать. Во время всех этих поездок я чувствовала себя больной, как собака. Я мечтала лишь о том, чтобы лечь. Но смогла прилечь только на минутку: вечером необходимо было идти к княгине Зайончек. Там Александра Голицына, госпожа Шодкевич и госпожа Самойлова музицировали. Я с большим удовольствием слушала вашего племянника, который поет совсем как Брен. Замечу в скобках, что он очень растолстел и подурнел. Впрочем, он хорошо устроился в Варшаве и сказал мне, что его еще долго не увидят в Петербурге. Я сейчас возвращаюсь и обязательно приму слабительное.

14 сентября.

Слабительное измучило меня и вынудило провести бессонную ночь. Я даже отказалась сопровождать императрицу в Лазёнки, куда она приехала утром в восемь часов утра. Я оставалась у себя до начала мессы, после которой Ее Величество вновь посещала заведения. Госпожа Самойлова вместе с другими дежурными фрейлинами следовала за ней. Я поехала только на обед к великому князю, где присутствовали лишь князь-наместник и генерал Крассинский, который, на мой взгляд,

является фаворитом. Вечер закончился у Броница, церемонмейстера. Там музицировали. Некая госпожа Шимановская прекрасно играла на фортепьяно. Молодой человек из общества, по фамилии Скибицкой, пел; Софи Самойлова тоже. Великий князь любезничал с Броницами; он к ним ездит почти каждый день. Я подробно расскажу вам об этом, когда мы соберемся вместе. А пока, вам следует знать, что именно это вынудило уехать госпожу *Фредерикс*. Я не перестаю удивляться выносливости императрицы: она поистине неутомима. Поездки, постоянные представления, туалеты, ничто ее не беспокоит, словно она находится в возрасте Софи…

15 сентября.

В конце нашего пребывания в Варшаве состояла замечательнейший бал у господина Новосильцева. Этот бал затмил все праздники, устроенные в нашу честь. Его дом очарователен. Танцевальная зала, украшенная цветами, произвела приятнейшее впечатление. Обильный обед, поданный на золоченом серебре, лакеи в парадных ливреях, одним словом, нечто похожее на наши роскошные балы в Петербурге у Строгановых… Пока все кружились в вальсе, я буквально засыпала: усталость угнетала меня. Утром мы ходили на мессу, затем состоялись собрание дам и обильный обед. После полудня меня посетили несколько особ. Сами можете судить, насколько мне подходит такой образ жизни. Поистине, мне было бы приятнее оказаться в карете и ехать пару дней. Из двух зол надо выбирать меньшее. Лучше уж путешествовать, чем присутствовать на бесконечных представлениях и празднествах! Мы раздали великолепные подарки на значительную сумму. Князь-наместник получил прекрасную шкатулку с портретом. Завтра мы уезжаем в девять часов утра. Обедаем мы в Ньеборове у князя Радзивилла, а затем отправляемся в Аркадию. Добрейшая княгиня Радзивилл приехала сегодня сюда, чтобы попрощаться с нами.

Лович, 16 сентября.

Господин Залуский, адъютант императора, сказал, что Аркадия — это *мечта просвещенной дамы*. Я туда приехала и нахожу его высказывание совершенно справедливым. Действительно, невозможно увидеть ничего, что настолько было бы схоже с мечтой. Аркадия — это настоящая сказка. Природа не приложила там никаких усилий. Именно искусство сумело сделать милым и интересным место само по себе бесплодное и не дававшее, если можно так выразиться, никаких средств к существованию. Княгиня Радзивилл заложила там целые леса.

Парк не велик, но настолько ухожен, что обретаясь на столь незначительном пространстве, начинаешь верить, что он создан по воле Божьего промысла. На каждом шагу ваше внимание притягивают к себе всякого рода постройки. Потребуется лучшее, чем мое, перо, чтобы воспеть странные красоты Аркадии. Необходимо говорить поэтическим языком, потому что поэзия — это единственный жанр, подходящий для описания всего увиденного. Если я просто скажу, что мы остановились на ферме Филемона и Бавкиды и внезапно очутились в хрустальном дворце, в который боги превратили старую хижину престарелых супругов, желая наградить их за гостеприимство, то вы не сможете ничего себе представить. Но как умолчать об этом очаровательном хуторе, мостовая которого выложена флорентийскими камнями, а украшения стен его построек сделаны из хрусталя? Даже бахрома занавесей из муслина сделана их хрусталя. В главной комнате находится источник молодости. Там есть и много других интересных предметов, причем весьма старинных. Выйдя из хижины, мы направились в храм Эскулапа. Императрица узнала там многочисленные мраморные плиты, которых архитектор *Бренна*, по ее словам, вывез из Гатчины, чтобы продать и тем самым обогатиться. Цирк, театр, храм, посвященный Любви, достойны того, чтобы говорить о них достойно. Но более всего на меня произвела впечатление часовня. Снаружи она похожа на прекрасный саркофаг. У его врат стоит дух Смерти с опущенным вниз факелом Жизни. За воротами находится лестница, ведущая не вниз, а вверх. Поднявшись по ступеням, мы оказываетесь перед алтарем. Часовня очень слабо освещена. Посредине ее расположена гробница, посвященная памяти трех дочерей княгини, а в честь каждой из них возведен монумент. В честь Розы поставлена прекрасная мраморная чаша с ветвями розы и выгравированными стихами Малерба: *А роза, прожила столько, сколько обычно живут розы: одно утро*. Что касается памятника Анжелики, супруги Константина Чарторыйского, то там изображена лилия, показывающаяся из вазы, а вокруг написано: *Она взросла и испарилась, как ароматный дым* или нечто подобное. А в честь Христины установлена лампада с не помню уж какой надписью. Стены часовни расписаны Шейдельманом, а когда я опустилась на колени, чтобы помолиться, то увидела перед собой двух ангелов Рафаэля. Признаюсь вам, я нашла это место восхитительным. Все эти поездки отняли у нас много времени. Пробило уже семь часов, когда мы вернулись на хутор Бавкиды, где нам подали чай. Отдохнув полчаса, мы пустились в дорогу и прибыли в *Лович* на ночлег. Я чуть не забыла вам сказать, что мы

обедали в Ньеборове и что обед был превосходным. Великий князь, господин Новосильцев, церемонмейстер Брониц, президент Мазовии Рембилинский, почтмейстер, два адъютанта Его Высочества и адъютант князя-наместника сопровождали нас до Калиша, где мы должны заночевать завтра.

Калиш, 17 сентября.

Мой первый гонец отправился с русской границы, второй же пуститься в путь с польской. Мы приехали в Калиш полчаса тому назад. Этим утром мы поднялись в четыре часа и сели в карету, когда еще не пробило и пяти. Господа Новосильцев и Брониц распрощались с нами, а остальные сопровождали нас. Обедали мы в двух милях от Ловича, в маленьком местечке под названием *Кольс*. Целый день дул северный ветер и стояла отвратительная погода. Я не выходила из кареты, читала глупый роман, но была необыкновенна счастлива, что мне не надо поддерживать беседу. Мы встретили здесь князя Антона Радзивилла, который намеревался ехать в Аркадию, но который не поехал туда, уж не знаю по какой причине. Я вчера со слезами на глазах рассталась с добрейшей княгиней, с которой не увижусь, пока не приедут в долину Иозафат. Она завоевала мое сердце, и она мне нравится больше, чем вЂдьма[13] Чарторыйская, которая представляется мне насквозь лживой, угодливой и пустомелей. Дочь Чарторыйской, герцогиня Вюртенбергская, не приехала, хотя ее ожидали. Она не смогла оставить отца и ограничилась тем, что написала императрице письмо. Завтра мы въезжаем в Пруссию и будем обедать у принца Евгения, того самого брата, которого мы видели в Варшаве. Наследный принц Пруссии и его брат, принц Вильгельм, ожидали нас в Бреслау. Одним словом, наше путешествие было триумфальным, однако я безмерно устала. Чтобы немного развлечься, пойду поболтаю со старой графиней. Доброй ночи, сердечно обнимаю вас. Нижайший поклон Рибопьеру, его супруге, Владимиру Голицыну. Передайте от меня привет графине Ожаровской и примите от госпожи Ливен заверения в дружбе. Софи свидетельствует вам свое почтение.

Карлсруэ, Силезия, 18 сентября.

Я начинаю третью тетрадь. Если вы испытываете хоть немного удовольствия, читая мой дневник, то это для меня служит наградой за усилия, которые я прилагаю при его ведении. Сегодня, например, выдался совершенно ужасный день! Уже пробило два часа ночи, а мы только что закончили ужин, начавшийся ровно в полночь. В какой-то момент я даже подумала, что мы просидим за столом до утра. Если все дворы

Германии похожи на двор принца Евгения Вюртенбергского, то тогда просто нет слов! Это настолько смешно, что надо видеть собственными глазами: пажи, которым перевалило за 100 лет, оруженосцы с седыми усами, камергер, подающий носовой платок на маленькой серебряной тарелочке с вензелями. А дамы! Ох, уж эти дамы! Он похожи на кукол, которых раньше продавали нюрнбергские торговцы. Они знают, что сейчас носят перья, и у них есть перья. Однако они совершенно не знают, как их носить: у одних они похожи на метлу, другие прикрепляют их сзади, третьи прикрепляют их впереди. Из семи или восьми дам, присутствующих сегодня на ужине, ни одна не была более или менее сносного головного убора. Я не говорю о княгине Бирон. Она весьма хорошенькая и ее волосы были просто уложены в прическу.

Герцогиня Вюртенбергская в молодости, скорей всего, была очень красива, поскольку на ее лице до сих пор заметны следы красоты. Впрочем, она, наверно, наделена большим умом. Во всяком случае, ее манера выражаться позволяет это предполагать. Императрица познакомилась с ней сегодня, раньше они никогда не виделись. Мы встретили здесь молодого принца Евгения и его другого брата, состоящего на прусской службе. Наследный принц и принц Вильгельм соблаговолили приехать сюда, чтобы встретиться с императрицей. Завтра мы приедем в Бреслау, однако они прибудут туда раньше. Великий князь Константин покинул нас сегодня утром на границе с Силезией. Расставание было настолько трогательным, что все присутствующие расплакались. Поляки пришли в восторг от императрицы, а она в свою очередь восторгалась Польшей. Если бы она смогла остаться в Варшаве еще на несколько дней, уверяю вас, она бы это сделала… Князь Антон Радзивилл устроил в нашу честь обед в Шильдберге. Если бы я не чувствовала небольшое недомогание, я бы воздала должное блюдам, которые показались мне превосходными. И напротив, ужин взывал у меня отвращение: он был обильным и вычурным. Надо видеть, как едят немцы! Это заставляет содрогнуться. Если мой сегодняшний сосед по столу еще не умер, то, значит, он будет жить вечно. Но пусть делает так, как ему хочется, а я отправляюсь спать.

Бреслау, 19 сентября.

Вчера — убийственный ужин, сегодня — бал. Согласитесь, госпожа графиня, что это путешествие — настоящая кампания. Мы мчимся во весь опор, а когда прибываем на место, то вместо того, чтобы отдыхать, начинаем думать о туалетах, а затем представляемся обществу или едем на бал! Уверяю вас, не

существует в мире *такого здоровья*, которое всё это бы выдержало. Что касается моего здоровья, то она очень скоро разрушится. Вот уже четыре или даже пять дней, как я страдаю. Я чувствую, как меня отравляет желчь. Мы покинули Карлсруэ в десять часов утра. Но перед тем, как мы пустились в путь, герцог изъявил желание показать свои владения императрице, и мы объехали его парк, английский сад и виноградники. Растительность Силезии, безусловно, очень красивая. Однако я всюду нахожу один и тот же недостаток: здесь не ухаживают, как у нас, за дорожками и газонами, всё пущено на самотек. Вернувшись с прогулки, мы тут же направились в Бреслау. Однако вместо того, чтобы провести в дороге четыре часа, как нам было объявлено, мы ехали семь; и поэтому въехали в город только в пять часов. Прежде чем мы добрались до дворца, нам пришлось несколько раз останавливаться: то для того, чтобы пройти через триумфальную арку, то для того, чтобы прослушать торжественную речь, то для того, чтобы взглянуть на молодых девиц, одетых пастушками. Я не буду говорить о цветах, которыми бросали в нас. Карета была полна ими, и мы были вынуждены выкидывать их горстями. Наконец, прибыв в замок, я возблагодарила Небеса! У лестницы нас встречали принцы Пруссии, княгиня Луиза и князь Антон Радзивилл. В первой зале мы увидели много дам, а соседняя комнаты была битком набита мужчинами, священниками, военными, представителями гражданской власти и так далее. КнягиняЛуиза представляла дам, а наследный принц — мужчин. Затем состоялся обед, закончившийся в половине седьмого, а в восемь часов мы уже были на балу, устроенном в городском собрании. Особняк этот очень просторный; танцевальная зала прелестно украшена; музыка довольно хорошая; но вот ужин, последовавший за балом, продолжался так же долго, как и ужин в Карлсруэ и был весьма скучным. Я познакомилась с очаровательной особой — княгиней Михаил Радзивилл. Она красива, наделена умом и приятнейшим характером. Затем я познакомилась с фрейлинами принцессы Луизы, также весьма достойными особами — *госпожой Сарторис* и *госпожой Неаль*. Все родственники дома Радзивиллов встречали нас, как старых знакомых. То ли под воздействием рассказов князя Антона, то ли по каким-либо другим причинам, но мы прекрасно поладили. Княгиня Луиза — необычайно приятная особа. Она во многом напоминает госпожу Свечину. Только я имею веские основания полагать, что супруг побаиваться ее. Он, такой оживленный в прошлом году, более не осмеливался ни за кем ухаживать. Ее дочь, княжна Элиза, совсем недурна собой. Родители ее обожают. Говорят, что в нее влюблен принц

Вильгельм. Это было бы вполне естественно. Император Австрии прислал сюда одного из своих камергеров, князя Лобковица, с предложением внести изменения в наш маршрут. Речь идет о том, чтобы в Чехии мы поехали бы другой дорогой. Но этот вопрос будет обсуждаться завтра.

20 сентября.

Несколько часов сна восстановили мои силы, хотя я до сих пор страдаю от изжоги. Я уже одета, чтобы выйти вместе с императрицей, и ожидаю ее приказаний. Наше путешествие — настоящая мечта. Если бы я вам не писала, я уверена, что забыла бы всё, что видела и даже города, через которые мы проезжали. Мы уезжаем сегодня вечером. Всё утро прошло в бегах. Сейчас я вам подробно опишу, что мы видели. Сначала мы отправились с визитом к монашенкам монастыря святой Елизаветы, где находится госпиталь на 32 больных. Там 27 монашенок, а капитал монастыря насчитывает 40 тысяч экю. Все остальные расходы оплачиваются из денег, пожертвованных прихожанами. Послушницы дают обет только на два года, затем они могут остаться в монастыре или покинуть его стены. Затем мы отправились в лютеранскую церковь святой Елизаветы, где находится портер Лютера, написанный его другом *Лукасом Кранахом*. Картина, висящая в главном алтаре, считается шедевром силезского художника *Вильмана*, жившего в XVII веке. В церкви мы увидели прекраснейший орган и органиста Бернера, который играл в то время, как мы входили. Он считается великим музыкантом. Следующий визит мы нанесли в Университет. Мы осмотрели большую пеструю залу, в которой происходят церемонии награждения, красивую церковь, которая раньше принадлежала иезуитам. Мне сказали, что там службы совершаются попеременно: по католическому и по лютеранскому обряду. Затем мы посетили кафедральный собор, основанный в XII веке польским королем Казимиром I, а затем перестроенный Силезским епископом по имени Вальтер. Там есть капитул. Там также расположена очень красивая часовня, построенная архиепископом Майнцским, курфюрстом Нойбургским, братом императрицы Елизаветы, приходящейся матерью Марии Терезии. Этот духовный князь, который соединил множество епископств к великому неудовольствию других духовных князей, заложил несколько богоугодных сооружений. Эта часовня находится под непосредственным покровительством Баварского дома, спасшим ее от влияния Реформации. С другой стороны церкви возвышается еще одна часовня, посвященная святой Елизавете, основательнице ордена, который носит ее имя. Там находится прекрасная статуя

святой во весь рост из каррарского мрамора, а по бокам ее окружают сыновья, изображенные в виде ангелов. Всем желающим показывают ее трость и митру, изготовленную ею собственноручно и украшенную узором из соломки, имитирующей золото. Напротив алтаря расположен памятник, установленный Христианом Гольштинским, генералом империи, убитом в сражении с турками. В третьей часовне, называемой маленькими хорами, находятся картины, вызывающее восхищение. Там есть картина епископа по имени Пржеслав. Затем мы поехали в церковь Креста, основанную *Генрихом Благочестивым*, герцогом Силезии, могила которого выполнена как произведение гончарного искусства. В этой церкви есть капитул; он стал протестантским в 1810 году. Следующий визит мы нанесли в Песчаную церковь (Sand-Kirche), названную так, поскольку построена она на песчаном острове. Это настоящий собор Богоматери. Некогда она принадлежала августинцам. В монастыре, прилегающем к церкви, в настоящее время располагается библиотека. Там посетителям показывают… манускрипт святой Гедвиги, покровительницы Силезии, написанный неким *Пьером, Freitag de Brieg* для святого Антона Хорнига в 1451 году. А также русский перевод Библии, известный под названием *Острожская Библия*: однако это издание не принадлежит к числу самых древних. Затем мы отправились в церковь святого Венсена, где находится могила Генриха II, герцога Силезии, и прекрасные картины Вильмана. Наш последний визит состоялся в лютеранскую церковь Марии Магдалины и к монхиням-урсулинкам, посвятивших себя воспитанию молодежи. Более 400 детей приходят сюда учится, причем бесплатно; в обители постоянно живут 25 пансионеров, а сестер там также насчитывается 25. Каждые два года они подтверждают свой обет, как и монашенки святой Елизаветы. Однако еще не было случая, чтобы кто-нибудь из них покинул монастырь. Было забавно смотреть на оркестр, образованный из этих добрых сестер. Они играют на скрипке, флейте и даже на басе. Концерт, устроенный ими, стал для меня большим развлечением. Завершив всю эту беготню, мы вернулись к себе, чтобы — переодеться, поскольку отправлялись на званный обед. Однако к счастью вечер у меня был совершенно свободен. Я воспользуюсь им, чтобы принять рвотное, ибо боюсь заболеть желтухой. Видите ли, господин граф, любуясь этим утром великолепной архитектурой религиозных зданий, я с болью заметила, что мы безнадежно переродились под влиянием великих идей. В замыслах художников прошлого чувствуется такая дерзость, что всё сотворенное в наши дни представляет

собой жалкое зрелище. Поскольку в своей жизни я ничего не видела подобное, то у меня просто руки опускаются при созерцании таких красот. А что было бы, если бы поехала в Италию! Теперь я стану смотреть на Казанский собор совершенно по-другому! Прощайте, сударь.

Глац, 21 сентября.

Я ужасно мучилась, приняв рвотное. Но наконец всё закончилось, и я чувствую себя лучше. Тем не менее, я вынуждена отказаться от фруктов и множества других вкусных блюд, которые нам подают ежедневно. Теперь они для меня не имеют никакого значения, поскольку я решила ничего не есть. Мой желудок портится изо дня в день, а беспорядочная жизнь, которую мы ведем, путешествуя, не способствует его выздоровлению. Мы покинули Бреслау сегодня утром в девять часов, и у меня не было других занятий, кроме как любоваться местностью, по которой мы проезжали! Это восхитительная земля тянется от Бреслау до Глаца. Горы, долины, богатая растительность, наконец очаровывающий пейзаж. Мне обещали, что на Рейне я увижу еще большие красоты, а пока я любуюсь тем, что открывается моему взору. Небольшой городок Франкенштейн, где мы обедали, чудесно расположен. Принцы Пруссии и семья Радзивилл сопровождали нас до границы, которую мы пересечем завтра. Перед тем, как приехать в Глац, мы посетили монастырь, называемый *Варта*. Чудотворная икона Богоматери притягивает в него порой до десяти тысяч паломников. Сегодня их тоже было много. Все они держали в руках колокольчик и розовую ветвь. Подойдя к воротам этой церкви, мы застыли от восторга, увидев гору, расположенную напротив. На ее вершине находится скит. Это поистине потрясающее зрелище. С нами был принц Бирон. Он великолепный рассказчик, назубок знающий историю Силезии. Нет такого уголка, про который он не рассказал бы что-нибудь. Он попросил нас выйти из кареты, чтобы мы полюбовались долиной *Нейсе*, над которой возвышается древний замок. Вид открывался просто чудесный. Однако отсюда до Глаца я ничего не могу вам описать, поскольку ехали в темноте. Нам устроили торжественный ужин, который меня утомил. Но, слава Богу, он закончился и мы разошлись.

Гичин, Чехия, 22 сентября.

В шесть часов утра мы уже были в карете и обозревали продолжение вчерашних картин. Эта часть Силезии настолько хороша, что я вполне понимаю, почему шли войны за ее обладание. Горная цепь и восхитительные долины внизу

напоминают поочередно картины Клода Лорена и Рюисдаля. Мы прошли целое лье пешком, чтобы поближе увидеть всё это. Признаюсь вам, я то и дело вскрикивала и испускала возгласы восхищения. Как приятно жить в прекрасной стране и наслаждаться продолжительной чудесной погодой. Этим утром, когда взошло солнце, вершины приняли такой вид, какой у нас бывает у нас в июне. С помощью лорнета я увидела Ризенжебюрге, покрытую снегом.

Между *Левином* и *Находом,* расположенном на границе, мы распрощались с Пруссией и въехали в Австрию. Принц Фердинанд Вюртенбергский выехал навстречу нас с графом *Штернбером*, генералом *Клебелсбергом* и графом *Коловратом*. Произошла трогательная встреча с новым братом, а остальным было сказано немало теплых слов. Князь Лобковиц, сопровождающий нас от Бреслау, представляется мне славным молодым человеком. Он настолько беспокоился, что мы поздно приедем, что буквально заболел. И действительно, мы приехали только лишь в 11 часов. В Чехии так медленно ездят, что можно просто потерять терпение. В Пруссии ездят быстрее, но еще быстрее — в Польше и России. Завтра мы будем в Праге. Нас ожидает торжественный въезд. Император Франциск написал императрице, что распорядился, чтобы ей прислуживали в его государстве так, как прислуживают ей во владениях императора, ее сына. Эрцгерцог Антон приехал специально в Прагу, чтобы встретить императрицу. Завтра я вам обо всём этом расскажу.

Прага, 23 сентября.

Беспокойство князя Лобковица вынудило меня обратиться к Нарышкину с просьбой убедить императрицу выехать ранним утром. Вот почему нас разбудили на рассвете. Я спала на очень узеньком канапе, поскольку наши горничные запаздывали. Я провела ужасную ночь; и в тот самый момент, когда меня сморил сон, нужно было вставать с этой ужасной постели и заниматься туалетом, который должен был соответствующим для обеда в Праге. Местность, которую мы проезжали, была не так красива, как Силезия. Тем не менее иногда встречались живописные уголки и два — три разрушенных замка. Мы остановились в *Бенатеке*, маленьком городке, входившем некогда во владения *Тихобраге*. Господин Штернберг дал в нашу честь завтрак, где подавались мясные блюда, а затем мы немедленно пустились в путь. Въехали в Прагу мы в пять часов. Генерал Клебелсберг встречал нас у ворот верхом. Нас сопровождали многочисленные генералы, также выехавшие нам навстречу. Я забыла вам сказать, что в *Брандиесе*, последней почтовой станции перед Прагой нас

встречал grand bourgrave, который приветствовал императрицу от имени своего повелителя-императора. Этого бургграфа также звали графом Коловратом, которыми, как мне представляется, вся Чехия буквально кишит. Весь гарнизон был поднят в ружье, а улицы наводнила многочисленная толпа. Карета еле-еле продвигалась вперед под бой барабанов, под звуки музыки всех полковых оркестров, стоявших в парадном строю, и под бесчисленные крики *виват*, летевшие со всех сторон. Я была поражена красотой особняков, большинство из которых были построены в готическом стиле, красотой церквей и прочих величественных зданий. Для меня было совершенно неожиданным видеть фонтаны посредине площадей. А великолепный мост, а *Градчаны* (квартал, где расположен императорский дворец)! Всё это было так красиво! Эрцгерцог Антон, герцог Альберт и многие важные сановники встречали императрицу в первой зале. Затем состоялось представление господ; эрцгерцог называл их по именам одного за другим. По окончанию церемонии мы вышли на балкон, чтобы наблюдать за парадом. Командовал войсками генерал Клебелсберг. После наших и Варшавских полков смотреть на это зрелище было просто невозможно. Они мне показались такими жалкими. Покрой мундиров, манера носить их, всё было отвратительным. Возможно, каждый солдат в отдельности — герой, но в массе своей они никак не соответствуют этому предположению; за исключением Клебелсберга, одетого в гусарский мундир. Все остальные генералы, одетые в белое, показались мне похожими на командующего из *Адольфа и Клары* — они вели себя точь-в-точь как персонажи этой оперы. После того, как прошли войска, все удались к себе для того, чтобы встретиться в восемь часов в спальне императрицы. Там нас представили эрцгерцогу, который в свою очередь представил княгиню Кинскую. Император назначил ее распорядительницей у императрицы до тех пор, пока последняя будет оставаться здесь. Это была сорокалетняя женщина, сохранившая былую красоту и приятную фигуру. В тот вечер общество составляли кавалеры, путешествовавшие вместе с нами, то есть Штернберг, Клебелсберг, бургграф и генерал-губернатор города, еще один Коловрат, тот самый, который находился в Петербурге во время правления Павла I с Сен-Жюльеном. Мы вели беседу до самого начала ужина. Стол был накрыт гораздо лучше, чем в Бреслау, и в хорошем вкусе. Ужин закончился полчаса тому назад, и я поспешила вернуться, чтобы написать вам.

24 сентября, (Прага).

Утро сегодня выдалось очень интересным. Мы много ездили. Сначала мы посетили замок. Эрцгерцог никогда ранее не бывал здесь и изъявил желание подробно осмотреть его. Сначала мы вошли в *портретную залу, из двух окон* которой выбросились комиссары короля во времена Марии-Терезии; затем в *коронационную залу, залу штатов*, которая во многом похожа на *Грановитую Палату*[14]. *Собор*, где нам показали гробницы многих правителей Чехии, гробницу *святого Яна Непомуцена, Сокровищницу*, однако моя память не в состоянии запомнить, что я там видела. Нам показали часовню святого Венчеслава, стены который инкрустированы драгоценными камнями; картину главного алтаря Вандика, древнюю часовню святого Адальберта около ворот. Покинув архиепископскую церковь, мы направились в *Институт слепых*, где изготовляют различные поделки и музицируют. Я пришла в изумление от ловкости этих несчастных, которые вяжут чулки, изготавливают туфли, прядут, плетут ивовые корзины. Этот дом содержится в великолепном порядке. Я там видела кровать для больных с чудесным механизмом. От больных мы поехали в *Главный колледж* старого города. Там мы осмотрели университетскую библиотеку, насчитывающую 120 тысяч томов, *две рукописи*, написанные рукой *Яна Гуса*, прекрасные рукописи на пергаменте, написанные на чешском языке, *славянский манускрипт на глаголице, рукопись Плиния*, которой пользовался Мелахтон, когда издавал произведения этого античного автора, *жизнь отцов-пустынников* на пергаменте с золочеными миниатюрами и орнаментами, китайский манускрипт VII века, как утверждают. Там же находятся две картины, выполненные в византийском стиле еще до того, как была изобретена масляная живопись и находившиеся ранее в замке Карлштайна; одна из *них приписывают Федоре Пражской, а другую — Николе Вюрмсену Страсбургскому*. Из библиотеки мы поехали в политехническую школу. Мы там осмотрели различные механические машины и все новейшие изобретения, сделанные в этой области. Мне было очень скучно, и я очень устала. Профессор оказался заикой и страшным педантом. Я уж подумала, что мы никогда не отделаемся от его рассуждений. Мы покинули это заведение и поехали к *урсулинкам*. О них я вам не стану рассказывать, поскольку там происходило то же самое, что и во всех монастырях Варшавы. Возможно, правда, что этот монастырь более просторный, и в его помещениях поддерживается чистота. В военной школе мы встретились с комендантом, генералом Коловратом. Он там главный. Мы присутствовали на экзамене по географии и истории; все вопросы касались России. Было сказано много добрых слов в адрес матери

монарха и прозвучало *виват* Александра I, подхваченное всеми присутствующими. Прежде чем вернуться в замок, мы остановились около самой старой церкви Праги, где находится могила *Тихо Браге*. Пробило три часа, когда мы вернулись. Необходимо было сменить туалеты для званного обеда, перед которым состоялось представление дам; многие из них до сих пор не вернулись из деревни, поэтому на обеде их было мало. Я видела госпожу *Ностич*, внучку графини Апраксиной; она весьма хороша собой. После обеда мы передохнули всего лишь полчаса и сразу же сели в карету. Сначала мы отправились к монашенкам святой *Елизаветы*. Это великолепный монастырь, содержащийся в идеальной чистоте. Там есть госпиталь для больных, где поддерживается совершенный порядок, затем заведение, которое я до сих пор никогда не видела и которое полностью соответствует немного романтическим идеям, составленных мною о католических монастырях, а следовательно о *глухих* и *немых*. Поскольку это заведение основано частными лицами, то оно не столь большое и красивое, как наше в Петербурге. Однако обучающие представляются мне более знающими, поскольку здешние дети выговаривают гораздо четче и не делают отвратительных гримас, как наши. Впрочем, почти у них всех очаровательные мордашки. Они прекрасно понимают своего учителя, следя за движением его губ. Они могут писать то, что он им диктует. И это вовсе не подготовлено заранее, поскольку императрица сама задавала им вопросы. Затем мы отправились на спектакль. Давали оперу «Танкред» Россини. Театральная зала отнюдь не была красивой. Герой Сиракуз в исполнении женщины совсем не походил на рыцаря. Однако оркестр играл превосходно, а итальянская музыка, которую я обожаю, заставила меня забыть о том, что недоставало Танкреду и даже прекрасной Аменаиде. В десять часов мы вернулись во дворец, где состоялся ужин. Теперь настала пора сказать вам, что мне очень нравится город Прага; *Градчаны* напоминают Кремль, а вид, открывающийся из дворца, необыкновенно похож на вид, открывающийся из окон одного из московских салонов императрицы. Общество здесь гораздо приятнее, чем общество Бреслау и даже Варшавы; оно, по меньшей мере, такое, какое мне нравится. Я нашла здесь весьма утонченных особ. Бургграф. Коловрат и граф Штернберг — это настоящие ходячих энциклопедии. Нельзя иметь больше знаний и говорить более просто о том, что им известно. Беседы с ними представляют самый большой интерес, и я получила огромное удовольствие, слушая их. Эти люди, общаясь с которыми можно пополнить свои знания самым приятным путем.

Завтра мы уезжаем и будем ночевать в Петербурге, замке,

принадлежащем графу *Черны*. Мы надеемся встретить там наше великую княгиню Марию, которую должны были увидеть в Карлсбаде, однако поскольку тогда бы нам предстояло провести очень трудный день, императрица написала ей письмо, в котором попросила приехать в Петербург.

Петербург, 25 сентября.

Прежде чем пуститься в дорогу мы совершили еще несколько поездок. Сначала мы посетили *замок Бубенек*, летнюю резиденцию великого бургграфа. Нет ничего более живописного, чем вид, открывающийся из его дома: сквозь каждое окно видна совершенно иная картина. Мы вернулись с прогулки к подножию горы. Затем отправились к *капуцинам*: там мы осмотрели Лоретту, построенную по образцу Санта-Каза. Монастырь скрывает в себе богатейшие сокровища, прекраснейшие дароносицы, ковчежцы, украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Всё это большей частью досталось монастырю по завещаниям: графиня Коловрат вложила в него все свои бриллианты, оценивающиеся на весьма крупную сумму. Выйдя от капуцинов, мы отправились в монастырь *Стракова*, к премонтерианцам. Там мы осмотрели огромнейшую библиотеку, расположенную в великолепнейшей зале; ее можно сравнить только с залой святого Георгия. Мы очень торопились, и поэтому всё осматривали наспех. Однако я сумела заметить манускрипт X века и самое древнее издание «Комментариев» Цезаря, появившееся в 1469 году. Церковь очень красива. Там находится могила святого Герберта, основателя ордена, и там можно услышать великолепный орган. Выйдя оттуда, мы вновь пустились в путь, и за остаток дня не произошло ничего интересного.

Мы остановились отобедать в Куссовиге, причем приехали сюда на закате. Однако великой княгине не было. Мы напрасно прождали ее до десяти часов. Затем мы отправились ужинать, а я, страдавшая по-прежнему, получила разрешение удалиться. По правде говоря, если мое здоровье не улучшится, то меня похоронят в Германии. Желчь меня измотала, а некоторое время тому назад, как мне кажется, во рту у меня появились язвочки. Я ничего не могу съесть. Всё вызывает у меня отвращение. Я чувствую себя так, словно меня облили кипятком. А вот уже пришел господин Рулль со слабительным, которое я должна принять.

Карлсбад, 26 сентября.

Ночью от великой княгини прибыл гонец, чтобы сообщить нам, что она слишком поздно приехала в Карлсбад и не смогла отправиться в Петербург, но что сегодня обязательно она встретиться с Ее Величеством. Эта новость заставила нас пуститься в дорогу очень рано. Встреча произошла между *Лобковицем* и *Бухау*. Я нашла, что великая княгиня Мария очень располнела и так и пышет здоровьем. Этой перемене способствовало счастливое рождение сына. Графиня Фрич, сопровождавшая великую княгиню, сказала мне, что после

появления на свет ребенка в жизни великой княгини произошли значительные перемены. Да хранит его Господь. Великая княгиня села в карету императрицы, а я с госпожой Самойловой пересели в ее карету.

Карлсбад просто очарователен. Расположен этот маленький город как-то по особенному. Он окружен высокими горами так, что о его существовании и не подозреваешь до тех пор, пока не очутишься на его улицах. В тот момент там находились только князь Константин Любомирский и княгиня Горчакова из Москвы вместе с госпожой Аникеевой, своей дочерью. Однако встретились мы только с Любомирским, который обедал вместе с нами. Я имела удовольствие получить сегодня утром ваше письмо от 8 сентября. Не сомневайтесь, я позабочусь о том, чтобы отправить ваш перстень. Этим вечером мы совершили замечательную пешую прогулку. Город был освещен и производил очаровательное впечатление, благодаря беспорядочности улиц и, следовательно, домов. У нас постоянно собирается большое общество. Эрцгерцог Антон сопровождал нас до Эгры. Это чудесный ребенок, без малейших претензий и к тому же умеющий поддерживать беседу. Я никогда не видела пфальцграфа, однако императрица утверждает, что в первую минуту он ей показался очень на него похожим. Она была просто поражена сходством. Господин Штенберг после обеда пришел ко мне в спальню. Я разговаривала с ним о германских делах. Мне представляется, что сейм Франкфурта ничего не добился. Господин Штернберг также проявлял недовольство: его владения большей частью находятся в Вюртенбергском герцогстве и то, что там происходит, совсем его не устраивает, то есть совершенно не отвечает его интересам. Кроме того, я заметила, что он вовсе не является приверженцем конституции и испытывает ностальгию по прошлым временам.

Я собираюсь послать вам продолжение моего дневника сегодня, хотя и не знаю, как скоро вы его получите: гонец отвезет его в Ахен, и одному Богу известно, когда его отправят в Петербург. Однако поскольку воспользоваться выпавшей возможностью мне предложил господин Вилламов, я полагаю, что произойдет это скоро. Покорнейше прошу вас не забывать обо мне, иногда писать и быть уверенными в моей искренней привязанности. Передаю тысячу приветствий Рибопьерам и кланяюсь тем, кто спрашивает у вас обо мне. Боже мой, как бы я хотела вернуться. Мне кажется, что я уехала из Петербурга полгода тому назад!

Карлсбад, 27 сентября.

Переодевшись, я пошла к великой княгине и мы долго

беседовали о Петербурге, который ее интересовал прежде всего. Она рассердилась, что мы не поехали в Веймар и не могла понять, почему мы беспокоились о здоровье королевы Вюртенберга, отправившейся в Италию для того, как она полагала, чтобы удовлетворить свое любопытство. А ведь император тоже писал что госпожа Екатерина никогда не была столь прекрасна, как сейчас. Через несколько дней мы увидим, что же происходит на самом деле. Этим утром мы долго гуляли: леса, окружающие Карлсбад, просто очаровательны. Если бы я не путешествовала с подобной помпезностью, которая угнетает меня, я бы прочувствовала красоты природы более проникновенно, однако эта торжественность *всё* испортила. После обеда мы снова отправились на прогулку, чтобы посмотреть источники. Мы вернулись только на закате, но поскольку я чувствую себя больной, я могу провести вечер у себя. Развлечься можно только в салоне. Господин Нарышкин постоянно заботится о нас, и поэтому если в сложившихся обстоятельствах ему не удастся уладить дела с помощью *кого бы то ни было*; он никогда ничего не сумеет достичь. Но ему окажут *протекцию*, не сомневаюсь в этом. Что касается курляндского маршала Албедила, то он настолько глуп и настолько несносен, что так и хочется наговорить ему дерзостей.

Бареут, 28 сентября.

Часы пробили полночь. Мы только что приехали, проведя ужасный день. Нескончаемый дождь размыл все дороги. Я весь день ехала вместе с господином Нарышкиным в его коляске, поскольку великая княгиня вместе с супругом сели в карету императрицы. Когда дождь не был слишком сильным, всё шло хорошо. Но я страдала, как нищенка: дождь и ветер хлестали мне прямо в лицо, я дрожала мелкой дрожью и не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Поднимаясь по лестнице, я думала, что вот-вот упаду. Из-за горячо натопленной печки в наших апартаментах я чуть было не задохнулась. Однако, слава Богу, нас возблагодарили за пережитый страх. Я увидела портрет знаменитой *белой женщины*, которая проникает в замки, чтобы вызвать у присутствующих там нервное расстройство. Всё австрийское общество распрощалось с нами на границе с Баварией, которая проходит между Эгрой и Тьерсхаймом. А мы вверили свою судьбу новым особам, среди которых находился граф Мюнстер, племянник того самого графа, приезжавшего некогда к нам. Там также был господин по прозвищу Кривой, но не подумайте, что это его фамилия. Я не думаю, что мы станем поддерживать с ними дальнейшее знакомство, поскольку, слава

Богу, послезавтра мы с ними расстанемся.

Нюрнберг, 29 сентября.

О, Боже мой! Как мои уши устали от криков «виват», сопровождавших нас на протяжении трех верст, перед тем как мы въехали в этот город. Все дети вселенной договорились встретиться здесь, я полагаю, чтобы увидеть нас. Эти маленькие проказники кричали, что есть мочи и махали факелами, которые они держали в руках, чтобы осветить нам путь, хотя луна делала это лучше, чем все горящие головни. Устав кричать «ура», они принялись прыгать вокруг кареты и сопровождали нас до тех пор, пока мы не прибыли сюда. Мне кажется, что я видела поварят, если только это были не повара. Я видела людей в белых колпаках, в передниках, одним словом, людей, похожих на них. При въезде в город мы увидели вооруженные войска, а затем к нашей свите присоединился эскорт. Однако давайте вернемся немного назад. Этим утром в Барухе императрица вместе с дочерью и зятем отправилась в *Фантазию*, деревню, где жила герцогиня Вюртенбергская, а мы остались вместе с графиней Ливен, поскольку нам не хватило карет. Мы беседовали, как вдруг открылась дверь, и на пороге появилась маленькая женщина, просто коротышка, коренастая, с огромным зобом, впрочем весьма элегантная, как и все немцы, в чепце, украшенном цветами, в платье из ирландского камлота, и в бриллиантовых серьгах. Она представилась как *графиня Гих*. Она хотела засвидетельствовать почтение императрице, поскольку была хорошо знакома с княгиней. Будучи болтливой по природе, она рассказывала бесконечные истории о *Фантазии*, о своем пребывании там, о милостях покойной княгини, о том, как герцогиню любили ее дети, о том, как она потчевала их конфетами, и как она (госпожа де Гих) была этим недовольна, о том, что герцогиня обещала больше не давать им конфет, но никогда не сдерживала своего обещания. Одним словом, словоохотливость этой дамы привела к тому, что мы решили откланяться. А я пришла к выводу, что она в одинаковой мере сожалеет о несчастной герцогине и о прекрасной спарже, которую ела в «Фантазии», поскольку в равной степени превозносила восхитительный вкус этого овоща и добродетельность владелицы деревни. Императрица вернулась в десять часов. Мы распростились с госпожой Марией и отправились в Бареут. Местность, которую мы проезжали, не представляла собой ничего интересного; тем не менее, вид нескольких утесов доставил мне удовольствие. *Mutterchen*, равнодушная к красотам подобного рода, бросала восхищенные взоры только на грядки с капустой и

картофельные поля. Как говорится, о вкусах не спорят. Впрочем, ее антипатия к Германии доходит до смешного.

Король Вюртенберга прислал сюда господина Берольдингена, чтобы засвидетельствовать свое почтение императрице. Он сопровождал нас и сказал мне, что Их Величества проедут навстречу нам столько, сколько смогут. Я полагаю, что мы, вероятно, встретимся с ними завтра на рассвете. Здесь мы увиделись с *племянницей*. Это наследная принцесса Хильбургсхаузена, дочь покойного брата Людвига, оставившего после себя дурную память. Она весьма хорошенькая. Ее юный муж немного косоглазый. Мы также увиделись с *кузеном*, неким принцем *Эттинген-Вальтерштайном*, который показался мне весьма благоразумным. Представляю, сколько родственников предстоит нам встретить!

Эльванген, 30 сентября.

Для того, чтобы вы смогли точно проследить за нашими делами и поступками, надо вам поведать об утре в Нюрнберге, которое превратилось в настоящую скачку, когда мы осматривали достопримечательности этого старинного города. За два или три часа до прибытия в Эльванген, наши кареты были остановлены в какой-то деревне. Нам сообщили, что король и королева Вюртенберга ожидают императрицу. Они появились несколько минут спустя и после объятий и поцелуев мы продолжили путешествие. Госпожа Самойлова и я уступили наши места, как и следовало ожидать, и поэтому въехали в Эльванген в коляске короля. Ночь была темной, но великолепной: восхитительный лунный свет, множество народу вдоль дороги, всё это производило прекрасное впечатление. Сейчас три часа ночи и я собираюсь ложиться спать.

Штутгарт, 1 октября.

Этим утром мы смогли отдохнуть, поскольку покинули Эльванген только в полдень. Король выехал вперед; королева ехала вместе с императрицей и госпожой Ливен; а мы в ее экипаже вместе с госпожой Бауэр, фрейлиной королевы. Я страдала гораздо сильнее обычного и даже не могла в полной мере наслаждаться красотами природы. Тем не менее, замок, расположенный на вершине горы, вызвал мой интерес. Замок принадлежит графу Райхбергу, баварцу. Я увидела также первые виноградники: сегодня начался сбор винограда. От Гемунда до Штутгарта путь проходит по восхитительному саду: с обеих сторон открываются очаровательные виды на посадки, о которых мы в России не имеем никакого представления. Нет ни одного

необработанного клочка земли. Всё настолько чистое, настолько ухоженное, что можно подумать, что некто специально почистил это, как подметают и посыпают песком набережную, куда выходят ваши окна. Въезд в Штутгарт был триумфальным, как никогда. Иллюминация ни в чем не уступала иллюминации Петергофа. Великолепие дворца, признаюсь вам, заставило меня опустить руки. Он гораздо красивее, чем наш Зимний дворец (за исключением Эрмитажа). Здесь нет залов, похожих а зал святого Георгия; однако они все очень красивые. Здесь насчитывается 175 комнат, но только не думайте, что они маленькие. Вовсе нет: они необыкновенно пропорциональны. Всё, что я сегодня увидела, поражает воображение. Двор при полном параде встречал императрицу. Старый принц Ольденбургский специально приехал увидеть ее. Дети находились в салоне. Они выросли, словно на дрожжах. Но я не уверена, что Петр узнал свою бабушку. Малышка хороша как роза. Она вылитый портрет короля, но черты лица у нее миниатюрные и нежные. Ей два года. Она хорошо ходит, делает реверансы, подает руку для поцелуя. Говорят, что она щебечет, как сорока, целый день. На этот раз она меня удивила. Окруженная множеством незнакомых людей, она даже бровью не повела. Раскланявшись со всеми, семья удалилась. Мы должны были ужинать за столом маршала. Весь вечер прошел в представлениях, приятственных словах, реверансах. К нам приставили двух придворных дам: графиню Берольдинген, свекровь той графини, которую мы знаем, и графиню Шекендорф, супругу церемонмейстера. Они будут по очереди дежурить у Ее Величества. Каждый день с императрицей будет находиться одна из них и одна из нас. Я дежурю завтра вместе с госпожой Берольдинген. Я только что вернулась к себе и должна вам сказать, что меня никогда не размещали и никогда не разместят как, как сейчас. Мои апартаменты состоять из пяти комнат. Салон и спальня обиты узорчатым шелком; повсюду бронза, фарфор, зеркала! Я бы ни в чем не знала недостатка, если бы не мое здоровье: горечь во рту, не прекращающаяся ни на минуту, приводит меня в совершеннейшее уныние. Я почти ничего не ем; мне запретили даже виноград. АХ! Если бы я могла взглянуть на Кригтона хоть одним глазком! Полагаю, что только его вид вернул бы мне здоровье.

2 октября.

Я спала до восьми часов. И хотя я хорошо отдохнула, всё же не чувствую себя как обычно. Я по-прежнему испытываю неприятные ощущения. Начиная с сегодняшнего дня я решила серьезно заняться своим здоровьем. Необходимо прибегнуть к

хлористой ртути, я это уже поняла. Утром мы совершили очаровательную прогулку. Нас отвезли в Бельвю, загородный домик, где король живет каждое лето. Это прекраснейшая постройка, хотя и маленькая. Со всех сторон открывается изумительный вид, а совсем рядом протекает Неккар. Что меня особенно поразило, так это буйство и богатство растительности: тополя, плакучие ивы, платаны, липы — и всё это растет аллеями. Более нет наших елей и берез. Вернувшись во дворец, я переоделась в парадное платье, поскольку должна была представиться вдовствующей королеве, приехавшей из Луисбурга, чтобы познакомиться с императрицей, своей невесткой. А тем временем я с большой радостью узнала о приезде графини Браницкой из записки, которую Лиза написала мне, желая узнать, как необходимо одеваться. В четыре часа я поднялась в дежурную комнату. И снова начались представления и реверансы. Как хорошо, что я забыла, как зовут всех этих особ, пришедших представиться мне. Да хранит их Господь, но я не хочу даже вспоминать о них. Около пяти часов началась большая суматоха. Все бегали туда-сюда, бросались к окнам: всем не терпелось знать, через какие двери королева выйдет к императрице, чтобы броситься ей навстречу. Господин Нарышкин, пользовавшийся любой возможностью затеять ссору, утверждал одно; Берольдинген, не уступавший ему ни в чем, говорил прямо противоположное. Наконец, желая сделать хорошо, поступили плохо: в самый разгар спора отворились двери и появилась вдовствующая королева вместе с царствующей королевой, которая сначала представила нас. Что касается императрицы, ожидавшей, что ей доложат о прибытии королевы, поскольку она собиралась выйти ей навстречу, то она была застигнута врасплох. Королева вошла к ней в спальню в тот момент, когда императрица меньше всего этого ожидала. Визит длится полчаса, после чего Их Величества прошли в салон, где мы все находились. Императрица вела под руку вдовствующую королеву. Вновь начались представления. Императрица представила всех русских дам, в том числе и вашу сестру Браницкую, а также ее дочь, уже присоединившихся к нам. Королева представила всех особ из своей свиты. Королева выше среднего роста, довольно толстая. Кожа у нее воспаленная. Она носит траур после смерти своего супруга-короля. Одета она как старуха: простой чепец, черное короткое платье, шаль с бахромой; то есть ее наряд выдает особу, отказавшуюся от каких-либо претензий. Императрица, зашнурованная туже, чем обычно, надевшая больше украшений, более сиятельная, чем всегда, выглядела как 40-летняя женщина и произвела впечатление, которое должно было польстить ее

самолюбию. Если королеве и не был оказан прием согласно правилам этикета, то ошибку исправили, торжественно проводив ее до лестницы, по которой она поднималась. За королевским визитом последовал обед. Конечно, это не кухня Рике, тем не менее, она не столь плоха, как кухня наследного принца Пруссии. Сервировка была великолепной, красивая посуда, блюда, бронзовые украшения, фарфоровые вазы, прекрасный гарнитур. Через десять минут после окончания обеда мы отправились в театр, который полностью соответствует апартаментам: очень красивый зал, открытые ложи в виде галереи. Три ряда свечей превосходно освещали его. Актеры были нарядно одеты. На мужчинах была форма, украшенная вышивкой. Давали «Танкреда», отнюдь не плохую оперу. Хорошенькая певица наделена талантом. Это та самая особа, из-за которой в Гамбурге состоялась дуэль, где молодой Ралл убил князя Барятинского. Отменный оркестр восполнял недостатки голоса Танкреда. Опера закончилась в девять часов и мы вернулись к себе. Я вручила графине Браницкой оба письма, которые вы мне прислали. Мы много говорили о вас, госпожа графиня, и я обещала вашей сестре писать вам ежедневно.

3 октября.

Сегодня утром мне нанесла визит королева, который действительно очаровательна. Несомненно, она наделена большим умом и умеет вести самую любезную беседу. Она расспрашивала мня обо всех своих петербургских знакомых и просила передать вам нижайший поклон. Поскольку я не дежурила, то воспользовалась возможностью написать множество писем в Москву и моей сестре в Италию. Я пошла прогуляться с вашей племянницей Лизой, госпожой Ергальски[15] и госпожой Беролдинген. Издали мы наблюдали за сбором винограда. Первый сбор посвящен вдовам и детям. Сбор винограда — это бесконечный праздник. Крестьяне танцуют, поют, стреляют из ружей и разжигают праздничные костры. Сегодня обед проходил в семейном кругу. Из посторонних присутствовала только госпожа Браницкая. Я обедала у себя в спальне, поскольку принимаю лекарства. В семь часов состоялся большой раут: сначала шло представление дипломатического корпуса, затем супруг министров, потом *tutti quatti,* так что пришлось провести на ногах более часа. Мой вечер закончился у графини Браницкой. Мы беседовали с ней до одиннадцати часов. Графиня Ливен немного приболела. У нее лихорадка, и вечером она показалась мне очень слабой. Ее дочь находится здесь с момента нашего приезда. Карлсбадские воды подействовали на нее очень плохо.

Ей прописали климат Франции, куда она собирается немедленно отправиться.

4 октября.

Этим утром мы должны были нанести визит вдовствующей императрице, и поэтому нам приказали следовать за императрицей в Луисбург. Ваша племянница также отправилась вместе с нами. Дорога, ведущая в этот замок, не столь красива, как дорога из Гемунда в Штутгарт. Проезжая мимо виноградников, мы видели сбор урожая. Королева в сопровождении всего двора встречала императрицу на крыльце (на первом этаже). Они затем прошли в спальню и за ними закрыли двери. Мы остались в соседней комнате и были вынуждены беседовать с дамами, похожими все до единой на пиковую или трефовую даму. Через полчаса нам сообщили, что мы должны пройти в спальню, где находились Их Величества. Королева хотела показать замок императрице и нам разрешили следовать за ней. Повседневные апартаменты королевы очень красивы. У нее есть кабинет, где я увидела множество изделий, выполненных ею собственноручно: вышивки синелью, гобелены, расписанный фарфор. Кажется, она уделяет много времени рукоделию. В этой же комнате находятся несколько портретов, в том числе портрет госпожи Жером и ее малышки. В замке Луисбурга почти столько же спален, залов и красивой мебели, как и в замке Штутгарта. Царствующая королева уверила меня, что их было еще больше, и это вполне возможно, поскольку мы не сумели осмотреть всё. Вдовствующая королева живет в замке круглый год, равно как и ее двор. Они ведут там очень размеренную жизнь: обедают, ужинают и ложатся спать всегда в одно и то же время. Часто там устраиваются спектакли. Одним словом, дамы, кажется, очень довольны своей судьбой. Королева-мать поддерживает с молодыми Их Величествами самые сердечные отношения, а они свидетельствуют ей бесконечную почтительность. Распрощавшись, королева проводила императрицу только до дверей, после чего вернулась к себе. Перед тем, как вернуться в Штутгарт, нам пришла в голову мысль осмотреть несколько старых башен вокруг замка. Любопытство могло обойтись нам очень дорого, поскольку когда мы хотели переехать через небольшой мост, лошади, запряженные в коляску императрицы, встали на дыбы и заметались так, что отбросили одно из колес в сторону. Я сначала не могла понять, что же произошло, однако госпожа Беролдинген так перепугалась, что заставила нас всех выйти из экипажей. С трудом пробравшись по вязкой грязи, мы догнали общество и узнали, что императрица

чудом избежала огромной опасности: если бы коляска опрокинулась, она бы упала в пропасть. Ее Величество продолжала путь в другой карете. Госпожа Беролдинген, похожая на пажа Мальбрука, вернулась в Луисбург, чтобы рассказать о происшествии вдовствующей королеве, а мы — Софи Самойлова, Лиза Браницкая и я — поехали дальше вместе с господином Нарышкиным. Обедали мы в узком кругу. Вечером я отказалась идти на спектакль, чтобы составить компанию графине Ливен, поиграть в *дурака*[16] и поиздеваться над немцами, скучными до смерти.

5 октября.

Сегодня я присутствовала на одном из самых веселых в моей жизни праздников. Мы поехали на сбор винограда. По этому случаю обед состоялся раньше трех часов. Выйдя из-за стола, мы сели в разные экипажи: одни — в ландо, другие — в коляску. Королева и императрицей ехали в закрытой карете. Место, куда нас привезли, прелестно расположено. На горе и у ее подножья толпилось множество народу. Аллеи, по которым мы проезжали, были также многолюдны. Молодые девицы и юноши были одеты в костюмы виноградарей. Когда прибыл двор, некоторые из барышень приблизились, чтобы прочитать стихи и преподнести гостям ножи для срезания гроздей винограда. Процессия двинулась вперед, чтобы приняться за дело, и вскоре огромные корзины были доверху заполнены. Я преодолела 310 ступенек, чтобы добраться до вершины горы и насладиться открывающимся оттуда видом. Я совершила эту прогулку вместе с Винценгероде, а поскольку она заняла у нас добрых четверть часа, то по возвращению мы нашли общество в галерее, построенной у подножия горы. Господа виноградари подавали виноградное вино. После этого зазвучал хор, уж не знаю с какими и со словами, нечто вроде *God save King*[17]. Затем состоялся бал. На зеленой лужайке мы танцевали вальсы и котильон. День выдался теплым, прекрасным, совсем как в июле. Музыка на пленэре, деревенские танцы, хорошенькие особы, наряженные в одинаковые костюмы, всё это производило восхитительное впечатление. На закате мы уехали в Бельвю, откуда был произведен фейерверк. Несколько украшенных иллюминацией кораблей плыли по Неккару в разных направлениях. Одним словом, это был, несомненно, хорошо организованный и удавшийся как нельзя лучше праздник.

6 октября.

Сегодня утром я присутствовала на мессе со всеми русскими,

начиная с императрицы и заканчивая последним лакеем. Красивая часовня, великолепный священник, но пели только два *псаломщика*[18]. Выйдя из церкви, мы нанесли визит герцогине Вильгельм, которая вот уже на протяжении нескольких дней болела. От нее мы направились на прогулку в ботанический сад, содержащийся в отменном порядке. Императрица, эрцгерцог-пфальцграф и герцог Ольденбургский грызли гранит науки. Король и королева, как мне показалось, откровенно скучали, поскольку ни он, ни она ничего не смыслят в растениях. Завтрак был подан в мило украшенном кабинете, который расположен посредине оранжереи. Затем нам пришлось объехать город, действительно окруженный садами. Вечер, после званного обеда, на котором я не присутствовала, поскольку очень устала, при дворе состоялся большой бал. Мне очень жаль, госпожа графиня, что вы не можете видеть, с каким размахом всё это происходило. Я была просто поражена роскошью. Зала, предназначенная для ужинов, конечно, не так красива, как зала императора; но она построена в весьма утонченном стиле, прекрасно освещена и украшена апельсиновыми деревьями, как модно у нас. Она производит очаровательное впечатление. Однако больше всего меня поразили чистота и порядок, которые заметны везде и во всём. Как было бы желательно, чтобы мы последовали этому примеру, поскольку надо признать, что их нам как раз и не хватает подчас. Господин Шекендорф, церемонмейстер, мог бы послужить образцом для *Дона Пачеко*.

7 октября.

Я имела удовольствие совершить сегодня утром долгую прогулку с вашей сестрой. Нас привезли в «Солитюд», небольшой замок, расположенный на вершине, откуда открывается прекраснейший вид. Стояла прекрасная погода, однако мы, госпожа Браницкая и я, дрожали от пронзительного холода. Желая согреться, я ей предложила войти в павильон, где оказалось четыре или пять опрятно обставленных комнат. На первом этаже расположены три комнаты, в которых раньше жила императрица и который ей бы хотелось увидеть из-за ностальгических чувств. Из «Солитюд» мы направились в охотничий домик, стоявший посредине парка, который я нашла весьма миленьким. Этот домик построен сравнительно недавно. Внешний вид весьма приятный, интерьеры прекрасно отделаны. Возвращаясь, мы поехали другой дорогой, что продлило наше прогулку на полчаса. Вернулись мы продрогшими до мозга костей. N*** жалуется на чрезмерную усталость. Однако занимая подобное положение и будучи осыпанным милостями нашей

покровительницы, он, по моему глубокому убеждению, должен был обречь себя и не на такие страдания, как чрезмерная усталость. Если взглянуть на этого человека поближе, он выглядит жалким. Это полное ничтожество. Должна признаться, что я не нахожу слов, чтобы посмеяться над тем, слишком часто находят возвышенным и любезным. Возможно, правда, что я ничего не понимаю. Сегодня состоялся обед, на котором присутствовали весь двор и многие министры. С некоторыми из этих господ я познакомилась: с графом Винценгероде, отцом того самого Винценгероде, который был в России посланником, затем с господином Цеппелином и господином Мауклером. Первый из них — министр иностранных дел, второй — министр юстиции. Супруга господина Цеппелина — весьма приятная особа, на которой, как говорят, держится весь дом. Обе придворные дамы — также весьма приятные особы. Графиня Беролдинген не лишена ума и весьма образована; госпожа Шекендорф также весьма учтива. Они обе спешили предугадать все наши малейшие желания. После обеда состоялся спектакль. Давали небольшую комедию под названием «Рассеянные» и оперу-водевиль. Оркестр под управлением знаменитого Гусселя был восхитительно точен. Я получила огромнейшее удовольствие от трио Гайдна, которое поют все наши Голицыны. Это перенесло меня в Петербург. Впрочем, я здесь часто мечтаю. Не далее как вчера мы с госпожой Браницкой перебирали всех наших знакомых. Хочется верить, что ваша сестра не скоро с нами расстанется. Я делаю всё возможное, чтобы задержать ее здесь до тех пор, пока мы не уедем.

8 октября.

Я договорилась с госпожой Цеппелин, что сегодня утром мы пойдем к Даннекеру, знаменитому скульптору, жившему в Штутгарте; поэтому в девять часов я была уже готова. Мы отправились пешком. У него очень богатая мастерская. Там мы любовались Психеей, Амуром, Ариадной, копию которой он отправил господину Бетману во Франкфурт. Я там также видела бюсты Шиллера и Лаватера. Однако надо быть более искушенной в искусствах, чем я, чтобы подробно рассказать вам обо всех произведениях и описать их красоту, поэтому я умолкаю. И всё-таки скажу вам, что из всего уведенного мною в мастерской, наиболее понравилась гипсовая статуя, изображающая в полный рост нашего Спасителя. Правую руку он держит на сердце, а левую поднимает, словно указывая на небеса. Это очень незамысловатая поза, но она находится в таком соответствии с некоторыми отрывками из Библии, что так и слышишь слова Христа. Даннекер создал это произведение в душевном порыве

или читая Святое Писание. Взявшись с энтузиазмом за дело, он замыслил изобразить Спасителя. В тот момент с ним произошел любопытный случай, еще больше побудивший его продолжить работу. Не успел он закончить голову Христа, как утром к нему пришла соседская девочка с поручением, которое ей дал ее отец. Даннекер, услышав голос малышки, позвал и, велел внимательно посмотреть на голову, над которой он трудился. «На что это похоже?» — спросил скульптор у девочки. Она пристально посмотрела на лицо и тут же ответила: «Ни на что, *поскольку она единственная*». Именно так мне перевели немецкое выражение. Художник был тронут сделанным замечанием и с удвоенным пылом принялся заканчивать произведение, столь милое его сердцу. Он собирается высечь эту скульптуру из мрамора; однако у него нет никаких планов по поводу ее будущего и он не хочет обещать ее кому-то ни было, хотя ему и делают заманчивые предложения. Мне бы очень хотелось, чтобы эту статую приобрел император, однако я ничего не сказала о своем желании Даннекеру. Выйдя из мастерской, я посетила несколько модных магазинов, но не нашла там ничего хорошего. Самая мелкая лавочка Петербурга содержит в себе товаров больше, чем я увидела тут. Императрица обедала в кругу семьи, а мы — за столом церемонмейстера. После обеда я должна была нанести визит принцессе Евгении Вюртенбергской и ее невестке, принцессе Гогенлоэ, однако, к счастью, они еще не приехали от двора. Затем я посетила с визитом герцогиню Вильгельм, до сих пор болеющую. Она мне очень нравится. У нее очень выразительное лицо, и в молодости она, должно быть, славилась красотой. Ведь несмотря на худобу, она до сих пор производит весьма приятное впечатление. Ее супруг очень трогательно заботится о ней. У них четверо детей, старшего из них они поместили к Фелленбергу. Поскольку жениться герцога Вильгельма рассматривается как мезальянс, его сыновья будут носить только лишь титул графа. Их матерью была баронесса Тундерфельд, троюродная сестра Бенкендорфа и следовательно госпожи Шевич. Императрица обращалась с ней очень хорошо, а я была очень довольна, поскольку действительно она весьма интересная особа.

9 октября.

В девять часов я отправилась на мессу в нашей церкви, а по возвращению принимала гостей, которые задержали меня до полудня. Поскольку в этот день я дежурила, то мне пришлось ехать в Луисбург. Вдовствующая королева приказала подать завтрак в маленьком домике, который принадлежит ей и

расположен в одной миле отсюда. Он называется *Монрепо*. Прежде чем приехать туда, мы остановились в *Фаворите*, другой загородной резиденции. Она поражает не только чудесным расположением, но и поддерживаемой там чистотой. Королева, показав нам все комнаты «Монрепо», предложила позавтракать. Правда, завтрак превратился в обед. На нем присутствовали придворные дамы и кавалеры, а также мы, приехавшие с визитом. Кормят у Ее Величества очень плохо: жидкие подливки и, кроме того, ни одного горячего блюда. Я скромно взяла себе чашку бульона и яйцо всмятку. Я заметила, что королеву обслуживали отдельно и что ей принесли только овощи. Действительно, она почти не ест мясо, а все овощи были сварены в обыкновенной воде. После завтрака состоялась небольшая беседа. Затем мы посетили старую часовню, построенную в глубине парка. Раньше в ней шли католические службы. Часовня представляет собой смешение старинного и современного стилей. Расцвеченные витражи не сочетаются с потолком, которого, должно быть, отреставрировали не так давно. Выйдя из часовни, мы спустились в своего рода подземный грот, где я увидела весьма странную вещь. Двенадцать фигур в натуральную величину, изображающих рыцарей-храмовников, сидели вокруг круглого стола. Один из рыцарей, вероятно их предводитель, был одет иначе, чем все остальные. Перед ним лежала книга, которую он как бы внимательно читал, а другие якобы слушали его с особым почтением. На столе мы увидели также череп, две скрещенные шпаги и несколько инструментов, которыми, как я полагаю, пользуются масоны. Эти фигуры настолько хорошо сделаны, что их можно принять за живых людей. Недалеко от этого грота находится еще один, меньших размеров, где мы увидели такого же отшельника, как и храмовники. Он приподнимался, клал очки и смотрел на входящих, что производило весьма забавное впечатление. Перед тем, как покинуть Луисбург, мы гуляли в прекрасном парке, где находятся два охотничьих домика, один из которых называется «Дианенхаус». Прогулка была настолько продолжительной, что мы вернулись только в половине шестого. Нужно было сразу же заниматься туалетом, поскольку предстоял обед в присутствии всего двора. Закончив обедать, мы отправились на спектакль. Давали «Итальянцев в Алжире» на музыку Россини. Я очень устала. Повторяю: не существует на свете такого здоровья, которое могло бы выдержать подобный образ жизни.

10 октября.

Какое наслаждение я испытала, проведя у себя три четверти

дня. Поскольку я приняла слабительное, то при дворе учли это обстоятельство, вынуждавшее меня пребывать в покое. Императрица уехала утром, чтобы посетить склеп, где похоронены или вернее покоятся ее родственники. Обедали мы в узком кругу. В течение дня мне нанесли визиты несколько особ, в том числе Шенк, бывший министр Вюртенберга при нашем дворе. Я нашла, что он поглупел еще больше. Он наговорил мне множество глупостей и сказал, что влюблен в Лизу Браницкую и даже просил ее руки. Полагаю, что эта любовь и натолкнула его на мысль поступить на русскую службу. Ко мне он пришел посоветоваться по поводу своего блестящего плана. Можете себе представить, какой ответ я ему дала! Вечер мы вместе со всем двором провели у графа Цеппелина. Там состоялся концерт скорее любителей, чем актеров. Госпожа Банк, фрейлина королевы, госпожа Самойлова и ваша племянница Браницкая играли на фортепьяно. Знаменитый актер по фамилии Эсслер декламировал некоторые отрывки. Ничего не слыша, я повернулась к госпоже Ливен, чтобы попросить ее сказать мне, о чем идет речь, но она спала глубоким сном. Говорят, что императрица последовала ее примеру. В перерывах между музыкой и декламацией подавали чай, пунш, мороженое и конфеты. Цеппелин сам обслуживал короля. Его супруга сделала представление императрице, а затем королеве. Дом обер-камергера считается первым в Штутгарте, но надо видеть, как экономно они живут. Лестницу освещали две лампы, которые погасли сразу же после нашего приезда, а в салоне еле-еле горела только одна. Без свечей вообще ничего не было бы видно. За концертом последовал ужин, и хотя он закончился в половине двенадцатого, я поехала проститься с вашей сестрой. Я как раз только что вернулась от не. Часы пробили два часа. Доброй ночи!

11 октября.

Я уверена, что в Петербурге никогда не бывает такой плохой погоды, как сегодня: холодно, пасмурно, словно вся природа прониклась печалью. Это не помешала нам совершить по меньшей мере двухчасовую прогулку. Мы объехали город: король на лошади, императрица и королева в одной закрытой карете, госпожа Шекендорф, Беролдинген и я — в другой. Я удивилась, сколько деревьев сбросили листья: как будто я очутилась в разгар осени в России, ведь у нас происходит то же самое. Я предчувствую, что поездка на Рейн, которую я ждала как праздника, будет весьма грустной и совершенно не похожей на путешествие, совершаемого в разгар лета. Нельзя было выбрать более неподходящего времени года! Возвратясь с прогулки, мы

посетили три института, основанных королевой. Два из них предназначены для детей, попрошайничавших на улицах. Им строжайше запрещено это делать. Они должны приходить в это заведение каждый день в семь часов утра. Те, у кого нет родителей, едят суп, остальные забирают его с собой и возвращаются в два часа, чтобы присутствовать на занятиях. Их учат читать, писать, рисовать и считать. В шесть часов они уходят к себе. Их обучают весьма полезным ремеслам. Они прядут, вяжут носки, ночные колпаки, шьют ботинки. Одним словом, их учат тому, что в будущем поможет им зарабатывать на хлеб. Девочки трудятся белошвейками и изготавливают хлопковые шляпы, как на фабриках Берлина. Помещение этого заведения небольшое, но теплое и содержится в необыкновенной чистоте. Третий институт напоминает общины Петербурга с той разницей, что здесь всё миниатюрное: правительство берет на себя расходы по содержанию только 20 барышень. Остальные — это пансионеры, которые не живут здесь, а только приходя брать уроки. Со временем, зная упорство королевы, это заведение, по всей видимости, станет очень полезным. Мы присутствовали на званном обеде при дворе, а затем посетили трагедию «Вильгельм Телль». Вечер я провела вместе с госпожой Ливен. Герцог Вильгельм с супругой составили нам компанию. Герцогиня — очаровательная особа. Она наделена умом, здравым смыслом и придерживается разумных принципов. Они ведут образ жизни частных лиц и занимаются воспитанием своих детей, что делает им честь.

Утром Штутгарт облетела новость, что император приезжает сюда 14. Это представляется мне невероятным, поскольку в газетах сообщается, что 13 он должен быть в Париже. Возможно, мы встретимся с великим князем Константином.

12 октября.

Я с радостью вижу, что погода меняется к лучшему. Утром светило яркое солнце. Мы поехали в Луисбург проститься с вдовствующей королевой. Там по-прежнему испытывают тревожное беспокойство от известий, приходящих из Англии. И тем не менее старая королева еще жива. Всякий раз прибытие гонца вызывает в Луисбурге ужас, а фрейлины заранее погрузились в траур и надели печальную маску, что делает этот двор весьма неприятным. Визит длился три четверти часа. Императрица захотела доставить себе удовольствие взглянуть еще раз на замки и остановиться в апартаментах своего покойного отца. По возвращении при дворе состоялся званый обед. Вечером мы осматривали картины, на которых изображены

дамы Штутгарта. В завершение нам преподнесли сюрприз. Мы увидели на картине детей. На переднем плане были изображены два герцога Ольденбургских в виде амуров. Они стояли около престола, где находился бюст императрицы, а маленькая Мария возлагала на него гирлянду из роз. Другие дети заполнили собой задний план. Не могу вам даже передать, какие слова благодарности, излияния нежности, горячие объятия последовали за сюрпризом. Вы это сами можете себе представить, ведь в подобных случаях происходит одно и то же… Затем мы вернулись в большой салон. Императрица поблагодарила всех дам и господ, а затем состоялся ужин за раздельными столами.

13 октября.

Пока я вам описывала свой вчерашний день, Кирилл Нарышкин приехал из Брухсала. Он пришел ко мне сегодня утром и рассказал мне о том, что там происходит. Похоже, болезнь герцога не слишком огорчает его подданных, а семья почти совсем о нем не заботится. По вечерам маркграфиня играет в бостон с императрицей Елизаветой, принцессой Дармштадской и Нарышкиным, если нет более важной особы. Мать обращается с дочерьми очень грубо, а наша, по словам Нарышкина, находится в таком же положении, как и госпожа Апраксина в присутствии госпожи Вольдемар, то есть в полнейшей зависимости. Принцесса Амелия постарела, располнела и озлобилась. Об остальном Нарышкин мне рассказал такое, о чем я не могу писать в письме. Этим утром мы присутствовали на мессе. Выйдя из церкви, мы совершили прогулку, цель которой заключалась в том, чтобы посетить замок Гогенгейм, самый любимый замок отца императрицы. Он там проводил даже зимы в то время, как герцогиня, не выносившая вида гор, жила в Штутгарте. Дорога, ведущая в Гогенгейм, очень красивая. Мы почти постоянно ехали по возвышенности, откуда открывался вид на прекрасные долины. Замок находится в руинах: при царствовании покойного короля он служил госпиталем, а тот, не любивший, в отличие от отца, замок, принял решение разрушить его до основания, за исключением пристроек, из которых он собирается сделать нечто вроде ферм, поскольку намеревается открыть там сельскохозяйственную школу. Со дня на день туда должно переехать общество агрономов. Замок, каким бы старым он не был, выглядит весьма представительно на определенном расстоянии. Видно, что он был очень красивым. Его построил герцог Карл, двоюродный дед императрицы. Замок получил название в честь его любовницы, баронессы Лойден, ставшей впоследствии графиней Гогенгейм. Герцог Карл царствовал более

50 лет. Все его начинания позволяют предположить, что он был весьма странным человеком. Закончил он свои дни как Денис Сиракузский, сделавшись школьным учителем. Сад, прилегающий к замку, выглядит еще более заброшенным, однако садовник, похоже, очень любящий свое ремесло, сумел сохранить много красивых деревьев, таких как тюльпановые деревья, платаны и другие. Императрица осмотрела их одно за другим. Обедали мы вместе с двором. В восемь часов, надев парадные платья, мы пришли поздравить императрицу, у которой завтра день рождения. В девять часов состоялся большой костюмированный бал, напоминавший в точности бал, который проходит первого января в зале святого Георгия. Конечно, буфеты были не столь богатыми, однако прохладительные напитки подавались, по моему мнению, в изобилии. Там было 24 пары танцовщиков, одетых в национальную одежду округов. Это было весьма приятное зрелище. Они исполнили несколько танцев, понравившихся обществу. На балу присутствовали 2500 человек, но помещение могло вместить и больше. Я так плохо себя чувствовала, что с нетерпением ожидала конца бала. Однако потом пришлось ужинать. Вернувшись к себе, я обнаружила, что уже второй час ночи.

14 октября.

Сегодня императрице исполнилось 59 лет. По этому случаю состоялся большой праздник. Нас повели на мессу. Я по-прежнему очень плохо себя чувствую, но пришлось причесываться, надевать украшения и идти вместе с остальными. Королева подарила матери великолепнейшее бархатное платье, вышитое серебром; король — прекрасную вазу, изготовленную в Штутгарте, а дети — разные безделушки. Императрица в свою очередь сделала подарки двум придворным дамам и всем господам, составляющих ее свиту, а также фельдмаршалу Шекендорфу и главному конюшему. Мне неизвестно, что говорят господа, но дамы пришли в восторг от бриллиантов. Они показывают их направо и налево с восторгом, который просто меня очаровывает. Я слышала, что императрица раздала четыре тысячи дукатов прислуге, то есть всем лакеям, каптенармусам и прочим. Да, это путешествие обойдется казне в копеечку, а ради чего?

После мессы мы вернулись к себе, чтобы переодеться в утренние платья, и поехали завтракать в Бельвю. Затем мы отправились на длительную прогулку. Обед проходил в семейном кругу, а вечером состоялся спектакль. Давали оперу Жозефа, но я не видела ее, предпочтя остаться с графиней Ливен. Мы должны

были уезжать завтра, однако император написал, что не следует приезжать в Кёльн раньше 20, и поэтому мы задержимся здесь еще на один день. Я чуть не забыла вам сказать о приятнейшем сюрпризе, ожидавшем меня вечером. Мне нанес визит князь Василий Голицын, ваш племянник. Он приехал из Ахена и уже отправился в Неаполь. Он везет приказы об отставке Мосениго и о назначении на его должность Штакетберга. Чтобы утешить Мосениго, его наградили орденом святого Владимира второй степени. Кроме того, ему собираются предложить отправиться в Турин. Но я не знаю, что сделают с Козловским. Граф Головкин остается в Вене, а Штутгарт, где сейчас находится Потемкин, перейдет, как я полагаю, в ведение Константина Бенкендорфа, который станет министром. Вот и все дипломатические новости. Василий рассказал мне подробно об Ахене. Он утверждает, что до смерти скучал там. Надо по меньшей мере надеяться, что он совершит много добрых дел.

15 октября.

Сегодня утром я ездила за покупками. Вернувшись, я поднялась к императрице, чтобы сопровождать ее в библиотеку короля. Нам показали прекрасные книги, рисунки, гравюры. При дворе состоялся званный обед, а затем мне надо было нанести визит герцогине Вильгельм, затем графине Цеппелин, а остаток дня я провела у себя в спальне, поскольку двор собрался в семейном кругу. Императрица с большим сожалением покидает Штутгарт. Радость, которую она испытала от встречи с родиной и оттого, что собственными глазами убедилась в счастье дочери, сделала ее пребывание тут необыкновенно приятным. Всё, что говорили об этой супружеской паре, ложь. Невозможно найти двух других существ. Которые лучше подходили бы друг к другу, чем эти супруги. Король представляется мне таким же влюбленным, как и в первые дни, а королева, в свою очередь, кокетничает с ним так, словно всё еще хочет его завлечь. Вот, что я видела и что мне подтвердило их окружение. Все безмерно преданы королеве, а госпожа Шекендорф, весьма умная женщина, заверила меня, что королеву действительно любят и умеют по-настоящему ценить. Она не стала скрывать, что сначала в стране короля порицали за этот брак, однако сейчас все безмерно счастливы. Я повторяю вам то, что она сказала мне, и делюсь с вами своими впечатлениями.

16 октября, Хайдельберг.

Сейчас десять часов. Мы только что приехали. Я не хочу ни пить чай, ни ужинать. Я уединилась в спальне графини Ливен,

чтобы написать вам о проведенном дне. Расставание было весьма нежным. Императрица, как я и предвидела, была растрогана до глубины души; королева плакала. Король поблагодарил свою тещу с таким видом, что у меня потекли слезы. Все выглядели настолько искренними, что производили самое приятное впечатление. Собрался весь двор; гарнизон стоял в торжественном строю, как и в день нашего приезда. Кода я очутилась в нашей карете, села а привычное место, мне показалось, что я из нее так и не выходила. У ворот города господин Отто, министр внутренних дел, обратился к императрице. Возможно, он выражал сожаление по поводу ее отъезда. После его речи оркестр исполнил *God save the King* и мы отправились в путь. На границе оба брата императрицы, герцоги Вильгельм и Генрих, простились с Ее Величеством, равно как граф Цеппелин и главный конюший. Первый из них привез письмо от королевы, в котором та сообщала, что тоже едет в Хайдельберг. Это было преподнесено как сюрприз, чтобы королева смогла избежать визита в Брухсалл. Великий герцог Баденский прислал на границу двух своих офицеров и мы в сопровождении этого эскорта въехали в замок маркграфини в Брухсалле. Императрица Елизавета, одетая в платье со шлейфом, украшенная бриллиантовой короной и перевязанная своей лентой, стояла внизу лестницы вместе с самой маркграфиней, королевой Баварии, принцессой Дармштадской, графами Гохвергами и принцем Баденским. Нас провели в салон первого этажа. После трогательных объятий началось представление. Я испытала чувство радости, увидев моих дорогих подруг. Госпожа Валуева показалась мне круглой как яблоко, а бонбоньерка (княгиня Волконская) — весьма очаровательной особой. Императрица Елизавета чудесно обращалась со мной, много разговаривала и была очень любезна. Почти сразу же состоялся обед. Он был длинным и помпезным, как и все обеды в Германии. Я сидела рядом с Кириллом Нарышкиным и госпожой Таксис, фрейлиной королевы Баварии. Зал, где мы обедали, походил на трапезную монастыря своими сводами и аркадами. Этот замок принадлежит епископам Шпира. Он выглядит незатейливо и, возможно, построен по плану какого-либо монастыря. Тем не менее, апартаменты, расположенные на бельэтаже, где живет маркграфиня, говорят, очень красивые. Мне приходится верить на слово, поскольку я туда не поднималась. После обеда приехали королева Швеции с сыном и дочерью и принцесса Амелия, с которой мы сердечно расцеловались. Она не растолстела и не постарела, а осталась совершенно такой же, какой была в Петербурге. Дамы прибыли из Карлсруэ, где живут с тех пор, как

тяжело заболел их брат. Он без раздражения позволяет заботиться о себе только принцессе Амелии. Все остальные члены семьи утомляют его. Он очень болен, несчастный. Одному Богу известно, сможет ли он продержаться еще месяц. Говорят, что неизвестность внушает ему тревогу. Супруга не отходит от него ни на минуту. По моему мнению, королева Швеции прекрасно сложена. У нее единственной не было никаких украшений. Ее сын — высокий, худой, с приятными чертами лица. О нем все очень хорошо отзываются. Юная принцесса, должно быть, похожа на отца, судя по портретам короля Густава, которые я видела. Они оба вызывают интерес, поскольку нет ничего более странного, чем их судьба! Королева Баварии, которую считают красивой, — вылитая копия своей матери, но с более выразительными глазами. Мими Дармштадская (так зовут младшую) — прямая как палка. Нарышкин сказал мне, что это любимая сестра императрицы. Добрейшая принцесса Амелия не желает ничего другого, кроме как вернуться в Россию. При упоминании о Петербурге ее лицо светлеет. Поскольку все принцы Германии, которые могли бы стать претендентами на ее руку, уже женаты, было бы хорошо, если бы ее приютили в Зимнем дворце. Там она никого бы не стесняла и худо-бедно прозябала. Мне показалось, что в Брухсалле живут необычайно скучно. Уже стемнело, когда мы стали уезжать. Мы въехали в Хайдельберг только при свете факелов наших карет. Король и королева были там. Сейчас они уединились с императрицей, а все остальные ужинают у меня. Мы решили завтра утром отправиться на прогулку, а потом поедем в Мангейм, где будем обедать и останемся ночевать.

17 октября, Мангейм.

Мы выехали в девять часов, чтобы осмотреть достопримечательности Хайдельберга.

18 октября, Майнц.

Если бы мне пришлось жить в Германии, я бы, безусловно, выбрала Мангейм, который мне необыкновенно понравился. Въехав в город, мы были очарованы открывшимся нашему взору видом: широкие, чистые улицы, симметричные кварталы, просторные площади, хорошенькие дома; одним словом, всё производит приятнейшее впечатление. Я надеялась, что этим утром нам придется много ездить, но я ошиблась. Мы ограничились тем, что осмотрели замок великого герцога и церковь иезуитов, вернее, правильнее было бы сказать собор. *Артария*, который держит в Мангейме книжный магазин, показал нам много интересных произведений по естественной истории.

Он принес различные рисунки и гравюры и я с огромным удовольствием рассматривала их. Если бы я была богатой, сколько бы я всего купила! Госпожа Коцебу, живущая здесь, приехала засвидетельствовать свое почтение императрице. Я познакомилась с ней. После завтрака, напоминавший скорее обед, мы снова пустились в путь. Из Мангейма в Майнц ведет очаровательная дорога. Сначала мы ехали по прекрасной насыпной дороге, а затем любовались восхитительными видами. Несколько раз мы видели Рейн и даже довольно часто ехали вдоль его берегов. Погода переменилась к лучшему. Туман рассеялся и всё представлялось в наиприятнейшем виде. Стало смеркаться, когда мы приехали в Майнц. Прежде чем остановиться в «Трех коронах», таверне, которую отвели для императрицы, мы отправились к принцессе Ангальт-Бернбург-Шауенбургской, теще эрцгерцога-пфальцграфа. Она находится здесь проездом вместе с детьми этого принца. Императрица обещала эрцгерцогу нанести им визит и вот теперь выполнила данную просьбу. Принцесса также остановилась в таверне. Когда мы находились у нее, вошел лакей и доложил, что граф и графиня Шуваловы желают видеться с нами. Госпожа Самойлова тут же вышла к ним, а вскоре и я последовала за ней. Как же мне было приятно встретиться с нашими дорогими русскими. Императрица устроила ужин, на который пригласила принцессу Шауенбургскую, принца Нассау, многих немецких генералов и Шуваловых. Мы только что вышла из-за стола. Боюсь, завтра нам придется выехать очень рано, чтобы осмотреть все интересные места в Майнце. Я предчувствую, что у меня будет мало времени для отдыха.

Кобленц, 19 октября.

Сегодня я путешествовала с истинным наслаждением, ведь мы целый день ехали по красивейшей местности. Открывавшиеся виды доставляли мне наслаждение. Императрица села вместе со мной в коляску господина Нарышкина, а он устроился на козлах, взяв на себя роль рассказчика, с которой подчас не справлялся. Впрочем, с помощью Райхардта и Шрайбера, у которых я поочередно справлялась, я всё доподлинно узнала о предметах, вызывавших мой интерес. Принцесса Бернбургская представила детей эрцгерцога-пфальцграфа, с которыми мы долго занимались. Шуваловы приехали проститься, а я нанесла визит Крейдеманну, поверенному нашей миссии во Франкфурте. Он сообщил мне новости о князе Фёдоре, который накануне был здесь проездом из Парижа, направляясь к своей супруге в Дрезден. Губернатор города и комендант крепости умирали от желания провести

императрицу в цитадель. Эти два старика просто лезли из кожи вон и в конце концов добились своего. И вот мы в коляске пересекли Майнц в окружении вооруженного до зубов гарнизона под нескончаемые крики «виват». Мы добрались до цитадели и наслаждались прекрасным видом, открывавшимся оттуда. Мы собирались даже подняться на башню, построенную Друзусом, однако опасение приехать слишком поздно в Кобленц взяло верх. Покидали цитадель мы в том же сопровождении, о котором я вам рассказала выше. Я не стану вам подробно писать о прелестях путешествия вдоль Рейна, поскольку иначе никогда не закончу. Всё, что мы там видели, вызывает восхищение. Горные гряды, руины старых замков, прекрасная река, меняющаяся на глазах, утесы, виноградники — невозможно увидеть более прекрасных картин. День стоял великолепный. Солнце грело совсем как в июне. Одним словом, мы ни в чем не испытывали недостатка для приятного путешествия! Завтракать мы остановились в небольшом городке Бинген. Сразу же после завтрака принц Виттгенштейнский, сопровождавший нас по велению великого герцога Гессенского, повел нас осматривать сад госпожи Фабен, одной из жительниц Бингена. Ограда сада сделана из руин старого замка под названием «Клопп». Сад возвышается над городом и заслуживает того, чтобы его посетили. Господин Фабер, сопровождавший нас, покорнейше попросил Ее Величество вписать свое имя в книгу, куда он записывает всех путешественников. Императрица согласилась. Я поставила свою подпись после нее и полностью написала по-русски свое имя. Нечего его всем читать! На склоне дня пейзаж принял другой вид. Природа стала такой умиротворенной, что вопреки воле начинаешь верить в загадочное. Немного воображения и разрушенные замки заставляют поверить в истории, послужившие сюжетом для баллад и романсов. На правом берегу Рейна возвышается огромный утес, носящий имя Люкберга. Оттуда раздается замечательное эхо, пять раз полностью повторяющее слов. Форейтор предложил остановиться и убедиться в этом нам самим. Господин Нарышкин крикнул «эхо», повторившееся очень отчетливо. Императрица произнесла «Александр», а я — «воспоминание», после чего мы продолжили путь. Вечером мы зажгли факелы, чтобы избежать плохих мест, заранее пугавших императрицу. Однако этим мы ничего не достигли, поскольку утесы, замки, руины тонули в непроглядной темноте. Лишь усеянный звездами небосвод являл собой чудесное зрелище. На почтовой станции перед Кобленцем мы пересели в карету. Этот день был действительно очаровательным. Я часто думала о Модене, который просил мня вспоминать о нем на берегах Рейна.

Кёльн, 20 октября.

Вчерашний день позволял надеяться, что еще постоит хорошая погода. Однако наши надежды не оправдались. Поднялся отвратительный ветер, а временами начинал моросить противный дождь. Я ехала в коляске вместе с императрицей. Желание осмотреть местность и боязнь промокнуть вынуждали нас часто останавливаться, то для того, чтобы поднять верх, то для того, чтобы опустить его. Конечно, это причиняло большие неудобства. Я ехала со Шрайбером в руках, но могла бросить в него взгляд только тогда, когда мне не докучали вопросами о появившейся деревне или руинах. Самые незначительные вещи привлекали внимание императрицы, и она выражала недовольство, если в моей книге о них ничего не было написано. Мы приехали в Кёльн в пять часов и сразу же направились в собор, представляющий собой главную достопримечательность города. Хотя его строительство так и не было закончено, собор считается одним из самых красивых памятников немецкой архитектуры. Заложен он был в 1248 году. В этой церкви есть очень много интересного. Я полагала, что мы осмотрим всё, однако мы увидели только алтарь и одну очень древнюю картину. Императрица торопилась уехать. Не ошибусь, если скажу, что причиной тому была колика. Я склонна полагать, что это единственная причина, помешавшая ей удовлетворить свое любопытство.

Маастрихт, 21 октября.

Это один из самых изумительных дней! Я увиделась со всеми нашими дорогими русскими и, клянусь вам, испытала чувство невыразимого удовольствия. А сейчас меня радует перспектива вновь встретиться с ними в Брюсселе, где мы вместе проведем несколько дней. Мы послали гонца к императору, но не успел он уехать, как от императора прибыл к нам гонец, чтобы известить о том, что он ожидает нас на обед в своей ставке в окрестностях Ахена, и указать дорогу, по которой мы должны следовать. Мы выехали из Кёльна немногим ранее восьми часов. Все отправившиеся в дорогу совершили более тщательный, чем обычно, туалет, однако наша покровительница непременно хотела поменять шляпку. Поэтому господин Нарышкин получил предписание остановиться в приличном месте, куда можно было бы войти, чтобы поменять эту деталь туалета. Через две почтовые станции карета остановилась около благопристойного дома, у ворот которого стоял хозяин. У него попросили разрешения войти и он ответил, что его дом отведен для императора России, который вот-вот должен приехать. Ничего лучшего и ждать было

нельзя. Через полчаса мы увидели императора, едущего вместе с великим князем Михаилом. Я обойду молчанием все «ахи» и «охи», сопровождавшие встречу. Я нашла императора похудевшим после болезни, перенесенной им в Ахене. Впрочем, он был очень веселым и элегантным. Великий князь ничуть не изменился. Мы беседовали четверть часа, а затем снова пустились в путь. Императрица села в коляску сына. Его Высочество ехал в коляске Нарышкина, а мы перебрались в коляску Рулля. Так мы и ехали до назначенного места. Гостями Его Величества были император Австрии, герцог Веллингтон, наследный принц Пруссии и его брат, принц Гессен-Гомбургский, принцесса де Латур-и-Таксис, сестра покойной королевы Пруссии (которая и гроша не стоит) с дочерью, затем граф Ливен с супругой, Трубецкой с супругой, князь Волконский, само собой разумеется; два прусских генерала, сопровождавшие нас, и граф Вреде из свиты императора Франциска. Моим соседом оказался Ливен и мы вели долгий разговор. Похоже, что через две недели в Ахене всё закончится, поскольку достигнута твердая договоренность не обсуждать посторонние темы, которые могут задержать. Таким образом, возвращение состоится в условленное время. Я пристально разглядывала герцога Веллингтона: он выглядит так, как я его и представляла. По моему мнению, его лицо соответствует всему облику и нравится как правильными чертами, так и открытым выражением. Выйдя из-за стола, император изъявил желание, чтобы я с ним познакомилась, и представил меня ему. Возможно, мы с ним встретимся в Брюсселе. Императрица захотела увидеть генерал-адъютантов, находящихся в Ахене. Послали за Уваровым, Меншиковым, Чернышевым. Адам Ожаровский, наверное, уже уехал на свою свадьбу; мы его не видели. Впрочем, я только что вспомнила, что он остался в Париже делать покупки. Император Австрии похож на своих братьев, с которыми мы встречались; однако издалека он мне напомнил покойного Прозоровского. Смейтесь, если хотите, но я так считаю. После обеда остались одни русские, и мы поехали в Маастрихт, куда нас сопровождал император. Он опять вез императрицу, а великий князь Михаил сидел в нашей карете. Принц и принцесса Оранские выехали нам навстречу. Я нашла, что госпожа Анна похорошела, свободно держится и изъясняется с меньшей претензией. Говорят, что она гораздо лучше теперь поддерживает беседу и что благодаря этому выглядит весьма любезно. Я очень довольна за ее супруга, который будет долго любить ее.

Брюссель, 22 октября.

Если мое здоровье не ухудшится, мне думается, я получу

бесконечное удовольствие от пребывания в этом городе. Мы приехали сюда несколько часов назад и мне уже всё нравится. Мы не будем жить при дворе. Нас разместили в очаровательной таверне. Я счастлива находиться рядом с Василием Долгоруким, который здесь живет вместе с супругой. В дому принцессы Оранской смогли поселить только императрицу и графиню Ливен. Мы покинули Маастрихт между восемью и девятью часами. Император уехал одновременно с нами. Я ехала вместе с графиней Самойловой в отдельной карете. Императрица взяла дочь и зятя в свою карету. Король и королева Нидерландов встречали нас в Лувене, где мы обедали. Но поскольку мы прибыли через полчаса после императрицы, я не могу вам сказать, как происходило знакомство. Несомненно только одно: за столом собралось лучшее общество. Я сидела с очень приятной дамой, имени которой я до сих пор не знаю. У короля жалкий вид: он страшный, худой, неловкий; у королевы очень приятная фигура; принц Оранский очень похож на нее. У принца Фридриха, который, как говорят очень умен, образован и умеет себя вести, такая же осанка как у брата. Утверждают, что он любимец отца. Впрочем, судя по всему, в семье царит лад. Король очень доволен принцем Оранским, а тот, в свою очередь, проявляет к нему должную привязанность. Чернышев сказал мне, что император преподал урок молодому человеку и тот обещал точно исполнять его предписания. Он по-прежнему отдает предпочтение Брюсселю перед Гаагой, и все бельгийцы открыто признаются ему в своей преданности. Я полагаю, что они ему льстят во имя своих будущих интересов. Этот город служит прибежищем для всех французов, которых не хотят видеть в Париже. Сейчас здесь находятся *Сьеиес, Камбасерес и Давид*. Мы встретили их во время прогулки. Очень возможно, что я увижу их завтра. *Вандамм* уехал несколько дней тому назад. После обеда король, королева и принц Фридрих возглавили процессию. Мы следовали за ними в том же порядке, что и в Маастрихте. Императрица покорнейше просила, чтобы ее избавили от необходимости участвовать в церемонии торжественного входа, и поэтому она приехала в особняк принца Оранского без всякой помпы. Я имела удовольствие встретиться здесь со всеми бельгийцами, с которыми была знакома в Петербурге: полковником Дюейларом, ставшим церемонмейстером двора наследного принца, камергером *Наželем*, господином *Хеердом*, тем самым, который был уполномочен просить руки великой княгини. Эти господа остались довольными встречей со мной и охотно предложили свои услуги. Нас познакомили с госпожой Фажель, главной распорядительницей дома принцессы Оранской, и некоторыми

дамами, чьи имена я узнаю завтра. А пока могу вам сказать, что они все очень любезные и обладают французским политесом, который особенно приходится мне по душе. Король, королева, принц Фридрих и принцесса Марианна вновь нанесли визит императрице. Императрицу также посетили вдовствующая принцесса, то есть старая принцесса Оранская, и ее дочь, герцогиня Брауншвейгская. Было сделано множество реверансов и сказаны бесчисленные приятные фразы, после чего они удалились. Нам тоже разрешили откланяться. Я приехала в нашу обитель и сразу же поднялась к Долгоруким, где и провела весь вечер. Василий возвращается из Парижа. Он находился в Париже одновременно с императором и с воодушевлением рассказывал мне о том, что там происходило нового. Он был завален прошениями, ничего не принял, ничего не читал и не хотел никого принимать. Король Пруссии не произвел никакого впечатления. Но поскольку Париж оказывает на Его Величество особое очарование, то он остался бездельничать в свое удовольствие. Здесь ожидают, что он приедет завтра, равно как и великие князья Константин и Михаил. Первый возвращается из Парижа, а второй — из Маастрихта.

23 октября.

Отель «Бельвю», который мы занимаем, прекрасно расположен. С одной стороны, находится Королевская площадь (главная площадь города), с другой — парк, самое чудесное место для прогулок в Брюсселе. Окна моей спальни выходят на площадь. Сейчас весь дом забит до отказа. Генерал Пулл утверждает, что он с превеликим трудом сумел добиться, чтобы нам предоставили комнаты. Мы разделились на три группы, и поэтому пришлось брать разные апартаменты для императора и великих князей.

В полдень я была у принцессы Оранской. Все наше общество, за исключением госпожи Самойловой, у которой флюс, пришло вместе со мной. Нам велели придти ко двору в парадных туалетах: нарядных платьях со шлейфом. Предполагалось, что мы нанесем визит королю. И действительно, мы пошли к нему между часом и двумя. Дворец Их Величеств не представляет собой ничего примечательного. Мебель там очень старая и не отличается ни богатством, ни элегантностью. В особняке наследного принца всё проникнуто восхитительной свежестью и новейшим вкусом. Мы видим поразительный контраст. Все придворные дамы королевы, высшие сановники, камергеры и прочие вышли на встречу императрице. Король и королева стояли вверху лестницы. Они вошли в салон, где стояли

предназначенные исключительно для августейших особ. А мы, все остальные, стояли в смежной комнате, двери которой были открыты. Я обменялась бесчисленным множеством реверансов с теми, кто там присутствовал. Госпожа Фажель представляла меня направо и налево и называла имена всех дам. Это было общество, состоявшее из голландок и бельгиек. Я должна сказать, что все дамы гораздо элегантнее тех, которых мы видели в Штутгарте. Но наибольшее впечатление на меня произвел наряд королевы, выполненный в самом точном соответствие с картинами Ван Дейка. Это очень утонченное платье, особенно подходящее к фигуре королевы, которая высокая и грациозная. Шляпка с опущенным вниз пером чудесно завершает наряд. Впрочем, королева так понравилась мне с первого взгляда, что я всегда нахожу ее прелестной. Визит продолжался целых полчаса. Церемония проводов императрицы была такой же. В пять часов состоялся обед в узком кругу у принца Оранского. Парадные туалеты уступили место более простым. Выйдя из-за стола, я вернулась к себе и уговорила князя Долгорукова посетить театр. Мы смотрели, как танцует Анатоль с супругой в «Сапожках Нины». Говорят, то она чрезмерно подражает знаменитой Биготти. Муж держится гордо и хорошо танцует, однако лицо его не выражает никаких чувств. Впрочем, не доставляет особого удовольствия смотреть, как Жерминис танцует в тесно облегающем мундире. По моему мнению, балет всегда требует особых костюмов. После спектакля я вернулась к себе, чтобы написать вам письмо и лечь спать. Я чуть не забыла вам сказать, что после визита к королю и королеве, мы посетили вдовствующую принцессу.

24 октября.

Я выехала сегодня в девять часов утра, чтобы проехаться по магазинам. Госпожа Утремон, одна из фрейлин принцессы Оранской, отправилась вместе со мной. Я видела вещи, очаровательные во всех отношениях. Если бы только я могла сделать множество покупок, уверяю вас, госпожа графиня, я бы так и поступила. Здесь есть всё: материя, цветы, отрезы, украшения. Ни в чем нет недостатка. Глаза разбегаются. Просто устаешь переводить взгляд с одной вещи на другую. Так и хочется всё купить из-за разницы с ценами Петербурга. Брюссель — это настоящий маленький Париж. Очаровательный город, веселый, смеющийся. Широкие прямые улицы, дома, построенные в приятном стиле, одним словом, нет ничего похожего на города Германии, которые я только что видела. В полдень я вернулась к себе, чтобы переодеться. Должно было состояться большое

представление мужчин в том же порядке, как это происходит у нас: сначала дипломатический корпус, затем кабинет министров, генеральные штаты, а потом все остальные. У короля был дан званный обед: дамы — в платьях со шлейфом, мужчины — в парадных мундирах. В восемь часов вечера императрица собирала у себя всех дам. Прием закончился в начале десятого. Я просто падаю от усталости. Мне так хотелось отдохнуть, вернувшись к себе, но Долгорукие пригласили меня к себе и я оставалась до самой полночи. Король Пруссии так и не приехал. Он прислал сюда принца Карла Мекленбургского. Тот сообщил, что король болен и что он отправится прямо в Ахен. Когда король уезжал из Парижа, у него поднялась температура, а затем начался флюс. Он боялся, что разболеется еще больше и поэтому сразу поехал в Ахен. Приехал великий князь Михаил, а Константин еще находится в Париже. Я полагаю, что он приедет вместе с императором, то есть тогда, когда Его Величество долен будет прибыть в Брюссель.

25 октября.

Этим утром я присутствовала на мессе, а затем на минутку поднялась к графине Ливен. Там я увидела императрицу, ее дочь, зятя, внуков. Они собрались в тесном семейном кругу. Старший из детей необыкновенно развит для своего возраста. Ему только 20 месяцев, а выглядит он как трехлетний ребенок: беленький, сильный, крепкий. Отец лелеет его словно нянька и дает ему физическое воспитание на английский манер. Малышка необычайно хороша. Черты ее лица нежнее, чем у брата. Мы совершили прогулку в Лакен и присутствовали на званном завтраке у короля, затем обедали у принца Оранского. Вечером состоялся спектакль. Давали водевиль «Два наставника» и оперу «Превосходная Джоконда». Не думаю, что в Париже могло бы быть лучше. Двор посетил спектакль в полном составе. Когда он вошел в зал, раздались оглушительные аплодисменты. Я боялась, что ничего не увижу, если буду сидеть сзади Их Величеств, и поэтому прошла в ложу принца Оранского вместе с герцогиней Брауншвейгской. Туда пришли и все принцы. Мы получили истинное наслаждение от оперы, которая действительно чарующая! Вечером я была у своих дорогих соседей Долгоруких. Сегодня приехала госпожа Нессельроде, но я смогла встретиться с ней только на минутку.

20 октября.

Поскольку нас поставили в известность, что мы потребуемся только к восьми часам вечера, я воспользовалась свободным утром. Я объехала город сначала вместе с госпожой Нессельроде, а затем с госпожой Утремон, сделала несколько покупок и заказала платья. Обедали мы вместе с Долгорукими. Вечером состоялся бал у короля. Этот бал совсем не походил на балы в белой зале и уж тем более на балу в Штутгарте. Помещение было совсем неподходящим, однако туалеты очаровательные, по парижской моде. После десятка полонезов танцевали вальсы и французские танцы. Нет ничего более удивительного, чем видеть посреди кадрилей человека, одетого как благородный отец из смешных комедий. В руках он держал шапокляк и кричал изо всех сил: английская цепочка, дамы направо, вперед, взмах руками и так далее. Это учитель танцев, который должен присутствовать на всех балах, в том числе и придворных. Как генерал, командующий парадом, так и этот тип командовал фигурами. Это довольно любопытно, когда в новинку. После ужина все разъехались, не заходя в танцевальную залу. Господин Вилламов сегодня уехал в Париж, а господин Нарышкин собирается туда отправиться ночью. Он встретиться там со своими детьми, которые вот-вот должны возвращаться в Россию.

27 октября.

Сегодня утром состоялась месса, на которой мы присутствовали в открытых платьях. Я вернулась в полдень, чтобы встретиться с госпожой Нессельроде, ожидавшей меня у Долгоруких. Обедали мы у короля. Стол был накрыт на 85 персон. Там присутствовал дипломатический корпус. Увидев господина де Латура, представляющего Францию, я не смогла удержаться от улыбки, вспомнив, что этот самый человек занимал дом короля в качестве префекта. Он, разумеется, не подозревал, издавая законы от имени Бонапарта, что через несколько лет будет обхаживать изгнанного принца, который станет королем тогда, когда королевой стану я. Впрочем, я не знаю, может ли он рассчитывать на продолжительность своего царствования. Судя по тому, что я вижу и слышу, в этой стране очень любят вести пустые разговоры! Стоит Франции придти в движение, как Король Вильгельм будет вынужден распроститься с Бельгией, если только принц Оранский не сумеет создать мощную партию. Между обедом и спектаклем я беседовала с господином Вандербургом, генерал-губернатором Брабанта. Он высказал очень много мудрых суждений, о которых я вам детально расскажу как-нибудь в

другой раз. В театр мы поехали в семь часов. Давали «Мизантропа» и оперу под названием «Соловей». Комедию играли хорошо; музыка оперы также доставила мне наслаждение. Спектакли здесь пользуются успехом. На них часто ходят, а зал всегда полон.

28 октября.

К счастью, сегодня у меня свободное утро, чем я и воспользовалась, чтобы вновь посетить великолепные магазины. Я смогла, госпожа графиня, купить несколько вещей для вас и подробно осмотреть эти прекрасные лавки. Прежде чем отправиться за покупками, я была вынуждена посетить госпожу Вандербург. Она просила меня позавтракать у нее. Мне пришлось проявить учтивость. Ее муж, хоть и генерал-губернатор, живет как торговец. Дом у них маленький, очень чистый, устроен на английский манер. Меня провели в злу с низким потолком, где я увидела стол, накрытый на шесть персон. Скатерть поразила меня красотой и белизной. Господин Вандербург представил мне троих из детей: двух мальчиков и маленькую девочку; затем двух адъютантов, которых назвал по имени. Но я их забыла, поскольку у меня особый талант забывать имена. Подавали кофе «мокко», зеленый чай, называемый здесь императорским и много вкусных вещей к ним. Во время завтрака разговор шел большей частью о занимаемой господином Вандербургом должности, которая не слишком хорошо оплачивается. Его жалование составляет десять тысяч франков и к тому же ему не положены жилье, дрова и карета; а ведь всё это здесь стоит дорого. Один из его адъютантов участвовал в русской кампании. Это стало следующей темой беседы. Он мне поведал весьма интересные истории. Молодой человек говорит хорошо, но придерживается самых либеральных принципов. Он выглядел очень забавным. Я постаралась доказать ему, что наши крестьяне (рабы, как он их называл) счастливее всех других крестьян на свете. Я так убедительно говорила, что генерал-губернатор и его супруга встали на мою сторону. Госпожа Вандербург повезла меня на фабрику, где плетут кружева. Я видела, как их делают. Это такой кропотливый, такой скрупулезный процесс, что становится понятно, почему они довольно дорого стоят. Вернулась к себе я поздно. Обедала я в приятном обществе Долгоруких, а вечером мы отправились а бал к принцу Оранскому. Там, как и у короля, танцевали множество французских танцев, а учитель танцев трудился, как и в прошлый раз. Когда настала пора ужинать, я попросила разрешения удалиться. После завтрака у госпожи Вандербург я неважно себя чувствую. Если бы не было так поздно, я бы приняла

слабительное. А теперь я попытаюсь уснуть.

29 октября.

Хотя утром я чувствовала себя довольно плохо, пришлось сопровождать императрицу. Она отправилась в заведения, которые уже давно собиралась посетить. Сначала мы отправились в сиротский приют, затем в приют для подкидышей. Оттуда — к святой Гертруде. Затем в госпиталь святого Иоанна и к урсулинкам. Последний визит мы нанесли в госпиталь святого Петра. Мы побывали во всех уголках и закоулках этого госпиталя, который особенно интересовал императрицу. По правде сказать, я падаю от усталости. Вернувшись после поездки, я должна была облачиться в парадный туалет, чтобы идти на обед к принцу Оранскому. Оттуда всё общество поехало на спектакль, а я манкировала им, чтобы отдохнуть. Я чувствую себя совершенно больной из-за проклятой желчи.

30 октября.

Я не выходила целый день. Всё утро провела в постели. Ах! Попасть бы мне в Петербург, чтобы хоть на мгновение увидеть моего дорогого Кригтона! Я уверена, что он бы быстро избавил меня от всех страданий. Увы! Рулль постоянно ощупывает, удлиняя тем самым мои пытки. Сегодня нет обеда, но вечером состоится большой бал в городской ратуше. Если меня и может что-нибудь утешить, так только то, что я не буду присутствовать на этом балу, который, несомненно, будет сплошной толкотней.

31 октября.

Если бы я не находилась в Брюсселе и, самое главное, не состояла в свите императрицы Всея Руси, я бы отдохнула еще один день. Однако пришлось выезжать и, несмотря на то, что я приняла слабительное, посетить три места. Мы были в Вильворде, где расположен исправительный дом. Вернувшись из Вильворда, мы обедали у себя, а вечером посетили очаровательный спектакль, состоявшийся у принца Оранского. В одном из залов был устроен театр, причем с таким вкусом и такой изысканностью, что мне захотелось, чтобы всему увиденному мною подражали при постановке спектаклей у императрицы. После спектакля состоялся ужин.

1 ноября.

Утро было свободным. Меня приехали консультировать два местных лекаря. Я им рассказала, что почувствовала недомогание еще в Варшаве и с тех пор болезнь не оставляет меня. Хотя эти

лекаря меня наверняка больше никогда не увидят, мне было приятно узнать их мнение по поводу моего *странного состояния*. Один из них, господин Монтен, осмотрел меня и внимательно выслушал. Я считаю, что он понимает причины моей болезни гораздо лучше Рулля, который до сих пор напрасно пичкал меня лекарствами. Затем здоровье уступило место политике. Доктор о многом поведал мне. Его слова подтверждают высказанные мной суждения о королевстве Нидерландов и даже о Франции. *Всё это весьма преждевременно*. Сегодня я с величайшим наслаждением встретилась со старыми знакомыми: *маркизом д'Отишамом*, его супругой, а также *с принцессой де Бройль-Ревель*. Они приехали сюда, чтобы засвидетельствовать свое почтение Ее Величеству. Госпожа д'Отишам нисколько не изменилась. Возможно, только ее рот мог бы пожаловаться на разрушительное влияние времени: у нее остался один-единственный зуб. Однако он очень твердо держится. Это обстоятельство ничуть не мешает прелестной маркизе есть в свое удовольствие. Как вы знаете, маркиз занимает пост управляющего Лувром и поэтому имеет в своем распоряжении квартиру, хотя жалование никак нельзя назвать хорошим. Госпожа де Бройль женила сына на очень богатой родственнице. Она живет вместе с детьми и выглядит очень счастливой. Когда я спросила господина д'Отишама, как они поживают, он ответил: *наш путь не устлан розами*. Обедали мы у короля. Утром императрица осматривала библиотеку и картинную галерею, которых я, вероятно, так и не увижу. После обеда мы немного передохнули, а затем отправились на спектакль, устроенный в парке. Нам показали чудесные пьесы. Есть одно обстоятельство, которое доставило мне огромнейшее удовольствие. Был исполнен куплет в честь императора. Он вызвал бурный восторг. Вот этот куплет:

Разве нужны камни,
Глина, мрамор и бронза,
Чтобы вся Европа узнала
Лицо этого великого государя?
Не должен он бояться бурного времени ход.
Пусть черты его лица он сотрет.
Но образ его найдем мы
В сердце всех его подданных.

После спектакля я вернулась к себе.

2 ноября.

День начался с визита моего нового эскулапа. Он мне

прописал лекарства, которые я буду принимать без ведома Рулля. Будь что будет. Императрицу сопровождала графиня Самойлова, так что утром я распорядилась по своему усмотрению. Я сделала несколько покупок в магазинах и совершила прогулку по городу вместе с госпожой Утремон. Обедали мы принца Оранского. Там присутствовали господин и госпожа д'Отишан, а также госпожа де Бройль. Маркиза оказалась за столом моей соседкой. Мы много беседовали, в том числе и о Петербурге. Вечером я пошла на спектакль вместе с княгиней Долгорукой. Но там я заснула, поскольку плохо себя чувствовала и была одета в слишком узкое платье. К счастью, сразу же после спектакля я смогла вернуться к себе. Я с большим удовлетворением получила сегодня ваше письмо от 13 октября, где вы сообщаете, что получили две тетради, исписанные моими каракулями.

3 ноября.

Сегодня мы собирались поехать в «Тервюр», загородный домик, расположенный в нескольких лье от Брюсселя, однако начавшийся ночью дождь заставил нас изменить планы. Сначала мы присутствовали на мессе, потом пошли к себе. Я спокойно оставалась в отеле «Бельвю» до обеда, который состоялся у короля. Принцесса Оранская плохо себя чувствовала и не присутствовала там. Вечером я скучала на спектакле как Панург. Я принесла себя в жертву только ради госпожи Самойловой. Вечером из Парижа должен приехать господин Нарышкин. Думаю, он привезет известия от госпожи Браницкой, которой я написала вчера и переслала ваше письмо.

4 ноября.

Сегодня в девять часов мы отправились за город только для того, чтобы посетить Ватерлоо. Как вы понимаете, мне не хотелось упускать такой случай, поэтому я отложила в сторону все слабительные. Шел дождь. Было очень мокро. Но когда мы приехали на поле сражения, нам пришлось выйти из кареты. Рискуя промокнуть до нитки, мы осмотрели с как можно близкого расстояния позиции, с которых перешли в наступление войска союзников. Принц Оранский, сопровождавший нас, давал необходимые пояснения. В центре поля возвышается монумент, возведенный англичанами в память своих соотечественников, погибших в тот день. Недалеко от него возводится другой памятник, но мне так и не смогли сказать, в честь кого. Англичане срубили и увезли в Англию дерево, под которым стоял герцог Веллингтон и отдавал приказы. Перед тем как приехать на поле сражения мы по настоянию принца Оранского остановились

в деревне Ватерлоо, чтобы осмотреть дом, куда его перевезли после того, как он был ранен. Хозяйка дома, госпожа *Ванденгуни*, встречала нас с бутылкой вина, чтобы мы смогли выпить за здоровье принца, и угостила нас пирогами собственного приготовления. Императрица подарила ей 500 франков. В город мы вернулись в четыре часа. Обедала я у Долгоруких, а вечером мы были на спектакле у принца Оранского. Давали «Влюбленного Шекспира» и «Говорящую картину». Затем состоялся ужин. Сегодня из Ахена приехал весь цвет общества: Трубецкой с супругой, Уваров, Чаплицъ[19], Брозин и много англичан. Принцы Пруссии приехали, когда мы ужинали. Император приезжает завтра. К нему был послан гонец, чтобы узнать, согласится ли он присутствовать на обеде у короля? Господин Нарышкин приехал из Парижа. Там он встречался с вашей сестрой. Она пребывает в добром здравии, равно как и все ее дочери.

5 ноября.

Император приехал к обеду, около четырех часов. Утром я видела Чернышева, Меншикова и Ожаровского. Они пришли навестить меня. Вы без труда моете себе представить, как я обрадовалась им. Адам поедет жениться, когда император отправится в Вену. А пока он будет находиться здесь до тех пор, пока не уедет весь генеральный штаб. Когда мы сидели за столом у княгини Долгорукой, прибыли дворцовые форейторы и привезли приглашение на обед у короля. Было слишком поздно переодеваться. Я написала графине Ливен, что это невозможно, и отправив записку, сразу успокоилась. Я вышла, чтобы сделать покупки и нанести визит княгине Трубецкой. Вечером я написала в Москву письмо и отправилась к Долгоруким, куда пришли многие наши господа. Мы приятно беседовали. Я не знаю, что случилось сегодня с господином N-ne, но полагаю, он не упускал возможности всюду вертеться, чтобы поймать то слово, то взгляд императора. Прости меня Господи, но этот человек — полнейшее ничтожество. Несомненно одно: все рекомендации императрицы не сослужат ему доброй службы. Мне представляется, что его действия в отношении первого лица не достигают цели, или я сильно ошибаюсь. Кстати, знаете и вы, кто сейчас здесь находится? Господин Колинкур. Великий князь Михаил видел, как он утром прогуливался в парке вместе с супругой, которая очень болезненная особа. Долгорукие встречали ее в Спа. Она очень мучилась печенью. Мне так ее жалко, постольку по себе знаю, что это такое. Впрочем, мой новый лекарь, господин Монтен, которого явно сюда выслали, дает мне микстуру. Она помогает мне лучше, чем микстуры господина Рулля. Если бы я

вернулась в Петербург, я бы сразу поправила свое здоровье. Но здесь в моем положении, да еще путешествуя, это невозможно. Я заканчиваю шестую тетрадь, которую собираюсь передать князю Меншикову. Он берется доставить ее вам в целости и сохранности. Хочу надеяться, что предыдущие посылки вы получали исправно. Признаюсь вам, что ваше длительное молчание по этому поводу начало было меня приводить в отчаяние. Но сейчас я готова продолжать. Прощайте, госпожа графиня. Будьте здоровы и вспоминайте иногда обо мне вместе с вашими домашними. Я рада, что Жюли выздоровела после краснухи. Всегда хорошо избавляться от болезней. Господин Вилламов, приехавший вчера из Парижа, сказал мне, что Владислав задержится там на два дня и что болезнь его была совсем неопасной.

6 ноября.

Сегодня мы отмечали именины королевы на званном обеде, устроенном у принца Оранского. Все были в торжественных нарядах, а император был чрезвычайно весел и любезен. Дамы, которые не знают его, восхищались им. Когда он велел представить его госпоже Вандербург, я думаю, у нее закружилась голова. Она сочла это таким проявлением вежливости, что никак не могла придти в себя. На обед пригласили всех русских. Во время обеда исполнялись очаровательные куплеты, которых я непременно попрошу записать для меня. Вечером состоялся бал в городской ратуше. Помещение очень красиво, зала хорошо освещена, но вместо паркета — простой деревянный пол, который успел стать грязным еще до приезда двора. Танцевали множество полонезов, чтобы дать возможность императору провести сначала всех принцесс, затем придворных дам и всех остальных. В одиннадцать часов начался ужин. Император не присутствовал на нем, как обычно. Я осталась очень недовольна ужином, продлившимся более часа. Пришлось снова возвращаться в гостиную. Таким образом, разошлись мы только в два часа. Я очень устала. Прощайте.

7 ноября.

С тех пор, как я приехала сюда, мне очень хочется посетить генеральные штаты. Господин Гердт обещал свозить меня туда, но до сих пор такой возможности так и не выпало. Наконец, я собралась с духом и обратилась к императрице с просьбой позволить мне нанести визит в генеральные штаты. Подобная идея показалась ей столь заманчивой, что сама изъявила желание отправиться вместе со мной, но сначала она всё-таки решила

поговорить с императором. Я не знаю, как Ее Величество изложила просьбу, но в полдень императрица уведомила меня, что едет в генеральные штаты и что я могу немедленно отправляться туда же. Императрица вместе с императором, принц и принцесса Оранские и принцы Пруссии поднялись на трибуну. Мы же и некоторые из наших господ взошли на министерскую трибуну. Не могу вам описать удовольствие, которое я испытала сразу же, великолепный зал, освещенный сверху, расположенные амфитеатром скамьи, где не было ни одного свободного места. Один только президент сидел за бюро. Далее располагались столы для секретарей, каждый из которых записывал высказывания говорящего; одним словом, нечто важное. Сегодня обсуждался проект создания вспомогательных войск. Его рассматривали с самых разных точек зрения. Все речи произносились по-французски, лишь один представитель говорил на голландском языке. Впрочем, «говорил» надо заменить на «читал», поскольку ни один выступающий не импровизировал. Все речи были написаны на бумаге и их просто зачитывали. После обсуждения, которое продолжилось после нашего ухода, закон был принят в том виде, в каком его хотел принять король. Вчера приехал герцог Веллингтон. Император произвел его в фельдмаршалы русской армии и дал ему полк. На обед к принцу Оранскому он пришел в русском мундире, вечером на бал — в английском, в то время как утром во время посещения генеральных штатов он был одет в обыкновенный фрак. Леди Шарлотта Гревелл, которая, как утверждают, состоит с ним в связи, опиралась на его руку. Эта дама, наверно, была очаровательной 20 лет тому назад. Сейчас ее можно назвать симпатичной, ее дочь, девица 15–16 лет, просто прелесть. Выйдя из генеральных штатов, мы посетили два богоугодных заведения. Одно из них называется «*Пачеко*», по имени испанца, основавшего его; второе носит привычное название *Монастырь бегинок*. Затем мы вернулись к себе. Обед происходил в тесном кругу. Вечером мы отправились на спектакль в Большой театр. Давали «Друга Клермона» и «Нового сеньора». Двор не остался на последнюю пьесу, но я досмотрела спектакль до конца. Из Парижа приехал великий князь Константин. Кажется, я уже говорила, что король Пруссии, по-прежнему страдающий от ревматизма, уехал в Берлин и не присутствовал на торжествах у королевы.

8 ноября.

Сегодня день святого Михаила, а следовательно именины Его Высочества великого князя. Мы присутствовали на обычной мессе. Высшие сановники были во фраках, а мы, остальные, — в

утренних платьях. Выйдя из церкви я пошла к себе пешком в сопровождении госпожи Самойловой и великого князя Константина. Погода стояла до того хорошая, что я смогла совершить эту прогулку в перкалевом платье и обыкновенной накидке. Возможно, сейчас у вас уже выпало достаточно снега, чтобы ездить на санях, но я вам не завидую, поскольку здесь продолжается чудесная осень. Обедали мы у короля, а затем состоялся небольшой концерт. Я услышала, как поет Каталани. Эта певица пользуется такой широкой славой, что мне нечего добавить. Тем не менее, она меня удивила. Некоторые заверяют, что она была не в голосе, другие говорят, что на них она произвела такое же впечатление, как и на меня. Госпожа Ливен, супруга посла, утверждают, что теперь она поет не так, как раньше. Но точно одно: она преображается, когда начинает петь. Я с большим сожалением распрощалась с брюссельским обществом. Мой отъезд опечалил этих любезных дам: учтивую Вандербург, вежливую графиню Утремон и очаровательную герцогиню Урсель. Вероятно, я их никогда не увижу, ведь по всей вероятности я больше не приеду в этот город. Королева отнеслась к нам с такой добротой, с такой нежностью, что у меня на глаза навернулись слезы, когда я обнимала ее. Вернувшись к себе, я провела остаток вечера в ужасных хлопотах: я паковала вещи. Сейчас уже очень поздно, но я не хочу ложиться, не рассказав вам о проведенном дне. Завтра мы уезжаем рано, равно как и император. Он торопится в Ахен, куда должна приехать императрица после его отъезда. В Ахене она дает обед в честь ожидающего ее там дипломатического корпуса. О, Боже мой! Завтра мы снова должна ехать! Как быстро закончилось наше пребывание в Брюсселе! Я буду жалеть об этом еще больше, когда мы окажемся в этой несносной Германии. Однако не думаю, что буду часто вспоминать о Брюсселе в нашем дорогом Петербурге, которому я всегда отдаю предпочтение, несмотря на 25-градусные морозы.

Льеж, 9 ноября.

Мы покинули Брюссель между девятью и десятью часами. Утром я видела короля, королеву, принца Фридриха и принцев Пруссии. Великие князья Константин и Михаил будут сопровождать нас до Франкфурта, где мы вновь встретимся с королем и королевой Вюртенберга. Принц и принцесса Оранские не станут нас провожать дальше. Весь день я провела в карете наедине с графиней Самойловой. Разговор наш не был оживленным. Мы приехали в Льеж в восемь часов. Во время ужина я попросила разрешения удалиться, чтобы написать

несколько писем и немного почитать. Этим утром я распрощалась с добрейшими Долгорукими, которые отправляются в Париж. Трубецкие также едут туда через несколько дней. Кстати, великий князь Константин отрицает, что Владислав Браницкий болел краснухой. Он утверждает, что у того была обыкновенная лихорадка. Тем лучше.

Кёльн, 10 ноября.

Утром мы вновь прощались: нас покинули принц и принцесса Оранские. Слезы, всегда сопровождающие эти милые сцены, не располагают к веселью, и первые минуты проходя в молчании. Вот и мы молча сели в карету. Местность, простирающаяся от Льежа до Ахена, весьма приятная. Изменчивый пейзаж, разбросанные повсюду сельские домики, фруктовые деревья, окаймляющие дорогу, всё это производило очень милое впечатление. Я удивилась, как изменилась природа за время нашего пребывания в Брюсселе: все деревья сбросили листья. Тем не менее, на равнинах еще встречаются дикорастущие цветы. Мы полагали, что приедем в Ахен поздно. Однако поскольку еще не было часа, когда мы вышли из кареты, господин Алопеус предложил императрице осмотреть собор, прежде чем отправиться на обед. Хотя эта церковь и очень древняя, она на первый взгляд не кажется столь импозантной, как соборы Нюрнберга, Вормса и других городов, которые мы посещали. Она гораздо меньше, а ее архитектура не вызывает чувства удивления, которое мы испытывали при виде других соборов. Однако в ней находятся интереснейшие предметы. Выйдя из собора, мы поехали к некому *Лоуренсу*, художнику, который показал нам портреты главных участников Ахенского конгресса. Портрет императора Всея Руси поражает удивительным сходством и гораздо лучше написан, чем портрет кисти Жерара; он предназначен в подарок принцу-регенту. Портреты короля Пруссии и императора Франциска также обладают сходством. Портрет герцога Веллингтона очень хорош. Позвольте мне упомянуть среди этих прославленных особ имя моего друга Нессельроде; его портрет очарователен. Этот художник — англичанин. Он приехал по велению принца-регента и вернется на родину, как только закончит портреты; всех их он возьмет с собой. Императрица, конечно же, заказала ему копию с портрета императора. Вернувшись домой, мы обнаружили там только графа Михаила Воронцова и русских молодых людей из миссии, таких как Долгорукий, Крюденер, младший Иван Воронцов, некий генерал Алексеев, задержавшийся в Мобёже и теперь возвращающийся вместе с войсками, и затем Нессельроде,

получивший сегодня утром орден святого Владимира первой степени и орден Черного орла, награду Пруссии. Господин Алопеус обедал вместе с нами. Мне до смерти хотелось поскорее выйти из-за стола, поскольку объявили о приезде самых значительных особ. Действительно, сегодня я увидела лиц, которых, возможно, больше никогда не увижу: *князя Меттерниха, канцлера Харденберга,* господина *Бернсдорфа,* нашего дорогого и добрейшего *герцога де Ришелье*. Что касается герцога Веллингтона и лорда Кастелрига, то они получили известие о кончине королевы Англии и, вынужденные соблюдать приличия, не могут появляться в обществе. Поэтому герцог прислал императрице весьма любезную записку. Я вновь с необыкновенной радостью встретилась с господином де Ришелье. Я сочла его помолодевшим и похорошевшим, хотя он находится в довольно трудном положении. Князь Меттерних держится с большим достоинством. Это настоящий сеньор, даже если он никогда и не был им формально. Пруссаки не производят никакого впечатления. Я испугалась, увидев Капо д'Истриа. Тяготы Ахена чуть не убили его. От благотворного влияния, которое оказали на него воды Карлсбада, не осталось и следа. Он похож на приведение. Вот почему он едет на Корфу, а не в Петербург. Господин Лебцелтерн, узнав о моем приезде, поспешил встретиться со мной. А поскольку я непременно хотела, чтобы он увидел также императрицу, я настояла, чтобы он надел мундир для представления. Это прекрасное блестящее общество задержало нас в Ахене до половины шестого. В Кёльн мы приехали довольно поздно. Все отправились ужинать, а я удалилась к себе, чтобы дать вам точный отчет о прошедшем дне. Наш император покинул Ахен за полчаса до нашего приезда.

Кобленц, 11 ноября.

Возможно, вы помните, что колика помешала Ее Величеству осмотреть собор Кёльна в наш первый приезд. Сегодня она захотела загладить свою вину и поэтому отправилась в путь в восемь часов утра. Великие князья такое же горячее желание поклониться костям трех королей, как я искупаться в Мозеле. Тем не менее им пришлось сопровождать свою дорогую мамочку и волей-неволей они присоединились к нам.

Профессор Фолькрафт, большой знаток искусства, живущий в Кёльне, предложил императрице посетить старинный дом, где родился *Рубенс* и посмотреть там на картину этого прославленного живописца, а также на картину Лебрена. Затем он провел нас в зал, где висели картины художников немецкой школы, некогда принадлежавшие профессору и подаренные им

городу, за что город в знак благодарности назначил ему пенсию в 400 франков. Он тратит эти деньги на новые приобретения и недавно купил прекрасные итальянские мраморные скульптуры. Господин Фолькрафт владеет также коллекцией портретов, выполненных в стиле Рембрандта. Ими тоже очень приятно любоваться. Вернулись мы в десять часов и, перекинувшись несколькими фразами с пруссаками, каноником собора и профессором, сели в карету и почти моментально добрались сюда.

Мы вновь увидели берега Рейна, утесы и развалины замков. Но всё выглядело совершенно по-иному! Почти никакой зелени, голые деревья и нечто грустное, пронизывающее всю природу. Нет, горы не кажутся привлекательными, когда они лишены зелени. Они становятся выжженными и приобретают мрачный оттенок, придающий им суровый вид. Я страшно устала, просидев целый день в карете. Ноги мои совсем затекли. А императрица не перестает вызывать мое удивление: ничто ее не утомляет и не тяготит. У нее уникальное здоровье, которое совсем не встретишь у моих современниц. Я уверена, что в ее возрасте я не смогу двигаться, а уж совершить подобное путешествие мне и в голову не придет.

Майнц, 12 ноября.

Я тешила себя надеждой, что сегодня мы не станем ничего осматривать в Кобленце, поскольку видели всё, что обычно показывают иностранцам. Однако императрице, ненасытной на прогулки подобного рода, вздумалось посетить одну церковь, не представляющую собой, по правде говоря, ничего интересного. Нам показали картину, приписываемую Кальфу, памятник курфюрсту и памятник принцессе, основательнице этой церкви. По дороге домой граф Хааке, сопровождавший нас, попросил остановиться перед *колонной*, которую в былые времена воздвигли французы в честь своих побед над пруссаками. Там сделана помпезная надпись для увековечивания памяти. Но самое пикантное заключается в том, что внизу этой надписи выбита другая: *видено и одобрено нами. N.N… прусский комендант города Кобленц*. Эта идея оказалась столь удачной, что колонну сохраняют в первозданном виде. Мы все с удовольствием осмотрели ее. Вскоре мы отправились в путь. Целый день мы провели в карете, иногда беседовали о красотах Рейна, порой дремали или молчали. В Майнц мы приехали почти два часа назад и только что закончили обедать. Герцогиня Нассау-Узингенская пришла засвидетельствовать свое почтение императрице, а вслед за ней несколько австрийских генералов,

два прусских генерала и вновь принц Виттгенштейн, церемонмейстер Гессенского двора. Завтра мы завтракаем у герцога Нассау, а затем едем во Франкфурт, где встретимся с королем и королевой Вюртенберга.

Франкфурт, 18 ноября.

Я начинаю думать, что императрица дала обет дважды посещать каждый собор, который встречается у нее на пути. Ведь я вам уже рассказывала о соборе Майнца? Так вот, сегодня она вновь захотела его увидеть и епископ конкордата вновь повел нас осматривать памятники, которые я уже упоминала. К счастью, на сей раз она не стала взбираться в цитадель и, выйдя из церкви, мы сразу же продолжили наше путешествие. Герцог Нассау ждал нас в *Бибирахе*. У дверей нас встречал весь двор в парадных туалетах. Герцогиня — весьма очаровательная особа. Она принадлежит к дому Хильбургхаузен и приходится сестрой наследной принцессе Баварии. С ним была также его мать, вернувшаяся из Вены, куда она ездила проведать дочь, эрцгерцогиню Карл. Герцог очень хорошо сложен, на вид ему 25–26 лет. Императрица находит, что он похож на нашего императора. Я тоже склонна так полагать. Он вел себя очень храбро на войне и в день Ватерлоо получил крест. Его владения великолепны. Местность, пролегающая от Майнца до Франкфурта, славится земледелием и растительностью Ему принадлежит также часть *Рейнгау*. Все минеральные источники также входят в состав его земель: *Эмс, Висбаден, Зельтер* и многие другие, названия которых я забыла. Одним словом, это сеньор, живущий в большом довольстве. Недавно он дал своим подданным конституцию, за что его безмерно восхваляют. Посмотрим, будет ли подобное положение вещей и дальше содействовать его процветанию. Он живет в Биберахе ровно столько, сколько позволяет погода, а остальную часть года проводит в *Вайльбурге*. Недавно я узнала, что он просил себе в жену княгиню Анну, но поскольку это происходило при Наполеоне, а его отец находился в почти вассальной зависимости, то пришлось уклониться от обсуждения сделанного предложения. Вот что рассказала мне *Mutterchen* и что сегодня подтвердила императрица. Нам устроили прекрасный сытный завтрак, а затем повезли на прогулку в открытой карете, чтобы мы смогли насладиться очаровательными видами. Рейн протекает напротив замка. Спустившись на несколько ступенек, оказываешься на берегу реки, вдоль которой проложена восхитительная липовая аллея. Летом, наверно, нет обители краше. Но и сегодня, несмотря на почти полное отсутствие листвы, прогулка просто

очаровала меня. Из Бибераха мы поехали в *Висбаден*. Императрица захотела осмотреть купальни и своего рода сад, расположенный неподалеку. Оттуда мы приехали во Франкфурт, куда Гессен-Дармштадский двор прислал настоящую свиту: придворную даму, двух фрейлин, обно-церемонимейстера, церемонимейстера и камергеров. Нас разместили в замке великого герцога. Всё это будет нам стоить денег и бриллиантов. Я уверена, что эти придворные не вернутся отсюда с пустыми рукам: бесспорно, на шее у них обязательно будет висеть какое-нибудь украшение. Сегодня я познакомилась с графом Георгием Головкиным, которого до сих пор никогда не видела. Это очень любезный человек. Я также была рада вновь встретиться с Ансет. Король и королева Вюртенберга приехали позавчера. Сначала они встречали императора, затем императрицу. Они останутся здесь до завтра, а затем мы расстанемся. Великий князь Константин возвращается в Варшаву. Великий князь Михаил едет в Лозанну, чтобы встретиться с господином Лагарпом, который повезет его в Италию. А мы отправляемся в Веймар.

14 ноября.

Как я вам писала вчера, я была очень удивлена, когда ко мне вошел герцог Вильгельм, брат императрицы. Он специально приехал, чтобы встретиться с ней. Во время нашего пребывания в Штутгарте он проникся ко мне чувством глубокой привязанности и поэтому непременно хотел встретиться со мной. Мы беседовали до полуночи. Приехал также герцог Август Ольденбургский. Сегодня утром граф Головкин повел меня по магазинам, но я не могла задерживаться, поскольку в одиннадцать часов мы должны были ехать осматривать достопримечательности. Вернувшись, мы узнали, что приехала великая герцогиня Гессен-Дармштадская. Императрица захотела немедленно встретиться с герцогиней и приказала ехать к ней. В молодости герцогиня, наверно, была очень красивой. Говорят, что она наделена большим умом. Ее сопровождал сын, принц Эмиль. Этот молодой человек храбро нес военную службу. О нем отзываются весьма благожелательно. В три часа состоялась церемония представления для супруг членов дипломатического корпуса. Я нашла, что госпожа Гольц такая же бойкая, как и прежде. У нее хорошенькая дочь. Она вышла замуж за графа Мальцана, атташе прусской миссии. Я встретилась также с графиней Ириной Воронцовой, которая расспрашивала меня о вас, и с госпожой Штейн, а также с другими особами. Затем состоялось представления супругов этих дам и всех остальных мужчин. Состоялся званный обед, на котором присутствовала великая герцогиня Гессен-Дармштадская. После обеда приехали

еще полдюжины принцесс, вдова принца Ангальтского, ранее жившая в России, принцесса Гессен-Гомбургская, мать принца Филиппа, его сестра, принцесса Зальмская, но всех и не перечислишь. Всё это общество осталось до позднего вечера. Около девяти часов императрица ушла к королеве Вюртенбергской в сопровождении своих сыновей. Его Высочеству Михаилу до того не хочется уезжать, что он, как говорят, полностью потерял аппетит. Он с ужасом говорит об Италии, что меня раздражает и огорчает одновременно. Император должен сегодня приехать в Карлсруэ. Представляю, с какой благодарностью ему окажут прием маркграфиня и вся ее семья, ведь он спас Баден, воспротивившись намерениям Баварии. Дражайший князь Меттерних уже всё подготовил для разорения этой страны. Но император отверг его планы и великое герцогство осталось нетронутым. Несчастный великий герцог тяжело болен. Он лишился памяти. Недавно герцогу Людвигу, его дяде, предложили стать регентом. Должно быть, императрица Елизавета не испытывает радости в семейном кругу, ведь на нее свалилось столько неприятностей.

Марбург, 15 ноября.

Хоть и говорили, что мы уедем из Франкфурта очень рано, выехали мы только в десять часов. Великие князья покинули нас. Его Высочество Михаил отправился в Карлсруэ, чтобы засвидетельствовать свое почтение императрице Елизавете. Затем он должен ехать в Штутгарт. Его Высочество Константин не станет делать там остановку. В Варшаве он должен заняться набором рекрутов. Мы спокойно добрались до *Гисена*, где остановились на обед. Земли курфюрста Гессен-Кассельского начинаются в одном лье от этой почтовой станции. Встречала нас там депутация курфюрста. Около восьми часов мы приехали в Марбург. Профессора университета города сделали представление императрице, а затем каждый из нас удалился в свою комнату. Графиня Ливен ничего не знает о смерти своей невестки. Возможно, это печальное событие от нее будут скрывать по меньшей мере до Веймара.

Кассель, 16 ноября.

Прошел час, как мы приехали сюда. Остановились мы в меблированных комнатах. Императрица едва успела снять дорожный капот, как ее осадили 13 Их Светлостей, как мужского, как и женского пола. В комнате императрицы не было никого, кроме меня, поэтому пришлось мне вводить их одного за другим. Курфюрст производит настолько ужасное впечатление, что можно

просто испугаться, особенно если не знаешь о чудовищном нарoсте на его шее. Эта шишка достигает размеров, превосходящих воображение! Едва взглянув на него, я тут же опустила глаза, чтобы больше не видеть этого ужаса. К счастью, он повернулся ко мне спиной. Курфюрстина, толстая коротышка, сверкала бриллиантами. У наследного принца также отвратительная внешность. Говорят, что он злой и подлый. Его супруга приходится сестрой королю Пруссии и королеве Нидерландов. Она напоминает ее ростом, манерой держаться, но особенно туалетом. Вместе с ней пришли две из ее дочерей. Они довольно мило выглядят. Старшей должно быть 19–20 лет, а младшей — не больше 14. Скажу вам по секрету, что мы нанесли визит в Кассель исключительно ради этих барышень, поскольку одну из них хотят выдать замуж за Его Высочество Михаила. Мы приехали, чтобы убедиться собственными глазами, подходят ли они нам. Но поскольку это секрет, не говорите больше никому. Остальные принцы были ландграфами, их супругами и дочерьми. Один из них приходится отцом герцогине Кембриджской. Только Богу известно, кому приходятся отцами и матерями все прочие! Императрица, уделив пришедшим полчаса, выпроводила их, а затем стала переодеваться, чтобы нанести им ответный визит в соответствие с правилами этикета. Поскольку мой экипаж отправился прямо в Веймар, у меня не было платья со шлейфом. Поэтому я не могла сопровождать императрицу. Вместо меня это сделала Софи. Утром, прежде чем покинуть Марбург, мы посетили очень красивую церковь, построенную в XIII веке святой Елизаветой Венгерской, о которой я вам неоднократно рассказывала. Нам показали ее могилу, хотя доподлинно неизвестно, похоронена ли она там. Некоторые уверены, что тело ее покоится здесь, а голова — в Бреслау; другие утверждают, что она не похоронена ни в одном из этих мест и что никто не знает, где находится ее могила. Та или иначе, но вера в то, что ее могила находится в Марбурге, привлекала в Марбург в былые времена множество паломников, которые из благоговения выскоблили камни, служившие ступенями, которые вели в часовню, где показывают могилу святой. Церковь Марбурга разделена аркой на две части: в одной проходит служба по католическому обряду, в другой — по лютеранскому. В католической части установлены памятники многим командорам тевтонского ордена, в том числе и графу де Лалиппу.

17 ноября.

В десять часов мы отправились к курфюрстине, чтобы вместе с ней осматривать Музеум. Императрица сочла уместным зайти к

ней и наша прогулка началась на полчаса позже. Тем временем я познакомилась с обеими барышнями. Старшая весьма миловидна, однако у нее светло-русые волосы и поэтому я подумала, что она не придется по вкусу нашему юному великому князю. Младшая — совсем еще дитя, ведь ей исполнилось только 14 лет. Тем не менее, лицо ее отмечено умом. Она более живая, чем ее сестра и держится с большей грацией. Обе они очень хорошо воспитаны. Впрочем, их мать, которая несчастлива в браке, полностью посвятила себя воспитанию дочерей. Они беспрерывно занимается с ними; сама дает им уроки рисования и всегда присутствует на всех прочих уроках. Одним словом, мне представляется, что невесту для Его Высочества Михаила нужно непременно искать в этом доме.

Осмотрев самые значительные достопримечательности, мы приехали в дом, где обычно живет курфюрст. Дом этот построен в не столь ярко выраженном готическом стиле. Там собрались все Их Светлости города. Обед подали в половине третьего, а в четыре часа мы уже вышли из-за стола. Императрица сделала невероятные подарки всей семье, а принцесса-курфюрстстина рассыпалась в благодарностях. При свете дня шишка выглядела еще ужаснее. Я раньше никогда ничего подобного не наблюдала. Несомненно, если вдруг беременная женщина невзначай увидит подобное, с ней может произойти несчастье. Графиня Ливен даже вскрикнула. Она утверждает, что это Божья кара за распутное поведение в молодости. Как только мы вернулись из Видьгнльмшёхе, нам пришлось переодеваться, чтобы ехать в оперу. Но сначала мы нанесли прощальный визит курфюрстине, не присутствовавшей на обеде, поскольку она почти никогда никуда не выезжает. В театре давали «Танкреда». Если бы не музыка, которую я знаю наизусть и которая вызывает у меня интерес, я бы заснула, уверяю вас. Мне до смерти надоел этот герой Сиракуз, которого я всюду встречаю. Мы отвезли принцессу-курфюрстину к ней домой и задержались там на целый час. К себе мы приехали только в полночь, а завтра должны вставать в шесть часов и отправляться в дорогу.

Айзенах, 18 ноября.

Вчера я не сомневалась, что мы уже со всеми распрощались в Касселе, но я ошиблась. Сегодня на рассвете приехала принцесса-курфюрстина и императрица, которую хлебом не корми, дай только побеседовать, сочла необходимым отправиться в дорогу только после восьми часов. А ведь она приказала разбудить нас в шесть! Мы ехали по очень плохой дороге. Сегодня я заметила изморозь: настоящий снег еще не выпал, но ночью сильно

подморозило. Всюду видны белые полосы и, признаюсь вам, я смотрела на них с большим удовлетворением. Мы приехали в Айзенах довольно рано. Наша любезная великая княгиня Мария встречала нас на предыдущей почтовой станции. Она от всей души радовалась, вновь увидев мать. Говорят, что в Веймаре нас будут чествовать, как никогда. Увы! Я так надеялась, что поживу там спокойно и размерено. Но, вижу, что мне придется хуже, чем в Брюсселе. Император приезжает на неделе. Я полагаю даже, что мы его увидим в пятницу. Боже мой, как я хочу, чтобы это путешествие закончилось. Мне кажется, что я никогда не обрету желанную свободу оставаться в домашнем колпаке и ватном капоте. Я изнемогаю от этого праздного существования. Вновь уверяю вас, что приехав домой, я более не тронусь с места. Вы можете так и сказать всем моим знакомым. Тем хуже для тех, кто станет сердиться на меня. Сейчас начинается четвертый акт нашего путешествия. Надеюсь, что после пятого, то есть после Берлина, пьеса будет сыграна и мы возвратимся к родному очагу. А пока позвольте крепко обнять вас. Вы забыли дать мне образец индийского шелка, но поскольку я знаю, как он выглядит, скажите госпоже графине, что я куплю его ей в Лейпциге.

Веймар, 19 ноября.

Мы покинули Айзенах в десять часов. Стояла великолепная погода. Светило самое прекрасное в мире солнце. Оно пригревало так, что мы порой опускали оба стекла нашей кареты. Я ехала вместе с графиней Генкель и графиней Эглофштайн, придворными дамами нашей великой княгини. Мы навестили герцога Готского, который живет между Айзенахом и Веймаром. Накануне он приезжал, чтобы пригласить императрицу к себе на завтрак. Готский двор состоит лишь из мужа и жены. Их единственная дочь замужем за герцогом, который правит в Кобурге. Решительно, нет никого смешнее, чем герцог Готский: он косит на оба глаза и поэтому никогда не знаешь, куда он смотрит. Волосы его завиты в тысячу буклей, на щеках видны следы румян; губы накрашены помадой; пальцы обвиты кольцами. Наряд его также смешон. Никогда не встречала более неприятного человека. Одному Богу известно, пришелся ли мне больше по душе курфюрст Кассельский с отвратительной шишкой, чем этот герцог Готский, который *одержим манией строить из себя женщину*! Говорят, что он умен, образован, даже любезен. Однако голос у него столь неприятный и похож на визг, что так и хочется попросить его замолчать. Он накормил нас отвратительной едой, а затем, к счастью, мы тут же уехали. Сюда мы приехали между девятью и десятью часами. Я не была свидетельницей первых

минут радостной встречи императрицы со своими внуками из Веймара и Мекленбурга. Говорят, они были очень трогательными. Когда нас сочли нужным ввести в кабинет, где собралась вся семья, я была поражена и очарована только лицом правящей великой герцогини. Можно сказать, что именно так и должна выглядеть великосветская благородная дама. Ее наряд весьма отличается от нарядов императрицы: она одета просто и скромно, как и подобает дамам ее возраста и положения. Она немногословна, но всегда говорит к месту. Великий герцог похож на сапожника. Дочери великой княгини Марии просто очаровательны: старшая хороша собой, вторая очень мило ест; у нее пока еще смазливое личико, однако я нахожу, что она похожа на королеву Вюртенбергскую, по меньшей мере, она такая же живая. Во время ужина я сидела рядом с принцессой Марией Мекленбургской… Это высокая девица, белокурая, полная, со светлыми глазами, невыразительным лицом. Она совсем лишена изящества и не умеет как следует держаться. Тем не менее, она кажется доброй и простой в обращении, а также в разговоре. Молодого человека безмерно хвалят. Выглядит он как настоящий немец. Вот и все мои наблюдения, сделанные за вечер. Я очень довольна тем, как меня поселили. У меня две комнаты, выходящие окнами на восток. Это всё, что мне нужно.

20 ноября.

Необычайно утомительное начало! Только утром у меня выдалось несколько свободных минут. Я воспользовалась ими, чтобы нанести визит придворным дамам правящей великой герцогини, а затем встретиться с госпожой Эделинг (в девичестве Штурца). Вернувшись к себе в полдень, я обнаружила бюллетень, где было указано, что в два часа я должна сопровождать императрицу во время ее официального визита к правящей великой герцогине. На четыре часа был назначен званный обед: на шесть — церемония представления и беседа, а на восемь — концерт. Я была вынуждена облачиться в парадный туалет для того, чтобы отправиться ко двору. Обед доставил мне удовольствие: я сидела между госпожой Эделинг и княгиней Мещерской и поэтому мы могли спокойно беседовать. Я не хотела возвращаться к себе всего лишь на часок. Я предпочла посетить графиню Ливен, куда приехали дочери великой княгини Марии. Уверяю вас, мне было так приятно их видеть. Старшая поддерживает беседу, как взрослая. Она прекрасно говорит о куклах, об игрушках, и так умно и рассудительно, что просто поражаешься. Августа болтает как сорока, но она совсем не утомляет. Так и хочется, чтобы она никогда не замолкала.

Госпожа Ливен подарила им шкатулки для рукоделия. Они были вне себя от радости. Младшая открыла свою шкатулку по меньшей мере раз двадцать за пять минут. Они очень хорошо воспитаны, совсем не избалованы. Их старшая гувернантка показалась мне разумной особой. Помимо этой дамы их воспитанием занимаются две младшие гувернантки, приехавшие из Швейцарии, которые производят весьма приятное впечатление. На концерте я невероятно скучала. Поскольку здесь не принято принуждать себя высиживать до конца, я смогла покинуть зал, чтобы пройти в другую комнату и побеседовать там. А в это время там составляли партии для игры в кары. Одна партия была составлена для игры императрицы, другая — для игры старой великой герцогини, третья — для игры великой княгини Марии. Здесь происходит то же самое, что и в Дрездене: как только великий герцог и его супруга садятся за карточный стол, все присутствующие один за другим делают реверанс перед августейшими особами. Когда я увидела, что они с самым серьезным видом направляются к императрице, я чуть не упала со смеху. Тем не менее, чтобы не выделяться, я поклонилась старой великой герцогине, но у меня не хватило смелости присесть в реверансе перед императрицей. Я чувствовала, что не смогу удержаться, чтобы не рассмеяться ей в лицо. Однако я увидела, что этот жест вежливости пришелся ей по вкусу. Вполне возможно, что ей взбредет в голову ввести его в Павловске. Будет весьма забавно, если я увижу, как вы вскакиваете с кресла, чтобы поклониться ей! Да, немцы способны придумать только безумства. Концерт и игра в карты закончились после десяти часов. Двор удалился, чтобы поужинать в тесном кругу. А я помчалась к себе, чтобы быстро написать вам письмо и лечь спать.

21 ноября.

В одиннадцать часов мы были в церкви. Выйдя оттуда, мы сразу же направились в «Бельведер», загородную резиденцию великого герцога, которая находится в полулье от города. Место показалось мне очаровательным. В дом мы не входили, но та часть сада, леса и парка, которую мы пересекали, настолько частая, настолько ухоженная, что любо-дорого смотреть. Я полагаю, что уже говорила вам о том общем, что свойственно, как я заметила, для всех садов Германии. Их не чистят, как у нас в России, там не метут, не посыпают дорожки песком. Природа сама делает то, что нам дается с невероятным трудом. Кажется, что нужно приложить всего лишь несколько усилий и всё устроится самым приятным образом. Ни один хозяин здесь не

стремится обустроить свои владения. Герцог Нассау, например, владеет прекраснейшими сит недалеко от Рейнгау, но совсем не умеет извлекать из них выгоду. Великий герцог Веймара, возможно, единственный, кто понимает в садовых красотах. Возможно, у него не столь много редких растений, как у графа Разумовского в Москве, но за ними ухаживают с такой же заботой и, скажу даже, с таким же кокетством. Зелень восхищает своей свежестью. У императрицы просто глаза разбежались. Она устала переводить их с одного растения на другое. Сегодня прозвучали все известные латинские названия. Великий герцог, обожающий ботанику, как и наша покровительница, никак не мог закончить со своими «Эриками» и «Камелиями». «Ахи» сменяли «охи». Завтракали мы в его кабинете, примыкающем к оранжерее. Великая княгиня Мария устроила званный обед. Вечером мы посетили спектакль. Сначала играли музыкальный пролог, чтобы выразить радость по поводу пребывания императрицы в Веймаре, затем показывали трагедию Магомета. Я считаю, что одно совершенно не сочетается с другим. Театральный зал безобразен и плохо освещен. Однако костюмы не так уж плохи. Управляет театром здесь мой старый знакомый барон Фицтхум. Кстати об управлении. Чем ближе мы подъезжаем к Петербургу, тем больше мрачнеет господин Нарышкин. Он вовсе не хочет возвращаться, поскольку не может не понимать, что, вернувшись, он опять превратиться в ничтожество. Разве он не рассказывал на днях госпоже Ливен, что Тюфякин каждый день напивается. Когда та спросила у меня, правда ли это, я ответила, что никогда не видела его в таком виде. Судите сами, насколько плохо распускать сплетни в своих интересах.

22 ноября.

Сегодня утром я совершила чудесную пешеходную прогулку вместе с госпожой Эделинг. Мы гуляли в парке, который в буквальном смысле находится у меня под рукой. Он чудесно расположен и там поддерживается удивительная чистота. Было четыре — пять градусов ниже нуля, что делало воздух таким свежим, как мне нравится. Снег еще не выпал, и мы могли идти, не встречая никаких преград. Правящая семья устроила обед. Там присутствовал только двор, не было никого из посторонних. Я там увидела еще одного Его Светлость: юного принца Сакс-Мейнингенского, который учится недалеко отсюда, в Йенском университете. Он приятно выглядит и немного похож на Карла XII в том виде, в каком того изображают на портретах. Говорят, что он очень прилежный и воспитанный молодой человек. После обеда старая великая герцогиня пригласила меня к себе на чашку

чая. Отказать ей я не решилась. Я отправилась туда вместе с графиней Ливен. Там мне предложили сыграть партию в вист с тремя кавалерами, однако я предпочла вести беседу. Около девяти часов все принцы откланялись, чтобы провести остаток вечера у императрицы, и я осталась одна вместе с великой герцогиней и госпожой Генкель. Мы вели приятную беседу о временах прошедших и настоящих. Старая великая герцогиня полностью завоевала мое сердце. Она хорошо выглядит, как и положено великосветской даме, достигшей определенного возраста. К обеду сюда приехал князь Меншиков. Он сказал, что император прибудет в полночь. Как я и предвидела, он не захотел присутствовать на церемонии официальной встречи.

23 ноября.

Этим утром я выходила на прогулку, поскольку должна была нанести визит госпоже Фицтхум. Я прошла почти через весь Веймар. По правде говоря, город состоит из единственной улицы с прилегающими к ней проулками. После того как я вернулась домой, меня навестил император. Ему не терпится попасть в Петербург. Он рассчитывает туда попасть 29 декабря, а мы — по-прежнему 31, когда у господина Нарышкина иссякнут слезы. Я считаю несчастным того, кто не хочет возвращаться к себе домой! У правящего великого герцога состоялся обед, на котором присутствовали два новых гостя: принц Леопольд Кобургский, супруг покойной принцессы Шарлотты Английской, и принц Реус очередной, не знаю о нем ничего. Все в один голос утверждают, что принц Леопольд очень изменился. Несомненно, его лицо еще отмечено печатью грусти. Принц Реус — вылитый генерал Дибич и лицом, и манерами. Во второй половине дня я была у маленьких принцесс, а вечером — на спектакле, где смотрела «Танкереда», который вскоре станет на меня производить такое же впечатление, как *Мельникъ*[20], русская опера незапамятных времен. Император на спектакль не приехал.

24 ноября.

Сегодня у вас именины, госпожа графиня. Я пью за ваше здоровье и желаю вам счастья, какое только может быть на этом свете, а себе желаю продолжения вашей дружбы. Не будете ли так любезны сказать Екатерине Рибопьер, что я ее не забыла, а госпоже Самойловой, что ее дочь и я вдвоем пели ей хвалу. В одиннадцать часов мы присутствовали на мессе, куда пришли в утренних платьях. Император и все принцы были в повседневных мундирах. В три часа состоялся званный обед, а вечером — большой бал, который только что закончился. Во время бала

приехали родственники, которых мы видели в Нюрнберге — принц Гильбургхаузен с супругой.

25 ноября.

В течение всего дня я плохо себя чувствовала и не смогла пройтись пешком, несмотря на хорошую погоду. Я поднялась к госпоже Эделинг, чтобы представить госпожу Самойлову, которая еще не нанесла ей визит. Обедали мы у великой княгини Марии. В ее комнате было так жарко, что я чуть не лишилась чувств. Чтобы избежать неприятности, я была вынуждена украдкой выйти из-за стола. Поскольку император завтра уезжает, двор собрался в семейном кругу. Я ушла к себе отдыхать. Около девяти часов я почувствовала себя лучше и снова поднялась к госпоже Эделинг, где осталась до одиннадцати. Вот уже три дня, как меня преследует господин Лайзер, которого вы, несомненно, помните. Его выгнали со службы за то, что он не заступил на пост в назначенное время. Он утверждает, что с ним поступили несправедливо и во всем винит князя Волконского. Я ему обещала поговорить с Волконским, а также с Меншиковым. Однако мои усилия вернуть его на службу не увенчались успехом. Господина Лайзера не хотят вновь принимать на военную службу, но если он согласится служить по гражданской части, ему готовы присвоить чин коллежского советника. Но поскольку он полковник, то требует для себя чина государственного советника. Боюсь, как бы ему совсем не отказали. Но я всё-таки попытаюсь смягчить этих господ! А пока господин Лайзер свидетельствует вам свое почтение.

26 ноября.

Император уехал сегодня утром в девять часов. Великая княгиня Мария провожала его до ближайшей почтовой станции. Брат настойчиво звал сестру приехать весной в Петербург. Но одному Богу известно, сможет ли она. Местные уверяли меня, что здесь к подобным поездкам относятся очень плохо. Что касается ее дорогого супруга, то для него нет ничего лучшего, чем находиться где угодно, только не у себя дома, где ему совершенно не нравится. Надо признаться, сейчас он глупее и неприятнее, чем когда-либо. Его страсть к танцам не ослабела. Надо видеть, какие фигуры он выделывает. Можно даже заплатить, чтобы полюбоваться им и принцессой Марией Мекленбургской. Обед состоялся у правящей семьи, а вечером нам преподнесли сюрприз, который весьма удался. Нам предложили сыграть в *шараду*. Загаданным словом было *Аполлодорус*. Сначала мы увидели, как появился *стол*, чтобы

стало понятно, что произойдет дальше. Затем вошли *Аполлон* в сопровождении *Гениев* и другие персонажи, составляющие его свиту. Вошедшие два или три раза обошли зал под звуки торжественной музыки и пение хора. Я полагаю, что тем самым они выражали свою радость от встречи с императрицей. Вторая сцена изображала греческий храм, который поддерживали четыре колоны, выполненных в дорическом стиле. В сопровождении артистов появился *Дорус*, король Пелопоннеса, придумавший этот стиль. В храме был установлен бюст *Реи*. Музы, Гении, жрицы Аполлона совершали возлияния в честь богини и зажгли священный огонь. В третьей сцене, которая должна была показать полное слово шарады, появился художник *Аполлодорус* вслед за *Контуром, Светом, Тенями* и тремя главными красками. Он остановился перед храмом и погрузился в размышления. Вдруг он увидел, как подплыла лодка, ведомая *Временем* и *Судьбой*. В лодке рядом друг с другом лежали две фигуры: одна воплощала собой *Европу*, а вторая — *Азию*. Счастливая мать *Латона*, также находившаяся там, защищала их своим присутствием. На борту лодки был прикреплен своеобразный хоругвь с изображением Северной звезды, под которой виднелась буква «А». Ниже шли начальные буквы имен всех членов императорской семьи. Аполлодорус, пораженный видением, собрал вокруг себя Контур и Краски и нарисовано то, что открылось его взору. Если бы мне не сказали, что ответом будет «Аполлодорус», я бы сама никогда не догадалась, поскольку не знала, какое слово загадано — немецкое или латинское. Боги, богини, Музы, Гении, Контур, Краски и все принадлежности художника были одеты в чудесные костюмы. Я предполагаю, что очень многие вещи в их распоряжение предоставила великая княгиня Мария. Они были слишком дорогими, чтобы их смогли купить сами актеры. Затем состоялся бал. Мы танцевали до полуночи и только что вернулись к себе.

27 ноября.

Сегодня был ничтожный день. Погода стоит отвратительная, пасмурная, сырая, наводящая грусть. Я неважно себя чувствую и волей-неволей мне пришлось прибегнуть к помощи Рулля. Воздух, пропитанный туманом, совсем не подходит мне. Я уверена, что если завтра подморозит, мне станет лучше. Я выходила, чтобы присутствовать на мессе, а затем на обеде у великой княгини Марии. Жара, стоящая в этой галерее, чуть не убила меня. Вечером, когда весь двор отправился в театр, где давали «Милосердие Тита», оперу Моцарта, я осталась с графиней Ливен. Пришли маленькие принцессы и мы беседовали с ними.

Они просто очаровательны. Но особое предпочтение я отдаю Августе. После окончания спектакля Фицхум пригласил нас к себе на чай. Мы пошли к нему вместе с госпожой Самойловой. Господин Гаников читал стихи собственного сочинения, а затем все разошлись.

28 ноября.

Сегодня стоит не такая плохая погода, как вчера. Утром я наносила визиты Их Светлостям: сначала герцогине Вюртенбергской, которая не приняла нас; затем принцессе Мекленбургской, никуда не выходившей накануне из-за сильной простуды. Когда я находилась у нее, пришла госпожа великая герцогиня. В ходе беседы я узнала, что императрица намеревается отправиться в «Бельведер». Я испугалась, что императрица потребует к себе кого-нибудь из нас и поспешила в замок. Но напрасно, поскольку императрица уехала вместе с дочерью. Таким образом, я вернулась к себе. Обедали мы у правящей семьи. Выйдя из-за стола я пошла к графине Ливен, которая здесь вновь стала играть со мной в дурака[21]. Вечером состоялся детский бал, в котором приняли участие и взрослые, как это всегда и бывает. Я играла в бостон с графиней Шулембург, фрейлиной великой герцогини, госпожой Эделинг и господином Виламовым. Составив партию госпоже Шулембург, невозможно проиграть более пяти рублей. Она просто не допускает более крупного проигрыша. Судите сами о ничтожности ставок! Ее опасения, что я предложу высокие ставки, заставил меня рассмеяться против собственной воли. Я сказала ей, что поскольку хочу играть с ней в паре, то буду вести игру так, как она привыкла. И она совершенно искренне обрадовалась. Бал продолжался до одиннадцати часов. Затем все разошлись. Ужина не было.

29 ноября.

Не могу вам описать то чувство радости, которое я испытала сегодня утром, увидев, как падает первый снег. Его выпало достаточно, чтобы покрыть крыши и даже землю. Всё это так похоже на начало зимы у нас в России. Если завтра немного подморозит, то я уверена, что почувствую себя лучше. Я присутствовала на мессе, затем отправилась в замок, чтобы увидеться с графиней Ливен. Обедали мы у правящей королевы, а вечером поехали в городскую ратушу, где давали очень милый спектакль на сюжеты картин. Нам показали десять сцен, но лучше всего были исполнены сцены на сюжет «Святого семейства» Пуссена, «Мадонны» Андре дель Сарто, «Святой Цецилии» и

«Сивиллы» Рафаэля. Впрочем, они все доставили мне удовольствие. Жаль, что подобные спектакли быстро заканчивается. Однако просто невозможно слишком долго сохранять неподвижность, чтобы создать нужное впечатление. Это невероятно тяжело.

30 ноября.

Я вернулась от господина Ганикова, который пригласил меня провести у него вечер. Там мы узнали о смерти великого герцога Баденского. Сегодня вечером прибыл вестовой и привез это известие, а также два письма из Карлсруэ: одно от императрицы Елизаветы нашей императрице, а второе — от маркграфини сестре. После невероятных мучений этот несчастный принц скончался три дня тому назад. Говорят, что последние силы у него отняла встреча с императором. Рассказывают, что он был растроган приездом Его Величества, а поскольку знал обо всех демаршах, предпринимаемых императором в отношении его земель, то непременно хотел выразить свою благодарность. Он приказал отвезти его в кресле в комнату, где был подан обед. Конечно, это потребовало от него определенных усилий. С тех пор он всё больше и больше слабел с каждым днем. Своему племяннику будет наследовать герцог Людвиг. Что теперь станет с герцогиней Стефанией? Ее все любили, а теперь жалеют. Надеюсь, это известие прервет на некоторое время наши развлечения, а завтрашний день, на который назначен бал, принесет нам спокойствие. Впрочем, нельзя ни в чем быть уверенной. Чувства государей очень отличаются от чувств простонародья. Зачастую их принимают за необходимый стоицизм, свойственный, например, Мелькизедеку… Этим утром мы посетили благотворительную школу, где обучение ведется по Ланкастерскому методу. Обедали мы у правящей семьи. Вечером всё общество отправилось в театр, чтобы посмотреть «Сафо», новое произведение немецкого остроумия, которое превозносят до небес. А я осталась с графиней Ливен. После того, как все вернулись из театра мы с госпожой Самойловой отправились к господину Ганикову.

1 декабря.

Императрица настаивала, чтобы с сегодняшнего дня все носили траур. Она даже дошла до того, что предложила никуда не выезжать. Однако великая герцогиня тоном, не допускающим возражений, сказала, что смерть племянника не может нарушить церемониал и что за исключением черных платьев более ничего не требуется. Итак, мы облачились в траур на 15 дней. В Карлсруэ

этим утром были отправлены письма с соболезнованиями. Великий герцог умер в Раштатте, где собралась вся его семья. Я полагаю, что императрица Елизавета, безусловно, уедет на днях. Я не вижу причин, чтобы она там должна задерживаться. Бал, назначенный на вечер, отменили. Состоялся званный обед для представителей сословий. Перед обедом было сделано представление всех депутатов императрице, которая особое внимание уделила крестьянам. Утром, после мессы, мы отправились в лютеранскую церковь, чтобы посмотреть на картину Лукаса Кранаха. Это портрет его друга *Мартина Лютера*. Он там изображен в образе ученика Спасителя, присутствующего при его Воскресении. Я воспользовалась свободным вечером, чтобы остаться дома. Компанию мне составил господин Лайзер. Он говорил и говорил без умолку. Однако когда у тебе нет желания говорить самому, весьма приятно слушать очень интересные вещи, а уж их-то господин Лайзер знает немало.

2 декабря.

Сегодня стоит такая чудесная погода, что я почувствовала неодолимое желание прогуляться. Однако все мои планы были нарушены. Ко мне пришел господин Шиллер, который пробыл очень долго. Затем меня посетили несколько других особ. В результате, мне пришлось стать хозяйкой салона вместо того, чтобы совершить прогулку. Обедали мы у великой княгини Марии, а затем пришлось сопровождать императрицу, решившую посетить несколько институтов. Сначала мы отправились в благотворительную школу, о которой я вам уже рассказывала. Там мы присутствовали на скучнейшем экзамене по географии, арифметике и началам истории. Учитель был настолько медлителен и придирчивый, что в конце концов я заснула. Разбудило меня пение церковных гимнов. Пробило половина девятого, когда мы ушли оттуда. Затем мы поехали в заведение некого Фалька. Большой интерес представляют причины, побудившие этого человека заняться воспитанием детей. У него было четверо детей, но они умерли один за другим в течение месяца. Жена не вынесла таких страданий, и вскоре он остался один-одинешенек. Чтобы вернуться к жизни он решил посвятить себя воспитанию обездоленных детей. Он начал с того, что вызволял из рук правосудия тех, кого нищета толкнула на воровство и разбой. Затем собрал детей, родители которых находились в тюрьме, беспризорников и круглых сирот. Он размещал их в семьях ремесленниках сроком на один год. Там детей обучали ремеслу, которое могло помочь им заработать себе на хлеб. Три раза в неделю он собирал некоторых из них у себя и

преподавал основы религии. Ежемесячно работники приносили ему свои изделия. Он выставлял их в магазине, а затем продавал. Поскольку господин Фальк полностью истратил свое состояние, ему порой не хватает денег, чтобы придти на помощь новому ребенку, и тогда он занимается сбором пожертвований. Таким образом он всегда достигает своей цели. Под его покровительством сейчас находятся около 200 детей. Говорят, что господин Фальк принадлежит в конгрегации Моравских братьев. Но должна вам честно признаться, что при всем уважении к тому, что он делает, я подметила у него некоторые черты, которые по моему мнению не должны присутствовать у обыкновенного набожного человека. Пока мы находились у господина Фалька, его воспитанники читали стихи, а затем большой хор исполнил гимны в сопровождении органа. Господин Виламов утверждает, что он различил только два слова: «Славься» и «Иегова». После концерта мы осмотрели различные изделия, а затем разъехались по домам. Хотя я падала от усталости, я была вынуждена провести остаток вечера у княгини Мещерской, которая приглашал нас к себе на протяжении нескольких дней.

3 декабря.

В девять часов мы уже пустились в большое путешествие. Этот день был посвящен посещению *Йены*. С нами поехал весь двор. Дорога заняла два часа. Сначала мы остановились около *Больницы для умалишенных*. Я не проявляла ни малейшего интереса к этой больнице и в то время как все общество отправилось туда, я осталась с госпожой Эделинг в приятной комнате, где мы и беседовали с глазу на глаз. После умалишенных мы пошли в библиотеку. Сначала нам представили всех профессоров, а их было нескончаемое множество. Среди профессоров находился господин *Гриз*, переводчик Тассо. Но поскольку он глухой как пень, я не удосужилась познакомиться с ним. Все эти визиты продолжались до четырех часов, затем мы сели обедать. Выйдя из-за стола, мы отправились переодеваться в дорожные костюмы. Между восьмью и девятью часами мы возвратились в Веймар. Как я была счастлива оказаться у себя в комнате, раздеться и спокойно посидеть в капоте. Графиня Самойлова пришла составить мне компанию. Затем пришел господин Лайзер и остался до полуночи. Он распрощался со мной и намеревается завтра пуститься в путь, чтобы догнать русскую армию. До чего же самодовольный болтун, этот полковник Лайзер.

4 декабря.

Если бы я сегодня находилась в Петербурге, то почти наверняка обедала бы у вас, поскольку мне часто приходилось справлять свои именины в вашем доме. Возможно, вы будете так любезны, что вспомните обо мне, а мое имя окажется в числе всех моих тезок, к которым будут обращены ваши мысли. Сегодня утром я получила несколько писем из Москвы, но ни одного из Петербурга. Уж и не знаю, дошли ли до вас мои тетради, как мне хотелось бы надеяться. Господин Нарышкин принес новости. Оказывается, мы уезжаем из Веймара в следующий понедельник после обеда, поскольку решили, что за два дня мы не сможем добраться до Потсдама. Великая княгиня Мария, отправляющаяся вместе с нами в Берлин, ничего не теряет от подобных перемен. А путешествовать так будет гораздо удобнее. Впрочем, король и королева Саксонские, специально приехавшие в Лейпциг встретиться с императрицей, заслуживают того, чтобы им уделили несколько часов. Итак, было решено, что первую ночь мы проведем в Нассембурге, вторую — в *Виттемберге*, а третью — в Потсдаме, куда императрицу приедет встречать король. В Берлине мы проведем три дня, и я готовлюсь к новым торжествам. За день не произошло ничего значительного. Обедали мы у великой княгини Марии, вечер почти всё общество отправилось на спектакль, а я как всегда составила партию в дурака[22]. Во время игры наша любезная графиня постоянно выражала недовольство Германией и немцами. Она их терпеть не может к большому неудовольствию одной особы, в присутствии которой графиня даже не удосуживается скрывать своих чувств. В девять часов госпожа Самойлова вернулась со спектакля. Мы отправились навестить госпожу Генкель, которая немного простудилась, и пробыли там до начала двенадцатого. И вот мы только что вернулись к себе.

5 декабря.

Я договорилась с госпожой Шулембург, что сегодня утром мы посетим магазин одного еврея. Однако императрица велела придти к ней в одиннадцать часов, чтобы затем сопровождать ее в библиотеку великого герцога. Признаюсь вам, все эти визиты порой надоедают мне до смерти. А когда я думаю, что императрица, в распоряжении которой находится весь Эрмитаж, где она может увидеть самые редкие, самые интересные, самые познавательные вещи, ходит туда только для того, чтобы прогуляться, я… Манера, с которой она рассматривает пустяковые предметы, выводит меня из себя, а ее восхищение эрудицией и знаниями немцев приводят в полнейшее отчаяние. Мы с удовольствием побеседовали на эту тему, я и графиня

Ливен… Возвращаясь к рассказу о посещении библиотеки, скажу, что там мы пробыли до начала третьего. Обедали мы у правящей семьи. Затем, как обычно, я пошла к графине, а в семь часов нас попросили пройти в залу, где была подготовлена еще одна шарада a grand spectacle. Было загадано слово *Toison d'or (Золотое руно)*. Потребовались усилия всех поэтических гениев Германии, чтобы сделать это слово понятным. В первой сцене, которая должна была означать *Toi (Тебе)*, мы увидели процессию, состоящую из *Гениев, Корифеев* и *Победы*. Они возложили дары к ногам императрицы, что означало *Toi* (Тебе). Во второй сцене появилась статуя *Мемнона*, который придал *Son* (*звучание*) солнечному лучу. Аргонавты, несущие *Toison d'or*, дали объяснение всему слову. На сцене появились все герои этой прославленной экспедиции: *Ясон, Кастор, Поллукс, Орфей* с лирой в руках, *Геракл* с палицей на плече, *Тесей* вместе со своей спутницей, одним словом, все без исключения. Костюмы были великолепными. Их предоставила в распоряжение актеров, как и в первый раз, великая княгиня Мария. Господин Гёте, сын известного писателя, объяснял происходящее и болтал, как Лафабль во время представления первой шарады. Завершил вечер бал. Он продолжается до сих пор, но я ушла к себе, чтобы принять ванну и тотчас лечь. Боже мой, дождусь ли я когда-нибудь конца всех этих изнуряющих развлечений и праздников?

6 декабря.

Я полагала, что сегодня двор отправится на мессу в честь именин великого князя Николая, однако никто и не подумал этого сделать и я пошла в церковь по собственной воле. После мессы я поехала сразу в замок, чтобы поздравить Ее Величество и присутствовать на завтраке, который она устроила для всех приближенных(?). Герцог Готский, приехавший вчера, показался мне еще более невыносимым. Бог весть, что он болтал императрице о ее красоте, милостях, добродетелях, одним словом, никак не мог закончить. Впрочем, завтрак был очень веселым, все свободно передвигались, никаких туалетов, заставленный яствами стол, всё это производило весьма приятное впечатление. В принципе, можно было обойтись без обеда, но его объявили, как всегда, в три часа. Я манкировала им, рискуя вызвать недовольство. Но это мне сошло с рук. В восемь часов состоялся большой бал-маскарад, о котором я могу вам дать лишь самое поверхностное представление, поскольку описание деталей требует таланта, а у меня его нет. Ведь это творение Гете, и я боюсь допустить неточность. Вот каким был пролог праздника. Сначала появился *Гений* в костюме *Паломника*. Он открывал

шествия и как бы благословлял дорогу. *Двое детей* с *Путевыми заметками* в руках, символизировавшие проделанный путь, следовали за *Гением*. Затем шли *три месяца: октябрь*, увенчанный виноградом и фруктами, гордился рождением августейшей принцессы, которая и была предметом восхваления; *ноябрь* в облике *охотника* радостно сопровождал путешествия в разные страны как свидетель многочисленных праздников; *декабрь* шествовал как *мать семейства*, окруженная детьми, больше радовавшиеся присутствию и милостям императрицы, чем рождественским подаркам, которые они положили под ёлку. *Ночь*, гордящаяся своей властью над нынешним временем года и моментами, посвященными удовольствиям, вела за собой *Сон*, в окружении *Сновидений*, смысл которых она объясняла. Она ссылалась на жизненное благополучие, которое видится большинству простым смертным только в мечтах и снах, но которое реально доступно избранным особам. Затем пришли *Три сестры: Эпопея, Трагедия* и *Комедия. Эпопея*, до сих пор воспевавшая несчастья только сильных мира сего, радовалась счастливому согласию, воцарившемуся ныне между сестрами. *Трагедия*, словно очнувшись от сна, обнаружила, что порой страх приводит к большому благу. *Комедия* также принимает участие в празднике. Первые две, не изменяя своей роли, объясняли сцены, следовавшие за их речами. Затем один за другим появились поэтические произведения *Гердера, Виланда, Шиллера* и *Гёте*. Самые известные трагедии продефилировали перед зрителями, остановились перед императрицей и обратились к ней с приветствиями, которые все нашли очаровательными. Замысел этого бала-маскарада частично принадлежит великой княгини Марии, которая поделилась им с Гёте. Гёте не появлялся при дворе с момента нашего приезда, поскольку работал над композицией праздника. Я думала, что увижу его сегодня, но он не пришел. Императрица горячо поблагодарила сына и попросила господина Гёте приехать к ней завтра. Она собирается подарить ему шкатулку с портретом. Когда все начали танцевать, я села в укромном уголке с госпожой Генкель, принцем Мекленбургским и Нарышкиным. Мы спокойно беседовали. Принц Мекленбургский рассказывал мне весьма занимательные анекдоты о французском дворе времен Наполеона. Он почти целый год жил в Париже и входил в близкое окружение госпожи Жозефины и королевы Гортензии. Его обвиняли в слишком тесных связях с императрицей, однако не сознается в этом и говорит о ней как об очень хорошей подруге. Как-нибудь я вам расскажу многое, что вам, безусловно, позабавит.

7 декабря.

Вчера мы разошлись очень поздно и я легла в постель только в половине третьего. Я очень плохо спала и окончательно проснулась в восемь часов. Я очень боялась, как бы императрица не отправилась посещать какой-нибудь институт или библиотеку, но, слава Богу, утро выдалось свободным и я воспользовалась им, чтобы пройтись по магазинам. Обедали мы у правящей семьи. Вечером состоялся спектакль, но несмотря на прекрасную музыку Моцарта к опере «Дон Жуан» я предпочла скоротать время у графини Ливен. Как обычно играли в дурака. После окончания спектакля за мной зашла графиня Самойлова и мы отправились к Ганикову, который устроил в нашу честь прощальный вечер. Мне там очень понравилось. Мы там немного посудачили о неком господине Арниме, камергере прусского двора, известного своей скупостью.

8 декабря.

Вот и настал последний день нашего пребывания в Веймаре. Три недели, которые должны были нам показаться долгими, пролетели незаметно. Сегодня утром мы собирались идти в библиотеку, но к счастью великая княгиня Мария спасла нас от этой скуки, убедив императрицу, что она может простудиться в помещении, слишком напоминающее подвал. Планы изменились и всех отпустили. Я занималась тем, что паковала свои вещи. Я так плохо себя чувствую, что с трудом выстояла в церкви. Вернувшись, я была вынуждена лечь. Если бы я была вольна поступать так, как мне хочется, я бы пропустила обед. Но боязнь, что меня будут бранить, привела к тому, что я оделась и представилась, как и все остальные. Мне показалось, что на обеде, длившемся нескончаемо долго, присутствовали весь город и все пригороды. Выйдя из-за стола, графиня Ливен увела меня к себе, чтобы продиктовать несколько писем. Рассталась я с ней только в семь часов. Едва я вошла к себе в комнату, как объявили о начале бала. И я, несчастная, распухшая, страдающая вновь была вынуждена одеться и провести весь вечер на ногах. Сейчас час ночи. Я только что вернулась, радуясь, что пришел конец развлечениям. К нам приехали генерал Нарышкин, генерал Клейст и несколько прусских офицеров, которые будут сопровождать нас до Лейпцига. Король и королева Саксонские прислали господину Ганикову письма, где сообщают, что будут там встречать императрицу. Значит, во вторник я увижу новые лица.

9 декабря.

Мы покинули Веймар между пятью и шестью часами. Я уезжала настолько больной, что сегодня у меня совсем нет сил писать. Я жду Рулля с его лекарствами.

13 декабря, Берлин.

Только сейчас, госпожа графиня, я смогла взяться за перо. Я и в самом деле думала, что вот-вот умру. По меньшей мере, мне было так плохо, что я попросила лекаря не отходить от меня, чтобы я могла подготовиться к смерти. Слава Богу, я поправилась и набралась сил. Теперь я в состоянии продолжить свой рассказ, правда, со слов графини Самойловой. Она одна смогла поставить меня в известность о том, что происходило в эти дни. Промучившись всю ночь в Наснембурге, мне пришлось днем преодолеть 18 миль, чтобы добраться до Виттемберга. Мы остановились в Лейпциге, чтобы присутствовать на завтраке с мясными блюдами, который устроил для нас саксонский двор. Я смотрела на короля, королеву и принцессу Августу, их дочь, словно сквозь туман. Как только церемония представления закончилась, я позволила увести себя в апартаменты, чтобы прилечь. Меня навестил ваш племянник Павел и стал свидетелем моих страданий. Обед продолжался два часа. Королева столь же болтлива, сколь молчалив король. Маленький принц Гессен-Кассельский, обучающийся в университете Лейпцига, приехал, чтобы засвидетельствовать императрице. Софи сказала мне, что он очаровательный и приятный юноша. Прежде чем покинуть Виттемберг, императрица посетила церковь, где похоронены Лютер и Мелахтон. Я уехала из Виттемберга через два часа после всех остальных. Со мной находился господин Шваль, личный лекарь великой княгини Марии. В Потсдам я приехала в шесть часов вечера. Госпожа Самойлова рассказала мне, как обрадовался король, увидев императрицу, а она, в свою очередь, испытывала настоящее удовольствие от встречи с королем и его детьми. Состоялся торжественный обед. Играл военный оркестр и пели русские певцы. Помимо короля и его семьи на обеде присутствовали принц Вильгельм с супругой, принц Фридрих, племянник короля, недавно женившийся на принцессе Ангальт-Бернбургской, принцесса Луиза с супругом и братом Августом. Вечер закончился посещением театра, где давали комедию, оперу и балет; все три постановки были превосходными. Софи особенно хвалила певицу по фамилии Шейдель. Императрица намеревалась нанести визит каждой из принцесс. Но эти дамы слишком хорошо воспитаны, чтобы причинить ей такое беспокойство. Они все собрались в одной комнате, где и принимали императрицу. Наша любезнейшая государыня была

как никогда милостива. Свой день она завершила в общество короля и великой княгини Марии. Вчера в Потсдаме состоялась месса в часовне, которую король приказал украсить по этому поводу. Службу служил священник русской миссии вместе с певчими одного из наших полков, находящихся на марше. Выйдя из русской церкви, все направились в лютеранскую. Пастор, которого зовут Эйлер, прочитал там прекраснейшую проповедь. Там были такие слова: *слава Богу на небесах и мир на земле людям доброй воли*. Он сравнил день Рождества Христова (здесь это канун Нового года) с днем рождения нашего императора. Говорил он на эту тему так решительно и так трогательно, что у слушателей на глаза навернулись слезы. По окончанию проповеди король подошел к императрице и поцеловал ей руку. Растроганная императрица расцеловала его в щеки, а затем они оба отправились на могилу Фридриха II. Императрица пала ниц, как обычно поступают перед священными реликвиями. Говорят, эта сцена произвела огромнейшее впечатление. Что касается меня, то я смотрю на подобные вещи по-иному. Я считаю, что нельзя почитать человека так же, как святого, а тем более Фридриха II, который заслуживает самое большее реверанса. Оттуда они поехали в Сан-Суси, чтобы осмотреть новый дворец. Императрица отыскала там комнату, где жила, когда навещала своего дядю. С особым удовольствием она вошла в комнату, где дядя впервые показал ей портрет Павла I, который должен был стать ее супругом, о чем уже велись переговоры с ныне покойной императрицей Екатериной. Она до мельчайших деталей восстановила в памяти эту встречу и беседу. Накануне она ездила в Потсдам, чтобы посетить комнаты того же самого короля, где всё сохранилось так, как было при его жизни. Посетив апартаменты Фридриха, она отправилась осматривать апартаменты Вольтера. Из Сан-Суси они поехали в Шарлоттенбург, где состоялся завтрак. Затем все сели в парадные кареты, чтобы торжественно въехать в Берлин. Императрицу вместе с великой княгиней Марией и принцессой Вильгельм приветствовали со всех сторон. Меня привезли в город сразу же после окончания церемонии. Я вошла во дворец через один из подъездов. Войдя к себе в комнату, я сразу же увидела госпожу Самойлову, у которой в Шарлоттенбурге случился приступ лихорадки. Весь двор в парадных туалетах отправился на великолепный обед, и мы с моей спутницей остались вдвоем и принялись сетовать друг другу на свои несчастья. После окончания обеда к нам пришел Рулль. Он рассказал нам о том, что происходило на обеде. Там исполнялась чудесная музыка, пели самые прославленные певцы, играл оркестр короля. Когда

провозгласили тост за здоровье императрицы, зазвучала ария *God save the King*[23] со словами, написанными в честь Ее Величества и был произведен 101 пушечный выстрел. Вечером императрица наносила визиты: сначала своей тетке Фердинанд, затем принцессе Фридрих, потом принцессе Александрине, дочери короля. Я думаю, что вечер она провела так же, как и накануне. Сегодня она посещала различные заведения, такие как Родильный дом, институт Луизы, основанный покойной королевой, другие, не знаю уж какие. Вернувшись, она принимала военных. Обедала она у своей тетки Фердинанд. В восемь часов в замке должен состояться бал с полонезами, затем ужин у принцессы Вильгельм. Такова программа дня. Поскольку я чувствую себя лучше, я смогла принять гостей у себя в комнате. Меня пришли проведать принцесса Луиза с дочерью, а затем и множество других особ. Я с нескрываемым удовольствием увиделась с бароном Блумом, который специально приехал сюда, чтобы встретиться с нами. Он совсем выздоровел. Воды Карлсбада оказали на него благотворное влияние. Он намеревается провести зиму в своем поместье, а затем вновь поехать на воды. Он мне горячо советовал совершить путешествие в Карлсбад следующим летом. Если у меня по-прежнему будет плохо со здоровьем, придется на это решиться.

13 декабря вечером.

Визиты ко мне участились. Только что меня посетил адъютант наследного принца и сообщил ужасную новость: несколько часов назад прибыл вестовой и привез известие об убийстве короля Испании. Говорят, что в Мадриде происходит революция, что толпа заговорщиков захватила дворец, что испуганный король сумел бежать и спрятаться в Эскориале, однако за ним пустились в погоню, схватили и растерзали. Неизвестно, ради кого свершилась эта революция: ради его брата дона Карлоса или это просто демократические перемены. Я совсем не удивилась произошедшему, поскольку этот несчастный король сам шел, если можно так выразиться, навстречу своей судьбе. А вот и барон Блум. Он подтвердил гибель короля Испании.

14 декабря.

Сегодня я смогла выйти и обедала у короля, который просил меня придти без парадного туалета, как и всех остальных. Императрица утром ездила в Шарлоттенбург на могилу королевы. Ее сопровождали великая княгиня Мария и принцесса Вильгельм. Оттуда они отправились в *Академию*, затем на выставку картин.

Ко мне приходили многие: весь город говорит об убийстве короля Испании. Можно с уверенностью сказать, что в этом никто не сомневается. Меня представили всем принцессам, двум сестрам герцогини, принцессе Фридрих и принцессе Вильгельм. Я также видела младших сыновей короля. Принц Карл — очаровательный мальчик, а маленький Альберт — очень легкомысленный. Похоже, он слишком избалован. В дополнение к принцам, счет которым я веду с самого начала путешествия, я видела герцога *Камберлендского* и *принца Гессенского*. Я нашла, что принц Вильгельм очень изменился. Вы должны помнить, какое миловидное у него было лицо. Его супруга похожа на Катишу Любомирскую. Наследный принц представил мне Ансийона, а поскольку мне запрещено посещать спектакль, я пригласила его провести вечер у меня. Я также познакомилась со старой *графиней Головкиной*, которая по-прежнему живет в Берлине. У нее самая голландская внешность из всех виденных мной. Кажется, что она сошла с одной из фламандских картин. Добрейшая дама была так счастлива оказаться моей соседкой по столу, что не давала мне ни минуты покоя, постоянно болтая. После обеда мы прошли по личным покоям короля, а затем отправились к княгине Луизе Радзивилл. Ее супруг только что вернулся из Консерватории, где исполняли *God save the King*, а также гимн в честь императрицы. Этот визит не мог продолжаться более четверти часа, поскольку, во-первых, в половине шестого была назначена церемония представления супруг членов дипломатического корпуса, а во-вторых, мы должны были ехать в театр. Покинув Радзивиллов, я вернулась к себе и быстро переоделась. Ко мне пришел господин Ансийон и пробыл более двух часов. Не могу вам сказать, что я его нашла очень любезным в разговоре. Конечно, говорил он хорошо, но всё время прислушивается к себе и строит фразы так, как будто собирается их записывать. Что касается его лица, то я мало видела столь неприятных физиономий. Впрочем, он высокий и хорошо держится. Барон Блум зашел ко мне проститься. Мы беседовали до полуночи. А сейчас я ложусь, поскольку завтра мы собираемся отправляться в дорогу в восемь часов.

Ландсберг, 15 декабря.

Я уехала из Берлина, так ничего и не увидев. Никогда болезнь не настигала меня в столь неурочное время. Перед тем как пуститься в путь, мы завтракали в загородной резиденции, принадлежавшей некогда княгине Барятинской. Там собрался весь двор. Я смотрела, как едят другие. Сама же ни к чему не притронулась. В десять часов мы сели в карету. Прощание с

королем было трогательным. Он плакал, обнимая императрицу и ведя ее к карете. Сама я этого не видела, мне потом рассказали. Впрочем, я убеждена что король действительно любит императора и русских. Чувство любви он высказывает при каждой возможности, однако его окружение с трудом это прощает ему. Принцы и принцессы проводили нас, пожелав счастливого возвращения. Около трех часов мы остановились на обед на расстоянии двух почтовых станций от Берлина. Великая княгиня Мария покинула нас. Вот и настал конец *фееpеи*. Теперь нам остается спокойно вернуться к родному очагу. Усли не ударят морозы, а мое здоровье останется таким же, ка сегодня, я возблагодарю Бога, вернувшись к себе. Досадные неприятности останутся в прошлом и я, в целом, не буду сердиться, что совершила подобное путешествие.

Шнайдемуль, 16 декабря.

Сегодня не произошло ничего примечательного. Спать мы легли в девять часов. В карете ехали молча. Императрица читала произведения госпожи де Сталь, графиня Ливен и графиня Самойлова дремали, а я читала новую трагедию под названием «Белизер». Вот так день и прошел. Поскольку было очень поздно, мы сразу же после приезда откланялись.

Бромберг, 17 декабря.

Сегодня стояла очаровательная погода. Утром, когда я вошла к графине Ливен, то узнала, что ей сообщили о кончине ее невестки. Она давно об этом догадывалась, но не хотела говорить. Чтобы немного развлечь графиню, я предложила ей сыграть в дурака[24] в карете. В одиннадцать часов мы остановились, чтобы позавтракать, а затем продолжили путь с невероятной скоростью. Я прочла «Белизара», а поскольку читать мне больше нечего, то предалась размышлениям. Императрица по-прежнему читает госпожу де Сталь. Сюда мы приехали в пять часов и у нас было время для отдыха. Императрице нанесли визит несколько генералов, которых она пригласила на ужин. Пришлось два часа сидеть за столом, а поскольку я ничего не ем, признаюсь вам, меня это утомило до изнеможения. Некоторые из сопровождающих нас господ сомневаются, что в Мадриде произошла революция. Один из них, министр Пруссии при испанском дворе, хотел заставить меня поверить, что такое невозможно. Тем лучше, если известие окажется ложным.

Грауденц, 18 декабря.

Я не сомневалась, господин граф, что вы уже давно послали

мне письмо. Тем не менее, я получила его только сегодня. Это произошло потому, что она попало в пакет, адресованный графине Ливен. А поскольку от нее скрывали о смерти ее невестки, то не давали никаких писем из Петербурга. Таким образом, и ваше письмо оказалось отложенным в сторону. Вы совершенно справедливо заметили, что я могла бы послать ваш перстень тысячу лет тому назад. Боже мой, да я и сама прекрасно знаю! Я рассчитывала отдать его в Праге самому эрцгерцогу. Но к моему несчастью доктор Рулль, которому я дала перстень, чтобы ужать, счел за благо упаковать его в один из своих кофров и отправил их вперед в фургоне. И вот когда я решила отдать кольцо эрцгерцогу, выяснилось, что оно едет у Штутгарт. Вот единственная причина задержки. Но будьте уверены, оно отправлено по адресу. Анстет переслал его и уведомил меня об этом во Франкфурте. Возможно, вы его уже получили. Сегодня наступила своего рода оттепель и поэтому мы ехали не так быстро, как вчера. Тем не мене, в *Грауденц* мы прибыли довольно рано. После того, как я привычно рассказала вам о прошедшем дне, я собираюсь написать сестре в Италию, поскольку здесь я встретилась с неким консулом из Данцига, который берется передать мое письмо. Прощайте.

Прэйс-Холанд, 19 декабря.

Погода как нельзя лучше благоприятствует нашему путешествию. Утром мы увидели, что выпало много снега, что заставило нас поспешить. Сюда мы приехали ровно в шесть часов. Я весь день читала письма аббата Галиани, которых никому не посоветую, поскольку они ужасно скучные. Здоровье мое неважное. Я снова чувствую, что опухаю.

Кёнигсберг, 20 декабря.

Думаю, что сегодня настал последний день нашего триумфа. Церемония нашего въезда в Кёнигсберг была привычно торжественной. Полагаю, что подобного праздника нам не устроят ни завтра в *Тильзите*, ни позднее в *Мемеле*. Итак, нам устроили испытание ужином по меньшей мере на 60 персон. По чистой случайности я сидела с дамой, ни на минуту не прекращавшей болтать. Она поведала мне, что она урожденная *Ребиндер*, что родители воспитывали ее так, чтобы она смогла стать фрейлиной покойной императрицы Екатерины. Однако к несчастью она лишилась отца и все высокие помыслы оказались тщетными. Затем она благоразумно вышла замуж на графа Шверина, подданного короля Пруссии. У нее множество ребятишек и она занимает приличное положение в Кёнигсберге.

Тем не менее она по-прежнему хочет увидеть Россию. Она неоднократно собиралась совершить туда путешествие, но всякий раз возникали какие-либо преграды. Я посоветовала ей не трогаться с места, сказав, что путешествие в Петербург потребует огромных затрат. Надеюсь, что у нее хватит ума последовать моему совету. На ужине я увидела других разряженных дам, многие из которых прикололи к своим чепцам перстни с вензелем императора и вензелем императрицы. Безусловно, в Кёнигсберге не так строго следуют моде, как во всем мире. Эти дамы, украшенные перстями, выглядели очень довольными своим изобретением. После ужина императрица удалилась к себе приказала нам быть готовыми к четырем часам утра. Завтрашний день обещает быть тяжелым. А пока я напишу в Брухсалл, поскольку этой ночью туда отправляется гонец.

Тильзит, 21 декабря.

Мы отправились в путь ранним утром. Еще не рассвело и небольшой морозец позволил нам ехать очень быстро. До обеда мы проделали десять миль, а после обеда поехали еще быстрей и добрались до места так рано, как и не предполагали. Мы остановились в том самом доме, где был подписан мир 1807 года. Если бы за ним не последовали иные события, он не оставил бы столь грустных воспоминаний. Но, слава Богу, мы ходим с гордо поднятой головой и единственное о чем можно пожалеть, находясь в Тильзите, так это о том, что уже нет несчастного князя Куракина. По меньшей мере, эта мысль первой пришла мне в голову. Прощайте, графиня; прощайте, граф. Когда встаешь в три часа, можно лечь в десять. К тому же мне надо принять слабительное.

Мемель, 22 декабря.

Вот уж два часа, как мы находимся здесь. Сегодня мы ехали медленнее, чем вчера. Очень мало снега и мы увязали в песках. Императрица закончила читать госпожу де Сталь, а я — Галлиани. Я примирилась с этим неаполитанцем. Второй том его писем весьма мил. А некоторые письма даже искрятся остроумием. Мы остановились на обед, который продолжался один час; а затем ехали без остановок. Императрицу разместили у местного торговца, а нас — у вдовы другого торговца. Здесь так хорошо и чисто, как никогда не было с момента нашего путешествия. Я ложусь в постель с великим наслаждением. После вчерашнего слабительного я чувствую себя лучше.

Еще раз Мемель, 23 декабря.

Сегодня день отдыха. Утром я получила ворох газет и читала их довольно долго. В полдень мы пришли к императрице, которая уже составила план прогулок. Сначала мы посетили сад хозяина дома, где она остановилась. Он очаровательный, хотя и небольшой. Затем мы отправились на верфи, где увидели маленькое торговое судно всем своим видом похожее на большой корабль. Матросы, выстроившись на реях, приветствовали императрицу троекратным «ура». Затем мы спустились в трюм, чтобы всё осмотреть. Нас сопровождали члены семьи торговца, принимающего императрицу, а также прусские генералы. Теснота была такая, что мы едва могли повернуться. Покинув судно, которое называется «Церера», мы сели в карету, чтобы проехать по побережью. Море здесь гораздо красивее, чем в Петергофе, особенно сегодня, когда оно волнуется. Нам предложили взойти на маяк и, несмотря на слабость в ногах, была вынуждена взбираться за всеми остальными. В три часа состоялся обед. В самый разгар обеда мы услышали пушечный выстрел. Бургомистр Мемеля устроил обед для всех бедных в честь приезда императрицы. И в тот момент, когда они пили за ее здоровье, выстрелила пушка. Можете себе представить, как был воспринят подобный знак внимания. Признаюсь, я тоже растрогалась и заинтересовалась этим бургомистром. Несомненно, лучшего даже придумать было нельзя. Выйдя из-за стола мы разошлись по домам, а в восемь часов собрались вновь. Императрица играла в бостон с пруссаками, а я — в дурака[25] с нашей графиней. Вот как закончился вечер.

Тадекин, 24 декабря.

Сегодня ровно в четверть двенадцатого мы пересекли нашу дорогую границу и вновь очутились на русской земле. Я воздала Господу хвалу и мы поздравили друг друга. В Паланге состоялся большой прекрасный завтрак, после которого прусская свита распрощалась с нами. Мне бы хотелось вновь увидеться с господином *Вертером*, весьма порядочным человеком. Приехав сюда, я вновь почувствовала себя совершенно больной. Боюсь, что у меня опять начнется колика. О! Как мне не терпится оказаться в Петербурге, в Зимнем дворце и в своей комнате!

Фраенбург, поместье графини Ливен, 25 декабря.

Ночью я не сомкнула глаз, всё прохаживалась как заблудшая страдающая душа. Сегодня — Рождество, поэтому мессу не служат. Чтобы восполнить этот недостаток, маркиз Паулуччи приказал послать за полковым священником, который пропел *Te Deum*. Его собрались послушать все православные. Я все время

чувствовала боль, а в дороге мои страдания усилились. Приехав во Фрауенбург, я, наконец, смогла лечь в постель и спокойно отдохнуть. Когда я говорю «спокойно», то подразумеваю «не в карете», поскольку боли в кишках не утихали ни на минуту.

Рига, 26 декабря.

Императрица отправилась в путь без меня. Я ехала вместе с Руллем. У меня всё по-прежнему болело и каждый толчок доставлял мне страдания. Едва приехав, я тут же легла. Меня пришла навестить Мария Ливен. Увы! Боль, терзавшая меня, не дала мне почувствовать удовольствие, которое я испытала бы в любое другие время от общения с доброй милой Анреп. Ночь прошла ужасно, слабительные не помогли. Мне так не терпится оказаться дома.

Вольмар, 27 декабря.

Сегодня все ночуют в Валке, но у меня нет сил добраться туда. Господин Рулль оставил меня здесь в доме своей сестры, которая всю ночь ухаживала за мной с неутомимым усердием. Эта славная дама напоминает мне вдову Сарепту, прядущую пряжу при свете лампы. Я поистине была растрогана оказанным мне приемом. Проведя у ней одну из самых мучительных ночей, я смогла на следующий день пуститься в дорогу около десяти чесов.

28 декабря.

Я провела весь день в карете, не выходя ни на минуту, поскольку боялась простудиться. Императрица должна заночевать в *Торме*. Я решила добраться туда, чтобы подождать ее. Мне стало хуже, чем вчера.

Нарва, 29 декабря.

Мы приехали в Торму незадолго до наступления ночи. Не было никакой возможности попасть в дом, где остановилась Ее Величество, чтобы объявить о себе. Все было наглухо закрыто и как бы слуга не старался, он не мог отыскать входа. Ворота были заперты так, что открыть их было невозможно. Покрутившись вокруг и посоветовавшись с господином Руллем, мы приняли решение продолжить путь. В шесть часов утра я остановилась в *Гессле*, чтобы выпить чашку кофе. После этого я более не выходила из кареты и сумела приехать в *Нарву* на час раньше императрицы, которая останавливалась в *Йеве*, чтобы отобедать с местными дворянами.

Петербург, 30 декабря.

Приехав в Нарву, императрица навестила меня. Я чувствовала себя лучше и полагала, что на следующий день смогу сопровождать ее, однако она сочла уместным уехать ночью, а я продолжила путешествие вместе со своим эскулапом. Счастье, которое я испытывала при приближении к Петербургу, утоляло мои страдания, хотя я чувствовала себя плохо. Приехав в *Ополье*, я выпила бульон. Нас хотели обмануть и вместо почтовых лошадей дать крестьянских. Однако мой спутник, едва не вступив в драку, добился, чтобы нас обслужили, как следует. И мы, не торопясь, не мчась во весь опор, приехали на заставу, когда часы пробили половину одиннадцатого. Я не верила своим глазам, пересекая улицы. Хотя было уже довольно темно, я опустила стекло, чтобы не пропустить ничего из того, что открывалось моему взору. Когда я увидела Зимний дворец, я чуть не выскочила из кареты. Наконец, я подошла к своему подъезду[26], поднялась по 113 ступеням, открыла дверь и меня охватило чувство полнейшей радости и благодарности Провидению, приведшего меня к родному очагу. Первым делом я пошла в домашнюю часовню и воздала Ему должное за оказанное мне благодеяние.

notes

Примечания

1

Выбойка — самый грубый ситец. — *Примеч. пер.*

2

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

3

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

4

De Profundis — Из глубин. Начало покаянного псалма, который читается как отходная молитва над умирающим. — *Примеч. пер.*

5

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

Altri tempi — другие времена. — *Примеч. пер.*

8

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

9

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

10

То же.

11

Написано по-русски в оригинале. — Примеч. пер.

12

То же.

13

Написано по-русски в оригинале. — Примеч. пер.

14

Написано по-русски в оригинале. — Примеч. пер.

15

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

16

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

17

Боже, храни короля. Написано по-английски в оригинале. — *Примеч. пер.*

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

21

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

23

Написано по-английски в оригинале. — *Примеч. пер.*

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

Написано по-русски в оригинале. — *Примеч. пер.*

Написано по-русски в оригинале. *Примеч. пер.*